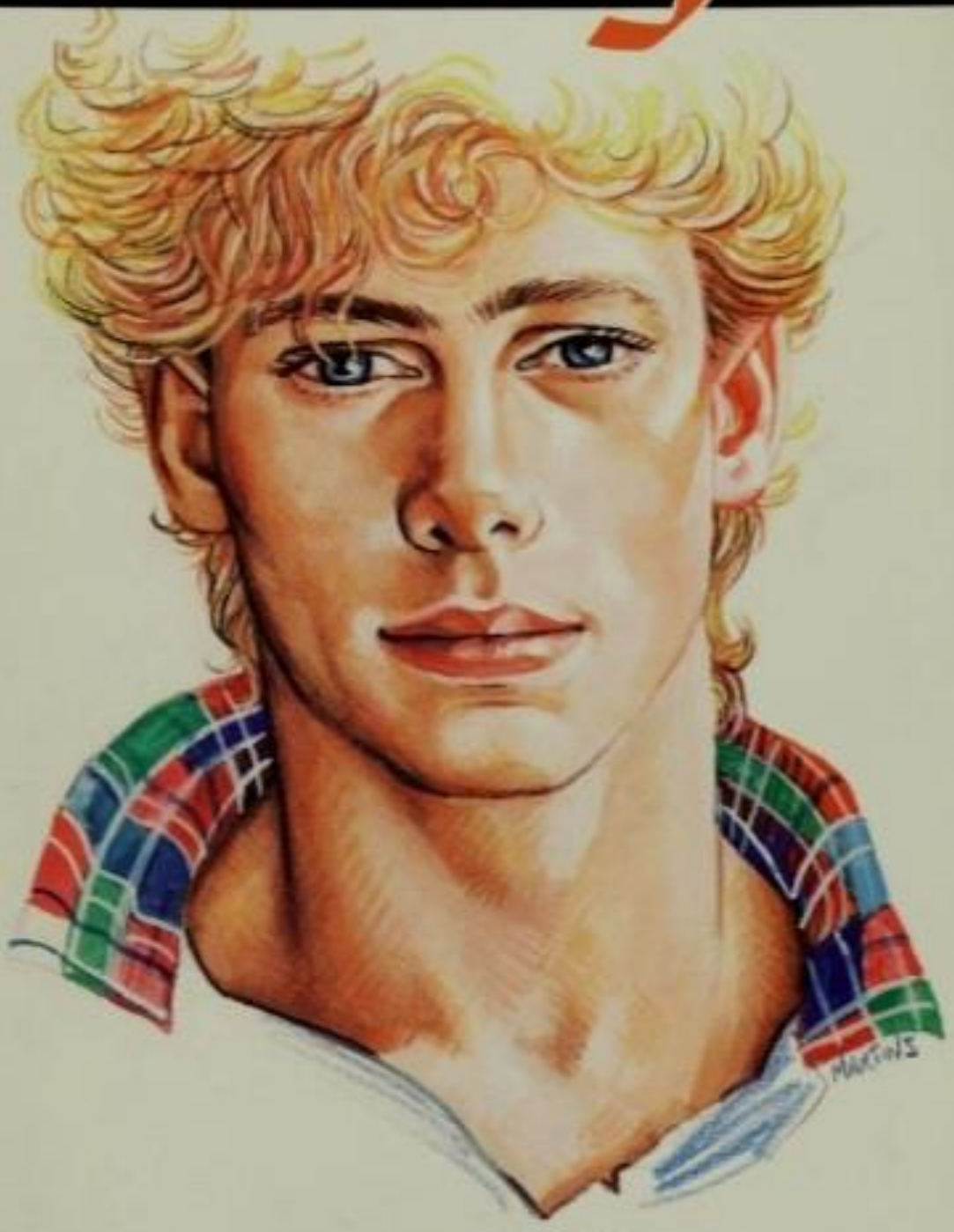
Cody



A novel by

KEITH HALE

Благодарю Роберта Лоу за помощь в подготовке рукописи, спасибо моим родителям за пространство для работы над ней, Саше Элисон за публикацию. Спасибо также Филу Ревелсу, Дэйву Корбетту, Джеймсу Грауэрхолзу, группе Until December и Шери Кох. За помощь в Амстердаме. Благодарности Фрэнку Торею, Питеру Гленкросу, Марку Уоткинсу, Лео де Кам и Сандеру Ван де Бильту (за один превосходный поцелуй)

CODY

Keith Hale

Коди

Кит Хейл

1987

Перевод
Иван Иванов

2024

Роман благосклонно принят критикой:

Настоящий триумф "Коди" — образы подростковой любви. Как критик, я не могу вспомнить ни одного недавнего романа, который представил бы ее лучше... У Кита Хейла есть дар создавать сцены и передавать подростковые разговоры с присущим ему своеобразным юмором, излагая гораздо больше, чем то, что на самом деле было сказано. "Коди"... весьма значительное достижение.

Фрэнк Тори*

С этой освежающей подачей Кит Хейл встает в один ряд с нынешней «новой волной» гей-писателей. Понимается на пьедестал, возвышающийся посреди всей гей-литературы.

Томас Хопкинсон

*Gay Community News***

* редактор и основатель изд-ва Acolyte Press (1984-1996), Амстердам.
** американская еженедельная газета, издававшаяся в Бостоне, штат Массачусетс, с 1973 по 1999 год.

One/Глава первая.....5
Two/Глава вторая.....24
Three/Глава третья.....50
Four/Глава четвертая.....99
Five/Глава пятая.....119
Six/Глава шестая.....148
Seven/Глава седьмая.....165
Eight/Глава восьмая.....186
Nine/Глава девятая.....211
Ten/Глава десятая.....231
Eleven/Глава одиннадцатая.....264

Блокнот.....276

Интервью с автором.....293

Глава первая

Я смотрел и смотрел на парня, который сидел передо мной, по диагонали, примерно в пяти футах*. Миссис Кремер рассказывала о Холодной войне, ее причинах и следствиях, но класс слушал вполуха, на случай, если вдруг кого вызовут, но в основном предавались мечтам, потому что это был первый день без дождя за всю неделю, и небо стало чудесным, волшебно голубым.**

Поскольку Литл-Рок* только недавно стал моим домом, я ходил в эту школу меньше двух недель. Однако роль «новенького» была мне знакома, поскольку я сменил почти дюжину разных школ в полудюжине городов за последние одиннадцать лет. Тем не менее, эта роль всегда сопутствовала чувству какой-то неуютности, особенно когда дело касалось налаживанию связей в плане приобретения новых друзей.**

В течение трех дней я украдкой, краем глаза, поглядывал на одного мальчика в классе, но не набрался смелости заговорить с ним. Я выбрал его прежде всего инстинктивно, но также и потому, что он показался симпатичным, веселым и демонстрировал замечательный интеллект, отвечая или задавая вопросы в классе.

* 1.5м

** Cold War - время конфронтации между СССР, Западной Европой и США с 50-х годов 20 века до 1991г.

*** **Little Rock** - административный центр штата Арканзас. Население ок. 198 тыс. человек. основан в 1821г.

Он постоянно спорил с учительницей относительно исторической интерпретации, обычно выдвигая основательные аргументы. К сожалению, он, казалось, не замечал моего присутствия, внушая мне опасения в плане хоть какого-то сближения.

Миссис Кремер излагала тему демократических выборов, которые Россия* обещала провести в странах Восточной Европы после Второй мировой войны, но которые либо «вообще не проводились, либо не были, как мы бы сказали, демократическими».

Я знал все это из собственного чтения, поскольку история всегда была предметом, который я находил увлекательным. Это даже отразилось в моем имени: Троцкий. На самом деле я был Стивеном Троттингемом Тейлором и до сих пор не препятствовал учителям называть меня Стивеном или Стивом, не зная, как они отнесутся к присутствию Троцкого в классе. Но меня всю жизнь называли Троцким те, кто знал меня лучше всего, и это было имя, которым я хотел, чтобы меня называли все новые друзья.

Имя значило многое, потому было своего рода памятью о моем отце Джоне, профсоюзном активисте в Милуоки, застреленном во время забастовки в Чикаго. Моя мать, беременная мной в то время и оставшаяся с выбором имени наедине с собой, взяла паузу, чтобы увидеть какого я буду пола, и затем назвала меня Стивеном (имя моего дедушки по отцовской линии) и Троттингемом (фамилия ее

* тогда СССР

семьи), с той мыслью, что меня будут звать Троцким.

Внезапное осознание того, что на меня смотрят, заставило отвести глаза. Но меня поймали, и теперь тот парень оглядывался каждые несколько минут, улыбнувшись пару раз, но чаще поглядывая на меня со смесью любопытства и настороженности. Миссис Кремер заметила, что он отвлекся, и сердито спросила его, что именно думает *он* о русских.

Коди — так его звали — не часто заставали врасплох. С небольшим колебанием он ответил ясным, отчетливым голосом:

- Я слышал, что они хорошо отзываются о нашей революции.

Среди раздавшихся смешков миссис Кремер помедлила, обдумывая ответ:

- Ты имеешь в виду Американскую революцию, полагаю?

Коди кивнул, и затем объяснил свой ответ менее легкомысленно:

- Я считаю, что они уважают нашу революцию в качестве очевидного примера того, как пролетариат восстает, чтобы разорвать порабощающие его цепи, но в то же время они считают, что мы где-то ошиблись и позволили классовой системе снова поработить нас.

Несколько учеников громко выразили возражения относительно мнения Коди, и я впервые на этом занятии высказал свои собственные комментарии, предположив, что Советам, возможно, стоит критиковать свою собственную революцию, поскольку она пошла

не туда в глазах многих, когда Сталин вырвал власть у Троцкого и его сторонников. Мое заявление немедленно восстановило порядок, поскольку едва ли кто-либо, — включая миссис Кремер, - казалось, понимал, о чем это я. Коди бросил на меня еще один взгляд, улыбаясь даже больше, чем прежде, и сказал, что вполне может согласиться с моей оценкой. Затем миссис Кремер торопливо ознакомила нас с Берлинским кризисом*, чтобы иметь возможность дать нам уже подготовленное домашнее задание до звонка к окончанию урока: "Если бы вы были Джоном Ф. Кеннеди, *что бы вы сделали тогда*?"**
А действительно, что? Когда прозвенел звонок на обед, я был разочарован, увидев, что Коди поспешил из класса с другим учеником. Несомненно, у них были планы. Хотя я надеялся, что он не так популярен, чтобы было трудно с ним познакомиться, но и не мог себе представить, чтобы он был непопулярен. Он выглядел достаточно уверенным в себе и знающим, как извлечь максимум из того, что у него есть. Тревожило то, что у него, казалось, было все — обаяние, остроумие, внешность и интеллект. Единственное, чего, возможно, не хватало, — обеспеченности.

* одна из точек эскалации в Холодной войне. В 1961г., после начала строительства ГДР стены, разделившей Берлин на Западный и Восточный, противостояние между СССР, Западной Европой и США достигло угрожающего уровня. СССР потребовал признания государственности ГДР, на что получил возражения, подкрепленные военными приготовлениями, вплоть до открытого столкновения на границе Западного и Восточного Берлина. Однако, дипломатия с обеих сторон сумела разрешить все вопросы.
** 35-й президент США (1961–1963)

Я предположил, что Коди был примерно моего возраста — семнадцати лет. Среднего роста, хорошо сложен, даже до некоторой степени мускулист, с широкими плечами и стройным торсом. Его лицо было гладким, как у ребенка — вполне очевидно, что ему не нужно бриться — но что-то в очертании его скул и подбородка создавало ауру уверенной основательности и не позволяло ему выглядеть мальчишкой. Глаза Коди были проникновенно голубыми, но именно волосы затмевали его другие физические характеристики, привлекая внимание. Подстриженные в несколько слоев, они ниспадали на воротник и часто на глаза, взмывая вверх и вниз живым, сияющим всплеском, когда он шел или поворачивал голову. Но цвет был самым интригующим аспектом — несколько оранжевый, но не совсем, близкий к блондинистому, но в то же время с наиболее привлекательными оттенками шатена и брюнета.
Что же касается одежды, то Коди приходил в школу практически каждый день в клетчатой хлопчатобумажной рубашке, потертых джинсах и рваных теннисных туфлях, создавая впечатление, что он настолько близок к "земле" (и к бедности), насколько это возможно, не голодая, — естественный до устрашения, в том смысле, что ты хотел бы выглядеть так же. По крайней мере, я.

К концу дня вновь пошел дождь, с запада налетела гроза. Я закутался в ветровку

поплотнее, пальцем высвобождая прядь волос из-под воротника. Небо потемнело до такой степени, что уличные фонари начали жужжать и разгораться, дождь же, льющийся в их мерцающем свете, создавал у меня чувство умиротворенности.

Город казался поразительно пустынным, как будто дождь на самом деле был вражескими бомбами, и все укрылись под землей. Хотя магазины были все еще открыты, единственным человеком, которого я увидел, был полицейский, выписывающий штраф какой-то *Субару*, ловко втиснувшейся прямо посередине двух парковочных мест.

Я начал искать работу, как только в 15:30 закончились занятия, отправившись на поиски без особых планов, но не нашел ничего, кроме разочарования. Везде, куда я попытался обращаться, либо никто не был нужен, либо мне не хватало опыта. Один менеджер из магазина сказал мне, что у меня слишком длинные волосы, а они в первую очередь заинтересованы в женщине-продавце.

- Коротко стриженной, полагаю, — сказал я на выходе.

И вскоре после того, как начался дождь, я прекратил все эти поиски, по крайней мере, сегодня. Я чувствовал то, что, должно быть, чувствуют все молодые люди в попытках поиска работы, задаваясь вопросом, как найти ее, если для этого требуется опыт, которого нет по определению.

Сейчас же под легким, но настойчивым дождем, я совершенно случайно наткнулся на

Службу занятости штата Арканзас. Понимая, что они скоро закроются, я быстро вошел внутрь, радуясь, что здесь, как и на улицах, пусто.
Секретарша в приемной дала мне форму для заполнения, разъясняя, что я должен выполнить эту задачу быстро, велела мне ждать собеседования. И все это на одном дыхании, не отрываясь от бумаг, над которыми нависала. Она могла и что-то писать, но я полагаю, что она понимала, как ее воспринимают, и сомневаюсь, что ее это беспокоило.
Анкета достаточно легко заполнялась, за исключением наличия всего трех полей для перечисления примерно дюжины или школ, которые я посещал. Но и я мог вспомнить только адреса трех, так или иначе, поэтому вписал их и придумал три набора «дат посещения» в общей сложности в течении одиннадцати лет. Затем требовалось указать адреса, где я проживал в течение последних десяти лет, и снова - лишь три поля. Совершеннейшая неадекватность, что поля, что я, — мой разум был таким же пустым, как и эти формы. Я не отрываясь смотрел на печь в углу комнаты, когда услышал, как кто-то назвал мое имя. Секретарь по-прежнему не смотря на меня, четко указала, где находится нужный мне стол.
Здесь была девочка примерно моего возраста, возможно, на год или два старше, на которую я взглянул со смесью любопытства и трепета. Было что-то в том, как она была одета,

довольно смело, почти дерзко — определенно не так, как обычно предпочитают одеваться женщины Арканзаса в этом конкретном случае и возрасте, хотя и не ускользнуло от моего внимания и то, что женщины в Арканзасе в таком случае и возрасте все же предпочитают, однако, нарядность при любых вариантах. Я предположил, что это как-то связано с тем, что все эти годы штат был сорок девятым в рейтинге благосостояния. Молодая женщина, однако, выглядевшая так, словно *она* была из другой эпохи, переговаривалась с женщиной постарше и, казалось, рассказывала той что-то смешное: "А потом настоятельница сказала:
- От тебя пахнет затхлой верблюжьей мочой. Поэтому младшая ушла мыться. Когда же вернулась, то спросила:
- От меня все еще пахнет затхлой верблюжьей мочой?
И настоятельница ответила:
- Да, но, по крайней мере, она - свежая."
Старшая женщина не повела и бровью:
- Это ужасно, — лишь заявила она, метнув стопку бумаг на стол, как бы в доказательство искренности.
Молодая четыре раза постучала карандашиком по своей пишущей машинке, вроде бы размышляя, затем пожала плечами. Она собиралась, видимо, продолжать печатать, когда вдруг заметила мое присутствие.
- Кто ты? Что ты так разглядываешь? — спросила она меня.
Тон, в котором она задавала эти вопросы, не

был особенно неприятным. У меня вызвали уныние сами вопросы.
- Э-э, да ничего. Я имею в виду, вас. То есть нет, э-э, меня зовут Тро...
- Итак, чем я могу помочь?
- Ну да. То есть, я думаю, да. Я хотел...
- Ты мокрый.
Я узнал строчку из известного культового фильма*, но не мог понять, пыталась ли эта девушка шутить или быть серьезной. Она произнесла эти слова словно бы в обвинение, как и в фильме. Я вспомнил, что правильный ответ был бы: «Да, дождь идет», но предпочел не отвечать.
- Садись, но сиди прямо, — последовала инструкция. Затем она увидела бланки в моих руках и добавила:
- Передай мне их.
Однако возможность отдать бумаги мне не представилась, поскольку она тут же схватила их, но только чтобы быстро швырнуть их мне обратно.
- Они *не* заполнены до конца.
- Нет, э-э, извините.
Она держала карандаш во рту, очевидно, изучая меня. На самом деле, она была довольно привлекательной. Ее манера держаться застала меня врасплох, но я не нашел это неприятным.
Это было почти... забавно. На самом деле, я обнаружил, что с нехарактерным для себя нетерпением жду, что она скажет дальше.

* The Rocky Horror Picture Show/Шоу ужасов Рокки Хоррора (1975), реж. Джим Шарман. Фильм действительно стал культовым, имеет своих фанатов по настоящее время.

Она же, казалось, была вполне довольна тем, что заставила меня ждать, хотя время закрытия быстро приближалось.
Пауза дала мне шанс восстановить самообладание. Я осмотрел стол, надеясь найти табличку с именем, погребенную где-то под ледником. Даже у такого экстраординарного экземпляра, как этот, наверняка должно быть имя. Мне повезло, я заметил знакомую деревянную плашку треугольной призмы с золотой пластинкой с одной стороны и гольфовым зеленым сукном снизу, лишь частично скрытую горой заявлений. Ее звали Сара Тернер, - имя, показавшееся мне ужасно неправильным. Я ожидал, что это будет Кассандра Констеллейшн*, может быть, но не Сара Тернер, точно. Но имя даже написано было по всем правилам.
Сара Тернер, тем временем, протянула мне свой карандаш, острым концом вперед. Я взял его. Ластик был мокрым от того, что был у нее во рту, - интимность, которая мне понравилась, как и следы зубов на дереве.
- Можешь заполнить их сейчас, — предложила Сара, указывая на бумаги.
- Да, сделаю.
У Сары были дела, поэтому она занялась ими, пока я корпел над формами. Затем она снова выхватила их.
- Потрясающе, — воскликнула она.
- Простите? - я улыбнулся, больше не нервничая в ее присутствии.

* Constellation (англ.) - созвездие

- О... ничего, — ответила Сара, с паузой между двух этих слов. Достаточной, чтобы поджать губы и вопросительно взглянуть на меня.
- Какую работу ты ищешь?
- Ну, я, на самом деле, не знаю.
- Я так и думала, - Сара отмахнулась. - Вот, женщина у того окна владеет хиромантией. Почему бы тебе не обратиться к ней?
Я взглянул на указанную женщину, которая скорее показалась не в себе, чем ясновидящей.
- Послушайте! Я пришел за помощью в поиске работы, а все, что получил, какое-то.. какое-то странное отношение!
Сара резко выпрямилась в ее вращающемся кресле, извлекла из ящика резиновый штамп.
- Я постараюсь организовать несколько собеседований, - начала она, - хотя в твоем случае это может быть сложно. Этот номер доступен для связи?
- Да. После занятий.
- Очень хорошо. Дай мне два или три дня. А пока постарайся не промокнуть.
Она начала с безумной скоростью заполнять бланки. Я наблюдал, как несколько полей с моим почерком скрылись под ее чернилами.
Ну, да. Точно. Пусть так. Ведь ей читать эту чертову штуку, а не мне.
Я встал, чтобы уйти. Она ничего не сделала, чтобы задержать меня.

Снова под дождем я не мог выбросить этот странный экземпляр из головы.

Было безумием думать, что мне действительно понравилась эта инопланетная жизнь, однако мне было жаль уходить, — но по какой еще, другой, причине?

Небо стало еще чернее, чем раньше; дождь усиливался. Мне нравились эти темные небеса и промокшие улицы, и даже странно привлек смуглый, вымокший молодой человек, неуверенно посмотревший на меня, когда мы переходили дорогу. К тому времени, когда я был у своей машины, дождь превратился в настоящий ливень.

- Прекрасно, — сказал я в плотном потоке часа пик. - Фантастика, — вырвалось у меня на первом же светофоре. - Сара, — добавил я, рассекая воду, полностью скрывшую перекресток.

Не собираясь полагаться на Сару в поиске работы, я провел следующий день в центре Литл-Рока, проверяя листы местной газеты*. Одно объявление гласило: "ЗАРАБАТЫВАЙТЕ 1000–3000 ДОЛЛАРОВ В МЕСЯЦ. Нужно только ГОВОРИТЬ И ХОДИТЬ". Казалось, это весьма минимальные требования. Я предположил, что это продажа от "двери к двери", и поэтому звонить не стал.

Литл-Рок вызывал тревогу. Я прожил в северной части страны большую часть своей жизни, но мама решила переехать на юг из-за «лучшего делового климата». Она всегда произносила это, как будто цитируя кого-то, действительно вызывающего у нее ненависть.

* **Arkansas Gazette** - издавалась с 1819 по 1991 год. Старейшая газета к западу от реки Миссисипи. В течение многих лет - официальное издание Литл-Рока и штата Арканзас. Была первой газетой в Арканзасе.

В ожидании устроиться экономистом после получения магистерского диплома Университета Небраски, она в итоге приняла предложение преподавать экономическую теорию в Университете Арканзаса в Литл-Роке.

Мне же нравилось в Висконсине. А те несколько лет в пшеничном поясе я ненавидел. Что касается Арканзаса... ну, я не был так уж уверен. Культура здесь казалась причудливой смесью, слишком неопределенной, чтобы вызвать отвращение, но и слишком сомнительной, чтобы как-то оценить. Кроме того, было что-то в том, что я не был коренным арканзасцем, с чем я никогда не мог справиться, ни относительно соседей, ни школы, ни мучительных для меня собеседований при приеме на работу. Но знал только двоих из соседей, а в школе учился менее недели. Возможно, что-то да изменится.

Вернувшись к машине, я задался вопросом, что делать дальше. Несмотря на возмутительную цену бензина, было почти облегчением обнаружить, что в баке пусто. На данный момент это давало некое чувство направления, цели, хотя и едва доступной по стоимости.

Несколько раз я испытывал искушение заехать на заправку возле дома, но до сих пор поводов не было.

Искушение вызывал... Коди, которого я видел у пистолетов бензоколонок.

Я с радостью обнаружил, что цены на этой

станции относительно низкие. Не увидев никого у колонок, я вошел внутрь, чтобы найти кого-то из персонала, так как эта станция была одной из немногих в городе, еще не перешедших на самообслуживание. Послышался скрежет из мужского туалета, и вскоре появился Коди, с цементной трубой в руках. Это был такой, хороший, кусок бетона.

- А это не ты был на уроке истории? — спросил он. Подумав, что будет оскорбительно, если получается, что он не знает ответа, и вспоминая, как он ушел с урока никак не представившись, я решил промолчать. Когда он понял, что я говорить не собираюсь, то посмотрел на меня волшебно голубыми глазами, в обрамлении изумительного золотистого загара, и извинился за то, что заставил меня ждать.

- Что я могу сделать для вас? — спросил он наконец.

Я оставил свои мысли при себе и сказал:

- Залей бак обычным.

Это было то, что всегда говорят на заправочных станциях. Точно и по существу. Это не было чем-то, вроде:

- Я думаю, ты красивый.

А было просто фразой, такой, которую скажут любому заправщику, красивому или нет.

Я последовал за Коди к своей машине.

- Тебя могли запросто обчистить, — сказал я без эмоций, раздумывая, пока говорил, как банально это должно было звучать.

- Даже персонал на заправочных станциях

иногда пользуется туалетом, а я здесь один. Это было настолько исчерпывающе, что возможности продолжать разговор мне не оставляло, кроме как подытожить:
- Полагаю, да, безусловно, - что казалось бессмысленным, но, опять же, это было не совсем так.
- Хочешь, я проверю масло? — спросил Коди.
- Да, пожалуйста, — ответил я, зная, что масло мне не нужно, но также понимая, что предложение Коди было необычным даже для Арканзаса.
Завороженный его волосами, я тихо вспомнал начало одного из стихотворений А. Э. Хаусмана*:

О, кто же этот молодой
Страдалец с наручниками
На его запястьях?
И что он сделал, что они
Ревут и потрясают кулаками?
И почему он явно
Укором совести терзаем?
Ого, за цвет волос
*Его в узилище везут!***

- Здесь уровень, — сказал Коди.
Я понял, что пора расплатиться и уйти, но в

*** Alfred Edward Housman** (26 марта 1859 - 30 апреля 1936) — один из самых популярных начала 20 века, автор стихотворного сборника *A Shropshire Lad/Шропширский парень(1896)*, получившего широкую известность в годы Первой мировой войны.
** **Oh Who Is That Young Sinner/О, кто же этот молодой страдалец** из раздела *Additional Poems/Еще стихи* мемуаров (1937) Лоренса Хаусмана, брата поэта.

отсутствие других клиентов решил продолжить знакомство.

- Тебя зовут Коди, да?

- Да. А тебя?

- Троцкий.

Коди чуть было не рассмеялся.

- У тебя, должно быть, какое-то смешное имя, как и у меня. Меня по-разному называют.

- Да? Например?

- Ну, меня зовут Вашингтон Дэймон Коди, что дает множество глупых прозвищ — Демон, Кодеин, Вашингтон Ди Си*, — но друзья зовут меня Коди.

- Тебе оно подходит отлично. А меня обычно зовут просто Троцкий, но мое полное имя Стивен Троттингем Тейлор.

- Разве миссис Кремер не называла тебя Стивом?

- Да, — не так уж важно, как меня называют учителя.

- Почему тебя вообще зовут Троцким?

- Ну, моя мать из старинной английской семьи — Троттингемов, — а мой отец был вроде социалиста.

Коди рассмеялся.

- Надо быть осторожным, когда говоришь это кому-нибудь здесь.

- Что-то я не особо замечаю, чтобы ты был как-то осторожен. В области истории, я имею в виду.

- Я рискую, — сказал Коди, с каким-то невероятно плутовским выражением на лице.

* **Washington D.C.** - официальное наименование столичного региона в США

- Аргументы, впрочем, у тебя хорошие.
Коди поблагодарил меня и ушел обслуживать другого клиента, который въехал на заправку.
- Так думаю, увидимся в школе, — добавил Коди, как раз перед тем, как начать разговор с новым клиентом, который, как я узнал позже, был на самом деле довольно старым, одним из многих, кто регулярно заезжал заправиться на три-четыре доллара* и неизменно оставался на некоторое время поговорить, создавая небольшую пробку у двух крошечных островков с колонками. Поскольку другие также находили Коди необыкновенным — все, от девочек-подростков до соседей, проживших всю жизнь в этом районе, наблюдая, как этот невероятно красивый ребенок постепенно приобретает черты прекрасного типажа между мальчиком и мужчиной. Но Коди понимал это очарование даже лучше, чем они сами, и давно научился управляться в этом смысле.

Когда я вернулся домой, мама, прижимая трубку телефона к груди, воскликнула:
- Троцкий, тебя.
Это был первый звонок мне от кого-то в Литтл-Роке. Когда я взял трубку, то просто сказал привычное для большинства людей "Алло".
- Ты, задница, — услышал в ответ, - я звоню весь день.
- Извини. Я был в школе, - голос Сары я

* в ценах тех лет - стоимость 15-20л. соответственно.

узнал сразу.
- Слушай, я назначила тебе собеседование на понедельник, в четыре часа. Ты сможешь прийти?
- Конечно. Что там?
- Будь ровно в четыре. И постарайся придти в сухой одежде.
- Быть где? Что за предложение?
- Собеседование будет у некой мисс Уистл. Постарайся не облажаться.
- Могу ли я узнать, *относительно чего*, черт возьми, собеседование?
- На должность помощника делопроизводителя, Стивен. Надеюсь, тебе нравится этот титул.
- Зови меня Троцким. Что это за чертовщина?
Мама, проходя мимо и складывая полотенце для посуды, нахмурилась, слушая мои чертыхания. Сара, по-видимому, разделяла ее точку зрения.
- Брань становится непристойностями, если ее повторять снова и снова, мистер Тейлор.
Мне пришлось на мгновение взять паузу, но даже тогда я не смог более-менее возразить.
- Это в телефонной компании — одном из немногих мест в этом городе, где можно получить приличную работу на время после окончания занятий, а также одно из немногих мест, где все еще нанимают сотрудников во время этой «умеренной рецессии». Возражения?
- Я не уверен.
В разговоре наступила долгая, несколько даже театральная пауза. Понимая, что у меня не будет повода снова связаться с Сарой,

если вдруг получу эту работу, я решил бросить вызов:
- Почему бы нам не прогуляться куда-нибудь сегодня вечером и поговорить об этом?
Сара издала какой-то забавный звук, смутно напоминавший вздох.
- Тебе что, больше нечем заняться? — спросила она странно и неожиданно хриплым голосом.
- Нет. Где ты живешь?
- Я скажу тебе, но сегодня вечером я не могу. Мне нужно готовиться к вечеринке, которую устраиваю завтра.
Пауза.
- Почему бы тебе не зайти?
- На вечеринку?
- Нет, глупыш, на регистрацию. *Конечно*, на вечеринку!
- Что за вечеринка?
- Вечеринка с фасолью и холодцом.
- *Чего*?
- Шучу. Вечеринка в честь выходных свободы. Я живу с родителями, которые благосклонно дарят мне выходные, уезжая из города. Остается только мой старший брат, и у него тоже есть планы. Так что... ну, это будут просто друзья. Сомневаюсь, что они тебе понравятся, но все равно приходи — я буду там.
Это было очень заманчиво.
- Ладно. Скажешь, как добраться, - я вскинул руки, пошел, упал на кровать, думая о Саре, потом о Коди. Потом о Саре. Потом о Коди. Включил стереосистему, ушел в душ.

Глава вторая

Снова начался дождь, когда мы с моим младшим братом Фредди поехали в школу на машине, которую мама подарила мне на шестнадцатилетие. Это была прекрасная машина, никогда не доставлявшая мне хлопот, кроме как в холодное утро, когда прогрев мог занять десять минут. Старый *Шевроле*, он все-таки был недостаточно стар, чтобы счесть его классикой. Просто старая машина. Но она выдержала поездку из Линкольна* в Литл-Рок, и я не собирался жаловаться. Когда дело касается материальных благ, мне легко угодить. Моя машина мне нравилась, и я хотел бы чувствовать такое же удовлетворение в других сферах моей жизни. Фредди учился в девятом классе младшей средней школы — а я уже в выпускном классе вполне себе средней. На каждом светофоре я интенсивно пытался прочистить мои слипшиеся ресницы, - результат почти бессонной ночи. То состояние сна, которого мне удалось достичь, можно было назвать таковым лишь частично, так как каждые десять минут я открывал глаза, чтобы проверить, не сплю ли я еще. В это утро я чувствовал, будто мчусь на большой скорости; искрящаяся нервная энергия поигрывала на кончиках моих пальцев, циркулируя от ресниц к рукам на руле и обратно в то время, когда я

* **Lincoln** - административный центр шт. Небраска. Население ок. 300 тыс. человек. Основан в 1856г.

пробирался лабиринтом полусонных людей утра пятницы, большинство из которых сидели в своих машинах тупо уставившись на монотонно движущиеся по ветровому стеклу дворники, равнодушно слушая урчание двигателя, а немногочисленные пешеходы в плащах под зонтиками сновали, двигаясь в темпе нечто среднего между шагом и рысью. Все это представлялось размытыми пятнами, когда дождь не заливал стекло плотным потоком, и когда я старался не обращать внимания на крошечные черные точки, существующие, как я предполагал, лишь только в моих глазах. Они всегда пугали меня.

Я однажды упомянул об этих точках Фредди, который обрадовался, что я тоже их вижу. Он всегда радовался, как, впрочем, и мы оба тому, что каждый из нас не уникален в чем-то. Разные все же по характеру, мы с Фредди были довольно близки как братья. Он был более ориентирован на спорт, что несло преимущества нам обоим, так как Фредди, столь успешный практически во всем, невольно ставил мне задачу сохранять лидерство даже с тем, что я на три года старше. Было много вечеров и даже выходных, проведенных почти исключительно лишь друг с другом, поскольку никаких иных вариантов не было. Поэтому наше давнее осознание разногласий и наш общий в основном добродушный настрой, готовность пойти на компромисс почти в любом вопросе, было настоящим благословением, за которое мы оба были всячески благодарны.

Конечно, поскольку моего отца убили, когда мама была беременной мной, очевидно, где-то наличествовал и еще один отец. Отец Фредди. Это был человек по имени Бенджамин Кроуфорд. После трех лет, в течение которых он сводил нас с ума, мама ушла от него. И я считаю большой удачей, что никто из нас, включая Фредди, с тех пор этого человека не видел. Когда мама с нами переехала в Небраску, она вернула себе старую фамилию - Тейлор, и также изменила фамилию Фредди, так как он хотел иметь ту же, что и мама, и я.

По радио играла песня, понравившаяся мне отчасти из-за музыки и вокала, но в основном из-за текста, который, как я представлял, был о том, что автор — мужчина — теряет любовника-мужчину же, хотя текст был вполне бесполым. Иногда я задавался вопросом, не преувеличиваю ли я различные намеки такого рода, и рассеянно размышлял, зачем мне это нужно.

Мы подъехали почти уже к школе Фредди, но поскольку движение было вялым, он терпеливо ждал, пока машина не подъедет к самой двери. Фредди был в том возрасте, когда давление сверстников исключало возможность пользования зонтиком, хотя, если бы этот вопрос задать прямо, то уверен, никто из этих сверстников не смог бы дать разумного объяснения, почему зонтики табуированы. Мы наконец остановились максимально близко к выбранному Фредди входу, он сказал: «увидимся», и отбыл.

Моя школа была тоже не слишком недалеко, но и движение оказалось достаточно медленным, чтобы опоздать. Пришлось припарковаться далеко от входа, а по пути к школе образовались два или три слива с мчащейся в них водой. Я выбрался из машины с книгами в руках и тут же поднял, раскрывая, зонт. Внезапный порыв ветра, как раз когда я это делал, заставил зонт изогнуться в каком-то неистовом порыве. Не видя никаких причин продолжать владеть таким зонтом, я бросил его тут же на парковке и запрыгнул обратно в машину, выжидая, может быть, три-четыре минуты, пока дождь не утихнет. Но этого и не просматривалось, - тогда я пробежал пятьдесят ярдов* до двери и наткнулся на Коди, появившегося буквально из-за угла. Коди, добродушно ругаясь, придержал дверь и мы оба вошли. Там был кто-то, типа дежурного по коридору, который размахивал руками в разных направлениях, инструктируя всех идти прямо в классы, опоздавшие ему сегодня не требовались. Глядя на внутреннюю часть своего шкафчика, бог-знает-какого-оттенка зеленого, все еще тяжело дыша после пробежки от парковки до школы, я пытался вспомнить, какой урок у меня был первым в тот день, постоянно меняющееся расписание всегда вызывало у меня рассеянность и относительно пространства и относительно времени. С некоторой неуверенностью я решил, что это английский, собрал, как казалось, необходимое, закрыл и запер

* ок. 45м.

шкафчик, медленно двинувшись по коридору, пытаясь вспоминать, было ли домашнее задание по английскому, и если да, то выполнил ли я его. И был удивлен, увидев, как Коди заходит в дискуссионный класс, так как я всегда думал, что занятия в части дискуссий учат не более чем тому, как вызвать раздражение у окружающих. Но касательно Коди, видимо, только это могло объяснить его способность столь эффективно спорить с миссис Кремер об истории.
Лишь на физкультуре, моем последнем занятии в этот день по пятницам, я снова увидел Коди. Я полностью переоделся в белое: футболку, шорты, носки и кроссовки, тоже белые, когда Коди вошел в раздевалку, удивляя всех. Кивнул мне в знак приветствия, прежде чем несколько парней, которые, по-видимому, хорошо его знали, завладели его вниманием, требуя объяснить, что он здесь делает. Из обрывков слов и фраз подслушанного разговора я понял, что у Коди изменилось расписание и он сегодня будет заниматься с нашим классом.
Хотя я был доволен, но сразу и задался вопросом, а встретимся ли мы еще на уроках истории в дальнейшем?
Я вышел в спортзал и забросил несколько мячей в корзину, пока все не вышли на перекличку. Во время этой процедуры мы должны были сидеть на трибунах и отвечать: "Сижу, здесь", когда звучали наши имена (*фамилии*). Закончив это, мы перешли к более усердным упражнениям, таким как прыжки

через козлы, приседания и печально известные выпады в приседе. Я хотел бы лично разобраться с тем, кто придумал эти выпады.

Поскольку на улице снова пошел дождь, волейбол сегодня был крайне востребован. И опять же, все в классе, включая тренера, казалось, знали и любили Коди. Меня не удивило, когда его попросили стать капитаном команды, но меня определенно потрясло до чертиков, когда, разыграв монетку, он вдруг сказал:

- Я беру Троцкого.

Я был не единственным, кто был удивлен. Сначала никто не понял, о ком это он, так как все знали меня как *Тейлора*! Затем, когда я вышел вперед и встал рядом с Коди, все посмотрели на меня, как будто на какое-то секретное оружие, которое они упустили из виду. Но я оказался хорошим выбором Коди, реализовав в одном из своих лучших выступлений одиннадцать безответных очков, выявляя слабые места в защите другой команды. Мои товарищи по команде единодушно хвалили меня в раздевалке, впервые проявляя некоторый интерес к знакомству со мной. Я улыбался и отвечал «спасибо» несколько раз, а Коди сел рядом со мной на скамейке и раздевался, но совершенно безмолвно. Озадаченный его молчанием, я старался не смотреть на него. Только когда Коди хлопнул меня по спине, уходя в душ, я поднял глаза.

Позже, уже вечером, мы с Фредди немного

поиграли в бильярд, потом немного посмотрели телевизор, прежде чем я ушел к Саре на вечеринку. Дождь и в этот раз сопровождал меня, но к этому времени я его почти не замечал. Ничто не могло испортить мне хорошее настроение, кроме, пожалуй, этого ужасного запаха, исходившего от бумажных фабрик Пайн-Блаффа*. Однажды я попал в больницу из-за аварии на велосипеде в детстве, когда я пытался не переехать лягушку, - улетел на велосипеде с моста, получив перелом руки и повредив также нос. (В девять лет я был неуклюж не по годам.) Хотя и то, и другое прекрасно зажили, мое обоняние так и не восстановилось полностью. К слову, французская кухня была для меня пустой тратой времени, так как я не мог различать тонкие ароматы. Всякий раз, когда я что-то унюхивал, этот запах часто необъяснимо задерживался часами, иногда и дни. А ведь прошло почти три часа с тех пор, как сильный ветер с юга принес *амбрэ* бумажной фабрики.

Благодаря указаниям Сары, столь же точным, как опытного администратора, я легко нашел ее дом. Дверь открыл высокий, мужчина средних лет с черными, как смоль, волосами и кожей цвета слоновой кости — поразительно эффектное сочетание.

Заметив, что он вполне соотносится с Сарой, но ближе на шаг к совершенству, я понял, что это должно быть ее брат.

* **Pine Bluff** - главный город агломерации городов Литл-Рок - Норт-Литл-Рок (Северный Литл-Рок) - Пайн-Блафф. Население ок. 42 тыс. человек.

Очевидно, он собирался уходить и уже в дверях кивнул на шум внутри, обронив:
- Вечеринка там. Наслаждайтесь.
Я посмотрел ему прямо в глаза и ответил:
- Спасибо. Непременно.
Какое-то другое существо с угольно-черной шерстью, - собака, выскочило ко мне из-под стула, когда я вошел в комнату средних размеров. Но Сара уже переключилась от другого гостя на меня, двинулась поприветствовать, выглядя полностью сокрушительно. Волосы казались длиннее и чернее, чем раньше, одежда изысканно более чуждой и необычной.
Она представила меня разным компаниям людей — столь многочисленным, что было безнадежно пытаться запоминать имена в каждой из них. В какой-то момент с нами заговорила Мать-природа. Я понял, что это Мать-природа, потому что она упомянула погоду, после того как я вызвал настоящую катастрофу своими словами, обращенными к ней:
- Привет. Как у вас?
- Привет и тебе! - Мать-природа рявкнула в ответ. - Что ты имеешь в виду, под словами "Как у меня?" Думаешь, я могу ответить на такой вопрос? Я могу также спросить «Как у *тебя?*». Я безумствую. Я в ярости. Я соответствую Западу в большей степени, чем ты можешь представить. Я обычный человек, у которого болит голова. И погода просто ужасная. *Мне* жаль.
Затем она удалилась.
Сразу стало понятно, что это театральная

тусовка, и это в некотором смысле объясняло экстравагантный образ Сары. По мере того, как подступала ночь, я обнаружил множество претенциозных людей: парней из Шервуда (пригорода Северного Литл-Рока, а не из леса) с английским акцентом, девочек из Пуласки-Хайтс*, которые говорили по-французски так же часто, как и на южный манер. В массе своей, они, казалось, знали все реплики по крайней мере из дюжины манерных фильмов, и им, казалось, было все равно, насколько они могли уже утомить одной и той же репликой Мэй Уэст** или жеманством Тима Карри***. Сара выделялась среди них просто тем, что была бесконечно более сдержанной.

Мать-природа снова проскользнула мимо, чтобы сказать:

- Мне очень жаль относительно погоды. Ужасная влажность.

- Своеобразный осенний юмор в Арканзасе, — пробормотал я.

- Осенний юмор в Арканзасе, да, — эхом отозвалась Сара. - Можно подумать, это ее вечеринка.

Вечеринка была действительно ее. Сара сказала мне, что идея этой тусовки была Матери-природы с самого начала;

* **Pulaski Heights** - отдаленный район г. Литл-Рок, знаменитый тем, что когда-то Билл Клинтон, 42-й президент США, жил здесь.

** **Mae West** (1893-1980) - американская актриса, певица, драматург, сценарист и секс-символ. Отличалась неординарными по откровенности и сарказму фразами.

*** **Tim Curry** - британский актёр и певец. В РФ он запомнился ролью администратора отеля в фильме "Один дома-2" (1992).

и по большей части пришли друзья Матери-природы.
А она была одновременно лучшей подругой Сары, но в то же время Сара ее не особенно любила. У Сары было лишь несколько собственных друзей, некоторые из которых пришли совсем недавно. И, конечно же, среди них был Коди.
- Хочешь еще выпить? - спросила Сара, отслеживая мой взгляд, направленный через комнату на вновь прибывших.
- Думал, ты неспособна на *клише*, — ответил я.
Сара повела меня на кухню за чем-то лучшим от того, что предлагалось гостям в массе. Я начал протестовать на том основании, что я - маленький социалист, но уверенности в таком решении, конечно, у меня особо не было, поэтому я поблагодарил ее за *деликатес*, который, как она сообщила мне, был *Белый Русский.**
Затем Сара провела меня по темному коридору в свою спальню. Пол маленькой комнаты устилал темно-синий ковер, серые занавески, в тон светло-голубым стенам и серому же покрывалу, драпировали окно. Обстановка, казалось, сочетала в себе рудименты плюшево-флисовой коллекции молодой девушки

* **White Russian** - коктейль. Существует в четырех версиях:
1. Классическая версия: водка — 25 мл; кофейный ликёр — 25 мл; сливки 11 % — 25 мл. **2**. Карамельная версия: водка — 25 мл; кофейный ликёр — 20 мл; карамельный сироп — 10 мл; сливки 11 % — 25 мл.
3. Повышенной крепости: водка — 30 мл; кофейный ликёр — 20 мл; сливки 11 % — 25 мл; взбитые сливки для украшения. **4**. С текилой: текила из 100 % агавы — 25 мл; кофейный ликёр — 25 мл; сливки 11 % — 25 мл.

с недавно приобретенным пристрастием к парижским прачечным самообслуживания — повсюду была разбросана одежда.
Сара схватила охапку с кровати и бросила ее на пол. Затем она села. Отхлебнув из бокала, где действительно был довольно хороший коктейль, я сделал то же самое. Мы изучали друг друга, с некоторым подозрением, так сказать. Сара потянула меня ближе, пока моя грудь мягко не коснулась ее.
Это вызвало скорее нервозность, чем волнение. Если продолжать в том же духе, это будет мой первый раз. Я чувствовал, что вполне могу справиться, но уверен не был. Сара на самом деле вздрагивала от моих прикосновений, и я чувствовал себя немного виноватым, что не разделяю ее возбуждения. И вообще не было даже идеи, как снять все эти странные одежды с нее. Это достаточно сложно и для обычной одежды, а эти космонаряды Сары, ну ... Я предложил ей сделать это самой. Сара согласилась, поднялась и начала раздеваться. Когда же я начал делать то же самое, она остановила меня, с тем, что я должен довольствоваться просмотром в данный момент. Затем она чувственно разделась, но без какого-либо декаданса. Я оценил перформанс как искусство, но не как что-то эротическое. С грустью сознавая, что меня не воодушевляют перспективы. И начал искать повод, чтобы прекратить все это. Словно по воле провидения, раздался грохот, звон стекла и

несколько криков из другой комнаты, похожих на вопли Бетт Мидлер*, которую переехал фургон с мороженым. Вскоре в дверь постучали.

- Где у вас швабра? — спросил мужской голос.

Сара, очевидно, не желая даже вникать в причину этого разочаровывающего вторжения, ответила:

- В кладовке для всего этого, у кухни. Как у девяносто процентов жителей Америки, полагаю.

- Точно, - ответил голос.

Снова оставшись наедине, я предложил, что, возможно, Саре следует разобраться с этим инцидентом. Сара же, в обнаженном виде, сосредоточилась на пуговицах моей рубашки. Вскоре, совсем быстро, она с легкостью ее сняла и занялась джинсами. Прямо перед тем, как она смогла обнаружить, что эрекции, на которую она рассчитывала, нет, я резко встал, схватился за штаны и застегнул их обратно.

- Нет, - выговорил я с большим трудом. - Мне жаль.

Можно сказать, что Сара подумывала о том, чтобы спросить что-то, но, очевидно, передумала и со вздохом начала одеваться. Наблюдая за происходящим, я пытался придумать какое-нибудь оправдание, которое можно было бы озвучить. Но решением было не

* **Bette Midler** - культовая американская актриса, певица, писательница и перформансистка. Множество премий, наград и творческая жизнь по настоящее время.

прерывать тишину, что принесло странное чувство комфорта, особенно потому, что Сара, казалось, смирилась с произошедшим. Когда мы выходили из комнаты, она тихо, почти небрежно и как бы сама себе сказала:
- Почему все отличные парни обязательно геи?
Моим первым побуждением стал протест против ее интерпретации в целом отсутствующих обстоятельств. Я открыл было рот, чтобы сделать это, но закрыл его снова. Когда заговорил, то сказал:
- Такого опыта у меня не было.
К тому времени, когда я решился на ответ, мы уже присоединились к веселящимся и Мать-природа, проходя мимо, остановилась, чтобы спросить:
- Так, а у кого он был тогда, дорогуша?
К моему облегчению, она не задержалась достаточно долго, чтобы требовать ответа. Коди подошел следующим, дал понять, что знает Сару, затем сообщил, что хочет познакомить меня кое с кем.
- Народ, это Троцкий, — он учится в одной школе со мной, — начал Коди. - Троцкий, а это мои два лучших друга, Кристиан и Флиппинг.
Я обменялся приветствиями с каждым из них, отмечая, что я видел их обоих в школе, хотя и в своем классе.
Кристиан спросил меня:
- Сара тебя не пугает?
Но дал понять, что ответа не ждет.
- Она примерно так же предсказуема, как

бисексуальный торнадо, — пробормотал Флиппинг, вызывая смешки у других и улыбку у меня.
Мать-природа появилась снова, но прежде, чем она успела что-то сказать, Кристиан и Флиппинг оба закричали на нее:
- Неужели эта проклятущая погода никогда не прекратится!?
Это было сделано в таком совершенном унисоне, что все в пределах слышимости сразу замолчали и разразились спонтанным хохотом.
Пока где-то на заднем плане Мать-природа пыталась вовлечь остальных в беседу о папоротниках, я воспользовался возможностью осторожно рассмотреть Кристиана и Флиппинга, некритичная, но серьезная попытка понять, что в них может привлекать Коди. Но лишь предположил, что они казались искренне дружелюбными и весьма остроумными, - определенно не худшие черты характера. Было очевидно, что Коди не выбирал друзей по внешности, и я был рад этому.
Слишком много красивых людей настойчиво выбирают для общения только привлекательных также.
Мать-природа сменила тему разговора с папоротников на собаку по кличке Ральф. Эта дворняга неразличимой породы много времени провела в свинарнике. Собака, видимо, считала себя свиньей, и стала очень невротичной, когда Мать-природа купила его и привезла в город. Когда Ральф обрел поводок и ошейник, он так рычал, пыхтел и

визжал, что соседи стали кричать Мать-природе:
- Ты что делаешь? Ты же душишь бедную собаку!
У Ральфа, скорее всего, из-за того, что он все эти годы ел свиные помои, также были проблемы с кишечником, что стало заметно в силу его привычки елозить задом по ковру кругами, оставляя коричневые полосы.
Затем Мать-природа подняла тост за нас и ушла, вместе с Флиппингом, чтобы выпить еще чего-нибудь, сопровождая тостом за кого-то еще. Только когда Флиппинг поднялся, я понял, какой он высокий. Когда он сидел, то производил впечатление человека значительно ниже ростом. Единственными же другими физическими чертами, которые я сразу отметил, были его глаза, широко расставленные, внимательные, - именно такие делают обычные черты привлекательными, и волосы, настолько длинные, какие я не видел ни у одного мужчины. Одет он был в камуфляж, а когда встал, Коди подмигнул ему и сказал:
- Не застрели никого.
С уходом Флиппинга я рассматривал Кристиана. У него были волосы цвета, который, как часто слышал, называют грязно-белым. Он был даже выше Флиппинга, а еще - чрезвычайно худой. Лицо узкое, глаза имели привычку нервно метаться в глазницах. Он много улыбался, и общая привлекательность его и Флиппинга приятно контрастировала с запредельной красотой Коди.

- Как думаешь, твоя группа имеет шансы на успех? - Коди обращался к Кристиану.
- Было бы неплохо. Если нет, я не знаю, что буду делать. Кроме как музыкантом, я понятия не имею, кем хочу быть, - лишь длинный список того, кем *не* хочу.
- Я понимаю, что ты имеешь в виду. Большую часть времени я тоже не знаю, чем хочу заниматься, у меня только то, чего *не* хочу. В последние несколько лет это чувство возникает все чаще и чаще. Но я знаю, что хочу посмотреть мир: увидеть каньоны, вересковые пустоши Шотландии, ледяную тундру. У меня сильное желание увидеть эту тундру.
Коди посмотрел на меня.
- А у тебя не возникали мысли на этот счет?
- Часто, — ответил я.
- Вот почему музыка так важна, — сказал Кристиан. - Она поднимает настроение. Обычно я чувствую себя таким потерянным.
- Музыка и американские горки, — добавил Флиппинг, присоединяясь к нам, но без Матери-природы, — не знаю, в чем больше для меня сильных ощущений.
Я согласился.
- Да, я хотел бы совершить трансконтинентальные покатушки на американских горках из Нью-Йорка до Сан-Франциско.
Можете представить, что за Скалистые горы* это были бы?

* **The Rockies** - являются естественным водоразделом между бассейнами Тихого и Атлантического океанов. В них берут начало реки Миссури, Колорадо, Рио-Гранде, Снейк, Арканзас и множество других.

Идея им понравилась.
- Интересно, зачем было тратиться на глупую железную дорогу, когда можно было построить чертовски хорошие американские горки, — размышлял Коди.
В тот вечер я узнал немало о Коди и его друзьях. Кристиан и Флиппинг играли в группе с парнем по имени Стэнли. Ни одному из них, похоже, особо не было дела до этого Стэнли или его музыкальных вкусов, но они мирились с ним, учитывая его талант играть на барабанах и звуковую систему в его собственности. Они признавали это, да и не гордились. Флиппинг играл на соло-гитаре, а Кристиан — на басу и клавишных. Хотя песни писали все, Кристиан и Флиппинг констатировали сильное отвращение ко всему, что писал Стэнли. Они обсуждали новую музыку, которую Стэнли заставил их разучить:
- Одна только музыка вынудила нас обоих достать по сигарете, но слова! Слова просто *ужасны*! — воскликнул Кристиан. - Кажется, у него на каждую строчку рифма!
- Ага, просроченные рифмы! — отозвался Флиппинг. - Это довольно точно описывает песни Стэнли!
- По крайней мере, нам не пришлось слышать, как он поет все это. У него всю неделю была жестокая простуда.
- Может быть, к следующей неделе он все же сможет прокричаться в стерео, — бодро ответил Коди.
Кристиан, видимо, вдруг подумал, что совсем

недавно встретил кого-то, вероятно, мало или совсем не интересовавшегося разговорами о Стэнли. Он развернулся ко мне и сказал:
- А у тебя очень *техасская* рубашка.
На мне была выцветшая синяя плотная рубашка с серебряными заклепками на каждом плече.
- На самом деле, я купил ее в Техасе этим летом. Мы там были в короткой поездке на побережье после переезда сюда. Она немного пообтрепалась, но мне все равно нравится.
- Да, это делает ее еще более техасской.
- Точно, я думаю, большинство техасцев, такие, немного потрепанные.
Все рассмеялись, к моему удовольствию.
- Видел тебя в школе. Как тебе? Пока нравится?
Я пожал плечами.
- Слишком рано говорить. Насколько могу судить, она не сильно отличается от любой другой школы. Гораздо более организованная в плане действительно разных учеников, чем любая из тех, где я учился, но меня это устраивает.
- Все белые дети разбежались по частным школам, - сказал Коди.
- Не все, — напомнил ему Флиппинг.
- Ну, в Милуоки едва ли вообще пошли бы на такое смешение, — сказал я, к всеобщему удивлению. - А в Небраске не так уж много черных, чтобы такое смешение, интеграцию, вообще кто-нибудь заметил.
Мать-природа, видимо, прощая недавние выпады в свой адрес, снова присоединилась к нам. С ней была молодая женщина,

представленная мне как Вэл, и мужчина чуть ее старше, вероятно, лет около тридцати, который представился как Роберт. Коди, знавший их обоих, позже рассказал мне, что Роберт был единственным человеком, которого официально признали слабоумным. Женщина обратилась в службу знакомств с просьбой подыскать кого-то для нее привлекательного и неглупого. Ей дали контакты Роберта. Женщина подала в суд на службу, утверждая, что, хотя Роберт и неплох на вид, но совсем пустоголовый, и она заслуживает возврата денег. Судья согласился.

- Сегодня днем мы ходили на кукольный спектакль, — заявил Роберт, очевидно, обращаясь к Коди.

- Что за куклы? — спросил Коди. - Ручные?

- Нет, гм, боже, — ответила Вэл. - Не знаю, как вы их называете. Они были, типа, марионетками на палке.

- На шампурах, — вмешалась Мать-природа.

- Да, нет, — боже, — начала Вэл, обращаясь ко мне. - Я имею в виду, откуда вы?

- Из Висконсина, — ответил я.

- О боже! Держу пари, что там действительно, гм, холодно. Я не понимаю, как люди, знаете ли, *выживают* в таких местах.

Она сказала «выживают», будто бы с большой радостью, что изыскала правильное слово. Я уже начал чувствовать, что должен защищать ее.

- Они приспосабливаются, — сказал я.

- Ну, как глупо с их стороны, - хихикнула

Мать-природа, на мгновение положив руку мне на плечо.

- И все же, — продолжила Вэл, — должно быть, требуется *отвага*, чтобы жить там, *севернее*.

Кажется, она и этим словом гордилась тоже. Я так внимательно изучал ее речевые привычки, что и сам не смог придумать ничего подходящего.

- Ну, отвага — это лучшая половина доблести, — предложил я.

- *Вэл* — настоящий вал доблести. Поправил Коди, подняв брови на меня поверх своего напитка.

- Нет, на самом деле в Висконсине не так уж и сложно, — продолжил я. - Полагаю, там самая большая опасность — умереть от удушья, прогревая машину.

- Удушье? — переспросил Роберт.

- Да, нечто среднее между удочкой и швейной машиной, — объяснил Кристиан.

- Могу ли я, ну, просто, ну, задать вам еще один быстрый вопрос? - спросила Вэл.

- *Ты не смогла бы задать быстрый вопрос, даже если бы от этого зависела твоя жизнь*! — закричала ей в ответ Мать-природа. Почти все засмеялись, и Вэл добродушно присоединилась. Но Коди не смеялся, он смотрел на меня. И я не смеялся, я переводил взгляд с Вэл на Коди и обратно на Вэл.

- Конечно, — я ответил ей. - Что за вопрос?

- Вы, эм, типа, чувствовали, эм, себя ближе к Богу в Висконсине?

Я имею в виду, я всегда, знаете ли, думала, что так далеко на севере, знаете ли, и там снег...
Ну, я разрешил такой вопрос, так что это была только моя собственная вина.
Меня спасла Мать-природа.
- Путь в царство бога лежит через желудок, — сказала она, потянувшись за чипсами и соусом. - Кроме того, если вы хотите быть ближе к Богу, просто поговорите с преподобным Флиппингом здесь.
- *Преподобный* Фиппинг? — воскликнули двое или трое из нас одновременно.
Флиппинг достал бумажник, извлек оттуда что-то похожее на визитную карточку.
Конечно же, там было написано: «Сим удостоверяется, что достопочтенный ПРЕПОДОБНЫЙ ФЛИППИНГ был рукоположен в священники ЦЕРКВИ БОБА*».
- Церкви *Боба*? — опять спросили двое или трое из нас одновременно.
- Я думаю, это пародия на Церковь Бога.
- Они тоже перешучивают пародии? - спросил я. - Типа, «Боб — это Боб, написанное наоборот»?
- Само собой разумеется, это не...
- Если это само собой разумеется, так не говори! — прошипела Мать-природа,

* популярный образ того времени - **Боб Доббс** и неизменная трубка табака. Боб - центральная фигура пародийной религии «Церковь недомудреца». Его образ взят из клип-арта 1950-х годов. В соответствии с догмами *Церкви недомудреца*, Боб был продавцом бурильного оборудования, который в 1953 году на собственноручно построенном телевизоре узрел видение бога Иеговы. Боб блестяще воплощен в образе **О-же-Гранта** в фильме *Interstate 60: Episodes of the Road/Трасса 60 (2002)* реж. Боб Гейл.

ее джин с тоником угрожающе вознесся над головой Флиппинга. Затем она повернулась ко мне и спросила с самой широкой, фальшивой улыбкой, которую я когда-либо видел у человека, не ведущего телешоу и не просящего денег:
- Ты веришь в Бога?
- Из всех твоих вопросов, не предусматривающих ответа, — вмешался Коди, — этот самый безответный.
- Зачем тебе знать? — спросил я.
Ее улыбку стянуло, как мышцу в спазме.
- Мне не нужно, — произнесла она. - Мне даже не было особо и любопытно.
Образовалась небольшая пауза, во время которой Вэл и Роберт ушли.
- Стоило видеть их на моей прошлой вечеринке, — начала Мать-природа.
- Мы их видели, — напомнил ей Кристиан. - Мы же были там.
Мать-природа посмотрела на них безучастно, затем оживилась.
- Теперь я вспомнила! Вы были в таинственном образе!
- Что? — спросил я.
- Я объясню, - вызвался Кристиан. - Видишь ли, Мать-природа устроила вечеринку, куда все должны были прийти в образе. Несколько человек вырядились Индейкой*, какой-то очень маленький парень пришел в образе Литл-Рока, а девушка по имени Марта была вся увита виноградом, — такой,

* Turkey/Индейка - распространенное название маленьких городков в США

Виноградник* Марты. Ну, идея понятна. А Флиппинг, Коди и я пришли вместе, но не в костюмах.
Всю ночь люди жаловались, что мы затупили, но мы продолжали говорить им, что на самом деле пришли в образе. Тогда они говорили:
- Да, это Нормал, Иллинойс, верно?**
А мы отвечали:
- Ошибаетесь.
Так что, наконец, в конце объявили, что мы собираемся рассказать всем, что у нас за образ.
- Эй, давайте сделаем это для него, — прервал Коди. - Хорошо, вместе...
И все трое разразились старой кричалкой: "Мы не курим *Кент*, *Бад* не пьем, Норфолк, Норфолк, Норфолк, Вирджиния!"*
Мать-природа напоследок подняла тост:
- Всех кур на шаверму!
Но я смеялся так сильно, что почти не мог ее слышать. Коди и Кристиан ушли взять еще выпить.
- Ты живешь дома? - спросил Флиппинг.
Возникла мысль, что это странный вопрос для старшеклассника, но оказалось, что Флиппинг и Кристиан жили вместе в гараже, заканчивали школу, подрабатывали на полставки и пытались развивать свою группу. Стало очевидно, что Коди часто навещал их, так как там у них было больше возможностей

* Vineyard/Виноградник - тоже довольно распространенное название маленьких городков на юге США.
** **Normal** - город в Иллинойсе. Население ок. 53 тыс. человек. Основан в 1865г.
*** на мотив популярных студенческих кричалок

делать что-то, что исключалось в родительской квартире.
Я внезапно вспомнил кого-то по имени Сара, огляделся, но не увидел ее. После нескольких расспросов выяснилось, что она легла спать — в одиночестве, — так сказать, и заперла дверь. То, что в ее доме проходила вечеринка, по-видимому, не было предметом ее забот.
Мне пришло в голову, что следует отправляться в постель тоже. В отличие от всех этих людей, которые, вероятно, могут спать допоздна следующим утром (в субботу), я обещал маме, что встану пораньше и мы съездим с ней за город за дровами. Я постоянно говорил ей, что в начале сентября достаточно времени, чтобы заготовить дрова до наступления зимы, но мама привыкла к осени в Висконсине и Небраске и решила первым делом в субботу утром заняться этим. Она уговорила и меня, предлагая в качестве завтрака горячие бутерброды в дороге, а мне это всегда нравилось.
Но сейчас было не так-то просто уйти с вечеринки, потому что мне очень нравились наши разговоры с Коди и его друзьями. Когда я объявил о своем намерении уйти, они тут же усложнили ситуацию вдвойне, приглашая меня в *Лофт*, - так Кристиан и Флиппинг называли верхний ярус в гараже, где они обитали.
- Мы, вероятно, посидим там еще пару часов, по крайней мере, — сказал Коди, глядя мне в глаза так серьезно, что я почти растаял. -

Мы будем очень рады, если ты зайдешь.
И каким-то образом я понял, что это было даже преуменьшением в том смысле, что мне не только рады, но и Коди всерьез надеялся, что я приеду. Это было трудное решение, но я объяснил, почему мне нужно домой, спросил, могу ли я, так сказать, воспользоваться предложением в другой раз,(тут же жалея, что использовал столь формальное выражение), и моментально вышел.
Дома, уже когда я был в постели, мне приснился первый из серии необычных снов с Коди в главной роли. В эту первую ночь я списал все на алкоголь, хотя на вечеринке выпил не так уж много. Но последовали сны в череде ночей, когда невозможно было найти никаких факторов влияния, кроме моего сверхактивного подсознания и постоянных мыслей о Коди. Часто я лежал вообще без сна, вроде как, а затем просыпался от какого-то невероятного сна, проспав всего через час или два.
Тот первый сон был коротким и относительно простым по сравнению с последовавшими позже. Вроде того, как:
Я в школе, в раздевалке после урока физкультуры, одеваюсь. Другие парни, должно быть, уже ушли, потому что я здесь один. Обычно я иду в душ одним из первых и ухожу, но это был сон, и во сне пребывание в раздевалке в одиночестве не казалось чем-то необычным. Потом я понимаю, что вовсе не один, потому что Коди стоит у входа в душевые, держась за поручень, а его

обнаженное, мускулистое тело принимает различные соблазнительные, хотя и вполне естественные, позы. Я нерешительно взглянул на него, - вижу, что он смотрит на меня, по-видимому, чего-то ожидая. Я отвел взгляд, смотрю на свою одежду, лежащую на скамейке. И чувствую, что он идет ко мне, хотя глаз я не поднимал. Он медленно приближается, затем, когда он оказался около, примерно в футе от меня, происходит нечто удивительное. Он внезапно оказался в прямом смысле во мне, даже проникая сквозь меня, обретая какое-то призрачное, воздушное качество — и я чувствую, как он проходит через каждую клеточку моего тела, некоторым образом возбуждая, создавая какое-то присутствие. Я также могу слышать его мысли, потому что они ощущаются моими собственными.

"*Я вспоминаю друзей, словно братьев, когда друзья и есть то, ради чего мы жили. Я помню друзей, которые всегда рядом, чтобы вместе прожить жизнь. Тогда это были ты и я, потому что мы пережили то безумное крушение, - это ведь и есть то, что у нас было*".

И что-то внутри меня пробудилось и ответило:

- *Каждый день, каждую минуту*.

Затем я проснулся в поту. Было что-то там, во сне, от чего я не мог избавиться, даже проснувшись. Чувство, которое я все еще было со мной, курсировало по клеткам моего тела, какое-то щекочущее, статическое,

электрическое гудение, отказывающееся уходить.
Я встал с кровати, прошел по коридору в комнату Фредди, но Фредди спал, как я и думал. Пошел на кухню, выпил стакан апельсинового сока. Затем вернулся в свою комнату и снова лег в постель, но уже не спал.

Глава третья

Первое, что я заметил, когда вошел в класс утром понедельника на урок истории, было то, что Коди пересел за парту прямо позади моей. Еще более любопытным было само его присутствие, так как Коди обычно заходил одним из последних. Подойдя к своей парте, я снял свитер, который был на мне, накинул его на спинку стула, и уже затем сказал:
- Привет.
Обычно я и здоровался первым, но Коди, что-то увлеченно писавший, даже не поднял на меня глаз. И вот, когда я поздоровался, прошло несколько секунд, прежде чем он отвлекся, оторвал несколько страниц из блокнота и протянул их мне.
- Доброе утро, Троцкий, — сказал он, широко улыбаясь. - Прочти, когда будет возможность.
Ну, я и прочитал, не дожидаясь, пока шанс представился бы, потому что первого

предложения стало достаточно, чтобы привлечь мое внимание: "Я стоял в раздевалке, наблюдая за ним, никем не замеченный." Конечно, читать пришлось вообще не отрываясь, даже не пытаясь скрываться от миссис Кремер. Я понятия не имел, что она там делала с классом в тот час, но знал, что она не прервет мое чтение. Я чувствовал себя каким-то образом защищенным.

То, что я прочитал в рассказе Коди, было отдаленно похоже на мой сон в то раннее субботнее утро, но все было развернуто в том смысле, что это был как бы взгляд с его стороны. Главный герой наблюдал, как кто-то переодевается в раздевалке, и чувствовал, что его тянет к нему, словно магнитом. Внезапно осознав, что должен сделать, он устремился к этому человеку, но не физически, а ментально, соединяясь в единое целое. У себя в истории Коди назвал это единение «бодхисаттвой», то есть они одновременно были бодхисаттвами каждый для другого, и вместе также образовывали бодхисаттву же. Эта часть рассказа, должен признать, оставила меня в смятении, но я уже был изумлен, поскольку только что прочитал нечто невозможное: рассказ кого-то, кто мне снился, о *моем* же сне! *Дежавю* всегда завораживало меня, но это новое явление я нашел даже слишком странным, чтобы оценить его.

Я перечитал историю, снова и снова прокручивая слова в голове, но ни одно из

них не казалось реальным или имеющим смысл. Это было похоже на то, когда выводишь слово, простое слово, которое писал вроде бы всю свою жизнь, но которое по какой-то причине не выглядит написанным правильно и, кажется, ничего не значит.

После занятий я вернул историю Коди с комментарием о том, что это довольно странно. Он вопросительно посмотрел на меня, затем медленно кивнул головой и начал уходить.

- Почему-то я думал, что тебе это знакомо, — сказал он через плечо. Я стоял, застывший в своих теннисных туфлях, пока он не скрылся из виду.

Естественно, я весь день ни о чем другом не думал.

В тот день в спортзале я уже переодевшись занял место на лавках для зрителей, когда Коди только зашел в раздевалку. У меня скрутило живот, я задавался вопросом, смогу ли я выдержать занятия, не отпрашиваясь постоянно.

Коди вышел из раздевалки, оглядываясь вокруг, я полагаю в поиске меня, поскольку перестал это делать, как только заметил меня и кивнул в знак приветствия, затем присоединился к друзьям уже на площадке, пока тренер не сказал всем рассаживаться на лавках для переклички. Не позволяя себе посмотреть на Коди в течение оставшегося часа, я не знал, смотрел ли он на меня или нет.

Я думал пропустить душ после урока, но,

понюхав подмышку, тут же передумал. И уже на выходе из душевой, я столкнулся с Коди, заходящим внутрь. Когда наши взгляды встретились, наверное, всего на мгновение, сразу возникло раздражение, так как я увидел, что он смотрит как бы посмеиваясь надо мной. Я быстро оделся, хотя и недостаточно быстро, чтобы снова не увидеться с Коди. Хотя я почти уже ждал, что он остановится на входе в душ, принимая какую-нибудь позу из тех, во сне, но он просто подошел и сел рядом со мной в силу того, что его шкафчик был прямо напротив моего.

- Дождя сегодня нет, — сказал он. - Как насчет того, чтобы встретиться вечером?

Мне пришлось задуматься на минуту, прежде чем понять, о чем он говорит, а затем я вспомнил свое формальное согласие на вечеринке о том, чтобы воспользоваться его приглашением позже.

- У меня собеседование по работе, — ответил ему я. - Может быть, в другой раз.

- Ну, не на весь вечер же, да? — настаивал он. - Мне самому работать до восьми или девяти. Я думал, может, после?

- У меня еще всякие дела вечером, — соврал я. - Но спасибо, что зовешь меня.

- Тогда в другой раз, - и это прозвучало вполне себе с обидой, но он сразу переключился на одежду. Когда Коди снова заговорил, то обращался к знакомому другом конце скамейки. Я пристально взглянул на него всего на мгновение, пока он натягивал

рубашку через голову, внезапно осознавая, что это и был тот удивительно привлекательный парень, которого я так боялся узнать. Так какого черта я делал, придумывая оправдания, чтобы не увидеться с ним?

Часть о собеседовании была ложью. Правда же в том, что Сара организовала его для меня в телефонной компании, но когда мама услышала об этом, она яростно отвергла эту идею, настаивая, что ни один из ее сыновей не будет работать на этих проклятых корпоративных говнюков (ее выражение). Потом сразу набросилась на меня с вопросами, зачем мне работа вообще, предлагая, когда я сказал ей, что у меня нет денег купить всю музыку, которую очень хотел бы, увеличить размер карманных денег. Я возразил, что уже вышел из возраста, чтобы оставаться в рамках карманных сумм, но она просто повторила то же самое, на этот раз оперируя термином "стипендия". Причиной этой щедрости были опасения, что мои оценки ухудшатся, если буду еще и работать после занятий. На самом деле ее волновали не столько оценки в качестве показателя, а желание, чтобы я поступил в хороший колледж, для которого как раз оценки важны. Хотя она окончила Университеты Висконсина и Небраски, а мой отец — Чикагский, я думаю, что она имела в виду Колумбийский* университет для меня.

* **Colambia University** - университет Лиги Плюща в Нью-Йорке. Основан королем Великобритании Георгом II в 1754г.

В любом случае, я колебался, когда поступило это предложение относительно увеличения сумм карманных денег. У нее хорошая работа преподавателя в университете, но не *столь* уж хорошая, а мамина чрезмерная щедрость уже не раз доставляла неприятности. Тем не менее, согласившись, что не смогу работать в компании *Bell* добросовестно, я позвонил мисс Уистл, чтобы отменить собеседование. По возвращении домой из школы, я еще немного раздумывал о своем поведении с Коди, все меньше понимая свои собственные действия с каждым разом их переосмысления. Мы поиграли с Фредди в карты после ужина, а затем я сказал, что собираюсь немного прокатиться, и направился к двери.
- Прокатиться куда? — спросил Фредди. - Почему ты мне не предлагаешь тоже?
- Не в этот раз, ладно? — ответил я.
Фредди и мама только озадаченно переглянулись. Я мог бы сказать, что иду в библиотеку или что-то в этом роде, но у меня не было привычки лгать им. Что они оценили и не стали расспрашивать меня, куда это я.

Коди был там же, на работе, сидел на парапете, попивая газировку, увлекшись романом Германа Гессе*, который, так совпало, был и моим любимым автором. Очень приятно, что нам есть что обсуждать, помимо нас самих и школы.

* **Hermann Hesse** (1877-1962) - немецко-швейцарский поэт, прозаик и художник. Особо известен романом *Игра в бисер (1943).*

- Будешь газировку? — спросил Коди в ответ на мое приветствие. Я отхлебнул из его стакана, затем вышел и купил себе, — не столько для того, чтобы пить, сколько для того, чтобы просто держать в руках стаканчик, в ответ на тот же импульс, который иногда заставляет человека взять сигарету, даже если он не курит.
Мы сидели, практически неподвижно. Наши руки двигались каждые несколько секунд со стаканчиками в них... и наши волосы тоже двигались, когда налетал ветер, кружась и прорываясь через конструкции станции, приятной прелюдией нового дождя. Коди продолжал читать, бесстрастно, будто в подражание Сиддхартхе*, хотя роман в его руке на самом деле был *Под колесом*.**
Затем он отложил книгу, грациозно спрыгнул и небрежно пошел к раздаточным колонкам. Клиент появился. Я наблюдал, как он разговаривал с ним, симпатичным мужчиной лет около тридцати. Они дружелюбно беседовали, Коди смеялся в ответ тому, что говорил тот парень. Я почувствовал, как тьма накрывает меня, словно тень орлиного крыла падает на полевку. Тьма, которую я сразу не смог определить — что-то новое, что-то тревожное и ужасное.
Коди зашел обратно в здание, - взять сдачу в кассе. Проходя мимо, он сложил руку в

* *Siddhartha (1922)* - аллегорический роман-притча о молодом брахмане по имени Сиддхартха. (Сиддхартха — имя, данное при рождении Будде Шакьямуни.)
** **Beneath the Wheel** (1906) - роман подвергает жёсткой критике академическое образование, которое игнорирует личное развитие студентов.

форме пистолета, направленного в виде указательного пальца в мою сторону и беззвучно произнес: «Бах!»
Затем он задержался с тем парнем на какое-то, показавшееся слишком долгим, время. И вот, уже повторно вернувшись, Коди, казалось, раздумывал между тем, чтобы снова углубиться в книгу или все-таки уделить и мне немного внимания.
- Я закончил рано со всеми делами, — сказал я. - Ты все еще хочешь пересечься вечером?
Он, казалось, вздохнул про себя, но совершенно беззвучно.
- На самом деле, у меня другие планы, так как я думал, что ты занят.
Я почувствовал, как сердце ухнуло куда-то вниз.
- Полагаю, я упустил шанс, — пробормотал я, надеясь на улыбку. Но в ответ последовал вопросительный взгляд.
- Может быть, я ошибался на твой счет, — сказал он.
От сочетания молчания и этого пристального взгляда мне стало не по себе и я спросил:
- Что ты имеешь в виду?
Коди погрузился в раздумья, несколько мрачнея, на его лице появилось нечто вроде хмурого выражения. Но и при всем том, он излучал тепло, возможно, даже с большей интенсивностью, более страстной.
- Я весь вечер спорил сам с собой, приходить сюда или нет, — сказал я.
Коди улыбнулся.
- Проблема этих споров с самим собой в том,

что никогда не выиграешь больше, чем потеряешь.
Я улыбнулся в ответ, подумывая об обратном утверждении, которое все же решил оставить невысказанным. Вместо этого лишь сделал глубокий вдох и пустился в оправдания.
- Прости, что не мог...
Он махнул рукой, заставляя замолчать.
- Все, проехали, — наконец сказал он. - Но у меня впереди напряженная неделя, так почему бы нам не попробовать пересечься в эти выходные? В пятницу вечером устроит?
- Да, — согласился я. - Пятница подойдет.
Глядя прямо на меня, даже не моргая, Коди снова улыбнулся.
- А ты мне нравишься, Троцкий, — сказал он с такими легкостью и простотой, настолько естественными, что вряд ли я мог вспомнить подобное при каких-то иных обстоятельствах. Да, это не было чем-то привычным. Стараясь не показаться столь ошеломленным, каким себя чувствовал, я улыбнулся в ответ. И вместо того, чтобы ответить на комплимент, добавил:
- Да, я так и думал.
Тут Коди выкинул чертовски невероятную вещь. Он спрыгнул с парапета прямо ко мне, и я просто замер, почти так же, как во сне, когда он также прыгнул ко мне, и отправил нас в свободное падение на складном стуле. Не думаю, что он хотел, чтобы так вышло, и ему пришлось действовать быстро, чтобы остановить наш полет, а также прикрыть мою голову ввиду бетонного пола.

Я думаю, мы оба были слишком изумлены, чтобы вообще говорить.
- Коди! - голос рявкнул позади нас. Коди тут же покраснел. - Что это за поведение, позвольте спросить?
Быстро придя в себя, Коди ответил:
- Полагаю, можете, вы же босс, - в то время как его лицо продолжало разгораться красным.
Я сам прошел чередой выражений на лице, в конечном итоге остановившись на чем-то болезненном. Джентльмен, который на самом деле *и был* начальником Коди (мистер Вандавей, судя по бейджику на рабочей куртке), сам выглядел довольно растрепанным, что лишь подчеркивали флуктуации его рта, открывающегося и закрывающегося, словно у рыбы, выброшенной на берег. Не думаю, что он знал, как реагировать на сцену, свидетелем которой только что стал. В любом случае, он предпочел сосредоточиться на обыденном, а не на бросающемся в глаза.
- Постарайся обращаться с моими стульями немного мягче, сынок, — сказал он, вполне в состоянии дать фору любому лягушачьему хору какого-нибудь деревенского пруда, при произнесении каждого слога в этом предложении.
- Да, сэр, - ответил Коди.
Мистер Вандавей растерянно оглядел станцию, возможно, подсознательно, в поисках других перевернутых стульев или иных признаков насилия над мебелью.

- Ну, я просто заглянул, чтобы принести эти масляные воронки. Кто-то, должно быть, забрал ту, другую, утром. Я забыл сказать тебе об этом тогда же, но, думаю, ты заметил, что ее нет.
- Да. Искал. И нашел в туалете.
- Как, по-твоему, она туда попала? — раздраженно спросил мистер Вандавей. Мне же подумалось, что он, скорее всего, сам там ее и оставил, что более всего объясняло недовольный тон. Да, скорее всего, мистер Вандавей, находившийся уже вполне на пути к старости, точно ненавидел такие симптомы ее приближения.
Коди только пожал плечами, когда мистер Вандавей извлек выручку из кассы. Едва он ушел, Коди тихонько свистнул, что-то вроде того, что следовало быть осторожнее, но уже и все в общем-то. И, одарив меня очаровательной, робкой улыбкой, сказал:
- Извини, если это как-то смутило тебя.
- Уверен, это смутило тебя самого еще больше.
- Но я так-то... о, черт возьми, да все уже. И как вообще день прошел?
- Ну, ты был его главной частью.
Коди кивнул, как будто и так это знал, просто забыл на мгновение.
- Хочу рассказать тебе, — начал он. - Надо как-то собраться с мыслями. Я не знаю точно, с чем мы имеем дело, но знаю, что между нами что-то есть, может быть, что-то столь же старое, как мир. Мне приснился сон о тебе в пятницу вечером после той

вечеринки. Самый странный сон, который когда-либо был вообще. Почему-то я почувствовал, что тебе приснился такой же, думаю, может быть, даже в такое же время, потому что, когда я ушел с вечеринки, то пошел прямо домой, а не в Лофт, как планировал. В любом случае, ту историю о своем сне я и написал.

- Так и есть, — сказал ему. - Мне приснился тот же сон, только с противоположной точки зрения — я был тем человеком, который одевался в раздевалке, а затем случилось так, что я был вроде того, что охвачен тобой.

Даже после того, как проснулся, я чувствовал, как что-то проходит сквозь меня, как своего рода ток. Я почти мог слышать его.

- Я тоже.

И снова мы могли лишь смотреть друг на друга. Мне показалось, что пора прощаться, поскольку мы наговорили уже достаточно за один вечер.

- Ну, — начал я, вставая со стула, - увидимся в школе и... в пятницу.

Коди одарил меня одной из своих убийственных улыбок и сказал:

- Спасибо, что заглянул.

Когда я пришел домой, Фредди смотрел по телевизору *National Geographic*, а мама принимала ванну. Я сел смотреть телевизор, а вскоре появилась мама, захватив из ванной сумочку с маслами для тела и кремами для лица, и присоединилась к нам, заодно

занявшись своими косметическими процедурами. Мне нравилась моя семья, и мне почти хотелось сказать им об этом. Конечно, мама, вероятно, начала бы измерять мне температуру, услышав такое объявление, поэтому я просто старался смотреть телек, чтобы не казаться слишком задумчивым, — непростая задача, хотя передача о пингвинах была интересной.

Довольно часто, когда я ложился спать и только выключал свет, забираясь под одеяло, сразу включалось воображение, вроде:
- А теперь начинаем шоу! - и стартовал частный просмотр коротких сюжетов из жизни: девушка, пытавшаяся склонять меня к сексу, когда мне едва исполнилось тринадцать, инструктор по вождению, смешивший меня ироничными комментариями на дорожную тему и привычках водителей, еще одна девушка в Линкольне, с которой я ходил плавать, пока она не пристрастилась хватать меня за соски, сжимая их до синевы. Сегодня явно был кинофестиваль, или, может быть, только предварительный просмотр сюжетов к развитию во время быстрого сна, если я когда-нибудь доберусь до него вообще. Я подумал о продавщице магазина острова Падре* в прошлое лето.
Она, очевидно, англичанка, отвечала мне тогда:
- О, не будь чудиком! Конечно, есть, -

* **Padre Island** - остров на южном побережье штата Техас. Самая длинная пересыпь в мире. Знаменит белыми песчаными пляжами, расположенными на юге острова.

когда я спросил, есть ли у них масло для загара. Хотя я всю жизнь ждал, что кто-то скажет мне не придуриваться, но ожидал услышать это когда-нибудь в Англии, от кого-то из маминых родственников, а не на побережье Техаса в круглосуточном магазине. Затем вспомнилось, как однажды мама летом купила нам с Фредди портативные рации, не упоминая, что купила их с комплектом и для себя. Так вот, однажды Фредди и я планировали засаду на соседскую девчачью вечеринку в бассейне, обсуждая по рациям, как мы зайдем с обеих сторон двора и начнем швырять комья земли в воду, когда вдруг мама выпалила в эфир:
- Троцкий! Ты и Фредди, немедленно возвращайтесь домой!
Поговорим о страхе...
И тут мне вспоминается, как перед самым переездом из Висконсина мама взяла нас прокатиться по соседским районам, неподалеку от которых мы жили. Мы проехали мимо дома, где парень вечно ремонтировал свои машины, - всегда вывешенные на домкратах прямо во дворе, где им совсем не место. Мимо дверей с табличкой «Ночная смена» дома рядом, той редкой разновидности людей, которых я никогда не видел, ни разу за три года, о них ходили лишь слухи. Какой-то парень сказал, что это воры, что видел, как они однажды ночью пронесли в дом пять телевизоров. Я предпринял бесчисленное количество попыток заглянуть в окна, но шторы там всегда были задернуты.

Был и дом, где все дети бегали полураздетыми, милые, бедные дети, которым нечего было делать, кроме как вырасти обозленными, но не настолько, если узнать их поближе. Я помню, как Кевин, самый старший, относящийся ко мне со сдержанным уважением, хотя все-таки был старше, но однажды утром пришел застенчиво спросить, действительно ли мы переезжаем. Его печаль тут же сменилась радостью, когда, вспомнив о крепости, которую я выстроил в близлежащем лесу, он спросил, можно ли теперь пользоваться ею, и я сказал, да, можно. Мы с ним сорвались туда и вырезали его имя на деревянной двери крепости, прямо под моим, которое он обещал не трогать никогда.

Был дом, настоящие джунгли, где жила потрясающая девочка с еще более потрясающей матерью, с растениями по всему дому, и не было места сидеть или стоять, не было телевизора, только растения. А также дом, немного лучше других, с сестрами девочками, немного красивее других, с батутом во дворе каждое лето, где все прыгали вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз, и иногда выскакивали на улицу перед машинами едва ли уже не фатально, но я всегда знал, что никто из них не останется здесь надолго, ни та, что была моей ровесницей, ни кто-либо вообще из них, потому что "район был недостаточно престижным с учетом их возможностей, не совсем престижным". Но вместо этого переехали мы.

Я помню, как мама показывала мост, где у меня случился инцидент с лягушкой, и я сломал нос. Потерял сознание, и очнулся уже в больнице, впервые с момента рождения, и, конечно же, мне организовали десерт, и пришлось доплатить еще за телевизор. Мне рассказали, что мама нарушала все виды правил дорожного движения, пытаясь доставить меня в больницу, пока ее не остановил полицейский, но затем, проникшись ситуацией, сопровождал ее со включенной сиреной.
Очнувшись в больнице и выслушивая эту историю, я спросил:
- С велосипедом все в порядке?
Мои слова вызвали у всех смех и заявления, что это так похоже на меня, вообще спрашивать об этом. Я задавался вопросом, что бы мог спросить кто-то другой, но ничего не приходило в голову.

В общем, мне совсем не удавалось заснуть. Я чувствовал, как мои глаза посылают сообщения: они устали и хотели бы закрыться на какое-то время. Хотя в конце концов мне удалось немного поспать, но лишь вроде того, и около пяти утра мои глаза открылись с такой силой, что я понял, пытаться снова заснуть - безнадежно.
Поэтому я лежал в постели, наблюдая, как все больше и больше солнечного света проникает сквозь занавески. Наконец, я встал и пошел в туалет, а по пути обратно по коридору заглянул к Фредди. Он блаженно,

как обычно, спал и даже, казалось, видел приятный сон. Мне стало интересно, кто там у него был.
Вернувшись в комнату, я натянул джинсы и сел на краю кровати, пальцами ног играя с завитками ковра.
Внезапно во мне развилась замечательная чувственность, как будто из моих ушей вынули вату. Я вдруг услышал пение птиц на улице, — желая понять их, задавался вопросом, а понимают ли они сами себя.
О чем может думать среднестатистическая птица в такое утро? Их музыка была прекрасна, поэтому я начал подбирать всякие слова, которые приходили в голову. Можно было наделить их щебет самыми чертовски глупыми вещами.
Когда я был ребенком, то любил представлять, что все деревья и кустарники в нашем дворе — это своего рода гостиницы. В каком-то смысле так оно и было, потому что я постоянно замечал, что разные птицы и белки исчезают и появляются, хотя я не помню, чтобы в то время осознавал это настолько глубоко. Возможно, я придумал такую конструкцию, потому что было весело, когда подстригаешь изгородь, думать, что занят реконструкцией роскошного отеля. Однако, поскольку не помню, чтобы я думал об этом тогда, то считаю, что просто достаточно забавно было представлять деревья и кустарник отелями, и необходимости в дополнительных объяснениях нет. Сейчас, слушая птиц, я начал

анализировать свою постепенно приобретенную привычку все усложнять, надеясь, что процесс обратим.
Я услышал и другие звуки, не только птиц. Стал различать пробуждение средних размеров южного города, где машины, фабрики и строительные площадки образуют настоящую индустриальную симфонию.
Не знаю, как долго мама стояла у меня в дверях, наблюдая за мной. Она была в халате, без макияжа, хотя и привела в порядок волосы. Именно такой мне больше всего нравилось ее видеть, потому что я чувствовал, что она никогда не была более красивой, никогда не была более собой. Наверное, она хотела спросить меня, о чем я думаю, но не хотела показаться любопытной. Она знала о моей бессоннице (и всегда говорила мне, что я унаследовал это от отца), знала, что я больше всего страдаю, когда меня что-то беспокоит или когда буквально умираю от приступов тревоги. Она спросила, не хочу ли я кофе. Я ответил, что было бы здорово, конечно. И кухонные звуки смешались с той индустриальной симфонией, которую я уже слышал, а мгновением позже сюда добавилось бормотание круглосуточного новостного канала из портативного черно-белого телевизора, который мама держала на кухне. Наш дом, казалось, был полон маленьких машин, издававших всякие звуки. Уже в джинсах, я подошел к шкафу, где выбрал самую невзрачную на вид рубашку, какую смог найти, чтобы одеться в школу.

Всю оставшуюся неделю я тщательно следил за собой, робко надеясь, что в пятницу буду чувствовать себя и выглядеть хорошо. В самом буквальном смысле. Я был слишком чувствителен. Из-за чего-то, витавшего в воздухе, у меня не только текло из носа, трескалась кожа и зудели глаза, но и временами я срывался, был нервным и злым. Мое чувства обострились до такой степени, что каждая мелочь не давала мне спать — я не мог игнорировать шум так, как это делают другие. Нелегко было мириться с обидами или оставаться равнодушным ко всякого рода несправедливостям. Это был сложный, всеобъемлющий случай слишком осознанного, слишком чувствительного.

В четверг мои глаза налились кровью из-за аллергии и недостатка сна. Я думал о том, чтобы позвонить Коди и отменить наши планы, как будто был бизнесменом, неожиданно улетающим в Хьюстон. Но увидеть его хотелось отчаянно. Конечно, это происходило каждый день в школе, но мы не разговаривали и даже не смотрели друг на друга, за исключением быстрого приветствия кивком. Так что, ничего хорошего, когда вокруг полно народа. Я знал, все, что должно быть сказанным, подождет до пятницы, когда мы сможем побыть наедине. И знал, что Коди чувствовал то же самое.

В пятницу на физкультуре мы все еще не договорились, где и как встретиться после школы. Коди сидел рядом со мной, лицом к своему шкафчику напротив скамейки.

Мне нравилось такое расположение, потому что нам не приходилось смотреть друг на друга, одеваясь и раздеваясь. Было что-то несправедливое в этих ежедневных возможностях увидеть друг друга голыми. Хотя именно его внешность привлекла меня в первую очередь, я бы скорее подождал, пока не узнаю Коди получше, прежде чем узнать гораздо ближе. Его лицо и без того производило сильное впечатление. Тем не менее, я достаточно часто видел Коди в раздевалке и душевых, чтобы знать, что его тело столь же привлекательно. Он был поразительно хорошо сложен, с гладкой, безволосой кожей, обтягивающей его тело, твердое и нежное в своей простоте. Я чувствовал, что любой хотел бы его.
Пока мы одевались, я спросил Коди, идет ли он на работу вечером.
- Нет, я не работаю сегодня, — ответил он.
- Но у меня есть кое-что, что нужно сделать после школы. Если ты дашь мне свой номер, я позвоню около семи, если это вписывается в твои планы.
- Да, отлично.
Я дал ему номер, а он спросил, есть ли какие-то пожелания на определенные места и всякое такое. Я сказал, что нет.
- Ну, я могу показать тебе Лофт, и мы можем потусоваться с Кристианом и Флиппингом некоторое время. Но прежде чем мы это сделаем, я хотел бы пойти куда-нибудь и выпить, пока мы узнаем друг друга получше.
- Звучит здорово, но где мы здесь можем

выпить?
- Я знаю одно место. Там владелец - муж моей старшей сестры, и обычно он и бармен тоже. Если держаться осторожно и устроиться в темном углу, все будет в порядке.
- Звучит здорово, — повторил я.
Я заметил, что несколько друзей Коди, или, может быть, просто знакомых, прислушиваются к нашему разговору. Было очевидно, по их взглядам, что много других парней не прочь встретиться с Коди, чтобы выпить. Было что-то в нем, что поднимало настроение, наполняло энергией, когда просто находишься рядом.

Ровно в семь вечера позвонил Коди и спросил меня насчет встречи через час в клубе Северного Литл-рока. Повесив трубку, я решил, что меня нервирует сам факт нахождения дома, дожидаясь времени, когда нужно выходить, поэтому я сразу сел за руль и поехал на окраину города, где мост трассы Interstate 430* пересекает реку Арканзас. Здесь, вдали от огней города, можно наблюдать некоторые звезды, а отражение полной луны в воде блистало всеми оттенками розового и красного. На западе созвездие Скорпиона почти касалось гор Уачита. Но в цивилизацию я, опять же, вернулся слишком рано. И, чтобы убить время, я прокатился по задворкам Северного Литл-Рока, города полностью состоящего**

* объездная дорога Литл-Рока
** **Ouachita Mountains** - горный хребет в центральной части США, на территории штатов Арканзас и Оклахома.

в основном из задворков. Некоторые жители Литл-Рока называли его Пёсий городок, и Северный Литл-Рок был беднее, консервативнее, религиознее своего старшего собрата, расположенного через реку. Я заметил рекламные щиты — с предвыборной рекламой «шерифа, который, натурально, стреляет метко», только кто-то исправил последние три буквы слова "натурально" на "-ов", - неожиданный в Пёсьем городе юмор. Еще один рекламный щит представлял *Будущий дом Собраний Церкви Жизни Изобилия Божьего*. Я задался вопросом, почему неведомый шутник не изменил и этот текст на что-то, вроде *Будущий дом Собраний Церкви* СМЕРТИ *Изобилия Божьего*. Возможно, потому, что, как и в гайянский Джонстаун*, туда было не добраться. Рядом с этим Будущим домом располагался детский сад с одной из тех уродливых сменных вывесок перед зданием, с черными буквами, предметом творчества для детей, только в данном случае это исключалось, поскольку вывеска гласила: *Прием младенцев и малышей ясельного возраста*. Чертовски хороший способ для разного рода двусмысленностей.

Когда я повернул на соседнюю улицу,

* **Jonestown** - поселок религиозной организации «Храм народов» на северо-западе Гайаны, страны в Южной Америке, в 1974–1978 годах. Назван в честь своего главы и основателя, Джима Джонса.

Посёлок получил всемирную известность из-за того, что 18 ноября 1978 года здесь погибло 913 человек, среди которых был один американский конгрессмен. Подавляющее число погибших, 909 сектантов, среди которых было более 200 детей, совершили т. н. «революционное самоубийство». После трагедии Джонстаун превратился в город-призрак и в середине 1980-х был практически полностью уничтожен пожаром.

послышался какой-то громкий звук, очень похожий на выстрел. Я надеялся, что это был звук автомобильного выхлопа или петарды, но похоже все-таки это было на совершенно конкретный выстрел. Затем я услышал еще один, - громче и ближе, чем раньше. Жить в Америке было захватывающе, потому что в глубине души всегда знаешь, что в любой момент кто-то может выстрелить в тебя безо всякой причины.

Я быстро добрался по адресу, который дал мне Коди, и прибыл к десяти минутам восьмого. И был поражен, обнаружив клуб под названием *Волшебный театр*. Мы не обсуждали, встречаться внутри или снаружи. Я решил, что Коди еще нет, а поскольку мне не доставляла удовольствия идея зайти туда и объясняться с кем бы то ни было, что здесь делаю, я решил подождать в машине минут пятнадцать.

Время шло медленно. Я нервничал и тревожился. В триллионный раз пожалел, что у меня в машине нет кассетного плеера, и сделал все, что мог, включив радио. Музыка особо не помогла, только придавая какую-то пошлость обстановке нервозности. Полагаю, прошло около восьми минут, прежде чем белая машина остановилась у обочины, высаживая Коди. И умчалась слишком быстро, чтобы я мог сказать, видел ли я молодую женщину за рулем раньше.

Коди пропустил несколько машин, затем перешел улицу, - он выглядел лучше, чем когда-либо. Когда он пересекал парковку, я

внимательно рассматривал его, отмечая интенсивность, с которой он высматривал меня среди машин. Мальчишеская радость на его лице при виде меня была такой искренней, что заставила меня чувствовать себя виноватым за мое молчаливое ожидание.

- Ты давно здесь?

- Нет, недавно.

На двери клуба была надпись: *Только для безумцев*.

- Это ты придумал название этому месту? - спросил я.

Коди ухмыльнулся и открыл дверь. Мы вошли внутрь, где Коди представил меня своему шурину Джиму, а затем спросил, можем ли мы найти темный уголок и выпить по паре кружек пива. Джим, одетый в толстовку *Razorback, оглядел меня с ног до головы и сказал:**

- Какого черта, Коди, он даже младше тебя, и вы никак не сойдете за совершеннолетних. Эх, почему ты не такой высокий, как твой брат?**

- Я достаточно высокий, — ответил Коди. - К тому же я все еще расту. Может быть, я и достигну шести футов*.

Джим просто уставился на него.

- Черт, парень, единственный способ их достигнуть — это подпрыгнуть!

И вышел из-за стойки, посмеиваясь над своей шуткой.

- Идите туда, в дальнюю комнату, и возьмите

* **Arkansas Razorbacks** - команды Университета Арканзаса в американском футболе и баскетболе.

** совершеннолетие в этом штате с 21г.

*** ок 180см.

там стол у кухонной двери. Я принесу вам кувшинчик через минуту.
- Спасибо, Джим, — сказал Коди. Положив руку мне на плечо, он повел меня в ту, дальнюю, часть клуба. По дороге я заметил, что на дверях туалетов были надписи "наизготовку" и "в засаде"*.
- Мило, — сказал я.
- Не очень, — ответил Коди. - Раньше тут были «Элтон» и «Оливия Ньютон», но потом Элтон Джон объявил, что он бисексуал, и все парни как-то начали смущаться.**
Я взглянул на него поверх плеча, а он улыбнулся мне в ответ. Наконец, мы нашли наш столик.
- Здесь что-то готовят?
- Только чипсы, закуски и бургеры. Ты есть хочешь?
- Нет. Просто интересно, что здесь за кухня.
Джим появился с нашим пивом.
- Парни, развлекайтесь, но если сегодня ночью придут копы, то мчитесь на кухню и начинайте мыть посуду, как будто здесь работаете!
Коди отсалютовал ему кружкой, и Джим оставил нас друг с другом.

Мы выпили два графина пива быстрее, чем я думал. Хотя я и не очень люблю выпить, но, нервничая, я употребил все, что было на столе, просто чтобы чем-то заняться.

* “pointers” and “setters” в оригинале
** John (джон) в жаргонном значении - толчок, унитаз, туалет. А полное имя Оливии Ньютон - Оливия Ньютон-Джон.

Разговор шел гладко, уходя с каждой следующей кружкой пива все дальше и дальше в богемную глубь.
- Как тебе *Под колесом*? — спросил я.
- Напомни мне, когда в следующий раз будем в спортзале, я покажу тебе следы протектора на моей спине.
- Зацепило, да?
- Ужасно.
И тут до меня дошло, что Коди уже довольно долго смотрит мне в глаза. Никогда раньше такого со мной не было, я не мог вспомнить, чтобы кто-то и когда-то смотрел на меня столь долго. Вроде гипноза, потому что я не мог отвести взгляд.
Коди, наконец, разорвал этот зрительный контакт, мило улыбнувшись самому себе, утвердительно качнув головой, тихо прошептал «отлично» куда-то в сторону.
Мы обсуждали музыку, Нострадамуса, политику и золотую середину во всем этом. Коди, казалось, наслаждался необычными темами для разговора так же, как и я, поэтому мы с большим энтузиазмом вспомнили цикад, этих стремительных насекомых, которые проводят тринадцать или даже семнадцать лет под землей, чтобы в конечном итоге вынырнуть однажды весной, - стрекотать, спариваться, откладывать яйца и умереть по истечении месяца. Коди очень разгорячился, потому что как раз тринадцатилетний выводок в Литл-Роке и должен был появиться следующей весной. В Висконсине и Небраске у цикад сформировался семнадцатилетний цикл.

Я был свидетелем их появления давно, но довольно живо запомнил.
Коди рассказал мне и немного, что знал, о масонах. Его дед был масоном, и Коди остался серьезно заинтригован воспоминаниями о церемониях и ритуалах, которые наблюдал на похоронах деда.
От масонов Коди переключился на тибетскую медицину. Я узнал о тибетских монахах, которые верят, что ребенок рождается в мир с «бременем греха», довлеющим как следствие предыдущих жизней.
После рождения ребенок либо отталкивает демонов, либо привлекает, в зависимости от тяжести греха. Я спросил Коди, верит ли он в это. Он просто пожал плечами и ответил, что они также верят, что половой акт с беременной женщиной почти наверняка может вызвать рак. Я начал смеяться, но Коди остановил меня.
- Откуда ты знаешь, что это неправда? — спросил он. - Просто подумай, если это так...
Он не закончил предложение, но начал другое:
- Я верю в карму. Не думаю, что вещи «происходят сами по себе».
Как и наша встреча, и те сны, которые у нас были — такие вещи не просто случаются, это причинно-следственная связь, вероятно, из наших прошлых жизней.
- Прошлых жизней? - перебил я.
Коди нахмурился. У меня возникло чувство, что он не ожидал от меня такого скепсиса.

Ну, я ничего не мог с собой поделать. Скептицизм - моя вторая натура.
- Если ты этого не чувствуешь, не уверен, что смогу объяснить это, — тихо сказал Коди, все еще мрачно. - Мы *старые души*, Троцкий. Это единственное объяснение. Вероятно, мы знали друг друга когда-то, в прошлых жизнях. Может быть, мы были друзьями, может быть, любовниками — все, что я знаю, так то, что чувствую, - связь очень сильна.
Я не уверен, как бы отреагировал, если бы был трезвым. Но тогда не знаю, сказал бы Коди это все, если бы не пил. Я задумался в поисках ответа, когда вдруг на меня буквально свалилось изумление, такое, с серебристыми значками и пистолетами среди толпы в соседнем зале. Я схватил Коди за руку, и мы бросились к кухонной двери, как раз в тот момент, когда Джим распахнул ее, втягивая нас внутрь.
Вместо того, чтобы показывать нам грязную посуду, Джим указал на черный выход к парковке и сказал идти туда.
- Не знаю, зачем я рискую своей шеей ради тебя, Коди, — бросил он, очевидно, несколько паникуя, - но убирайтесь отсюда скорее!
- Мы же не заплатили, — начал было Коди, потянувшись за кошельком.
- Просто убирайтесь отсюда! — рявкнул Джим и закрыл за нами дверь.
Коди выглядел грустным, когда мы шли к моей машине.

- Такого раньше никогда не случалось. Интересно, почему копы решили появиться именно сегодня вечером?
Поскольку вопрос в общем-то не требовал от меня ответа, я промолчал. В машине мне было трудно одновременно вести и разговаривать, поэтому большую часть времени говорил Коди, а я старался изо всех сил быть внимательным. Ну, насколько возможно. К сожалению, Коди было трудно болтать и вспоминать, как и куда нужно ехать, поэтому мне приходилось его несколько раз перебивать, спрашивая, куда все же двигаться. И всякий раз он, казалось, немного медлил, прежде чем отвечать.
Коди пустился в разговор о разных девушках, с которыми встречался. Досадно, что он не выбрал для этого другое время, потому что хотелось бы видеть выражение его лица, когда он все это говорит. Он начал было о девушке, увлекающейся колдовством, с которой был вчера ночью. Она испугала его. Последовала пауза, затем он спросил, насколько серьезно у меня с Сарой.
- Насколько серьезно с Сарой? Интересная формулировка.
- Я думаю, мы друзья, — сказал я.
- С Сарой — весело.
- Кристиана, кажется, она пугает.
- Ну, возможно, но в каком-то смысле это даже забавно. А вот девушка, с которой я был вчера вечером, была просто пугающей, и точка.

Когда мы уже поднимались по лестнице в *Лофт*, я увидел зловещий, голубоватый свет телевизора, пробивающийся сквозь жалюзи. Кристиан и Флиппинг, как и миллионы американцев, очевидно, пребывали в своем еженощном путешествии на дне моря.

Лофт был старым домиком для прислуги, превращенным в нечто похожее на гараж. Хотя особняк, которому он когда-то принадлежал, давно сгорел, Лофт уцелел.

Как я узнал позже, здание 1890-х годов было построено не только до двадцатого века, но и до эпохи каких-либо удобств. Например, на лестнице был выключатель света внизу, но не наверху, что позволяло включать его прохожим, но не Флиппингу и Кристиану, которым приходилось либо оставлять его на всю ночь, либо спускаться, чтобы выключить, а затем подниматься обратно в темноте. Но преимущество осталось за третьим вариантом, — они просто чуть выкручивали лампочку уже наверху.

И еще была проблема с дверью, которая автоматически запиралась всякий раз, когда закрывалась. Это означало, что им приходилось всегда носить с собой ключ, иначе они можно было зависнуть снаружи, когда на минутку выскочил забрать газету или проверить почту.

Поднявшись по лестнице, Коди постучал в дверь, которая сразу распахнулась, поскольку полностью закрытой не была. Я увидел, как Кристиан и Флиппинг сидят на диване и смотрят перевернутый телевизор.

В таком виде футбольный матч становился интригующим исследованием гравитации. Видимо, то, что сейчас произошло в игре, было не в пользу домашней команды, поскольку толпа недовольно гудела. Дым и запах марихуаны наполняли комнату. Хотя трава не была для меня потребностью в настоящий момент, я был рад, что Кристиан и Флиппинг в каком-то измененном состоянии, похожем на мое собственное. Увидев меня, они едва заметно поздоровались, но при этом широко и накуренно улыбнулись.

- Похоже, у вас тут увлекательный вечер, — сказал Коди, показывая на телевизор. Флиппинг переключил канал с пульта, лежавшего рядом с ним. Нас порадовали кадрами морских пехотинцев США, сражающихся со штабелями шин в пустыне Мохаве.

- Чувак, это никуда не годится, — сказал Флиппинг, выключая телевизор. - Кто-нибудь, включите музыку.

- Есть что-нибудь выпить? — спросил Коди.

- Ничего из алкоголя, — ответил Кристиан, по пути на кухню. - Хочешь обычный *Seven-Up*?

- Как насчет необычного *Seven-Up*, — парировал Коди, хотя было слышно, что Кристиан открыл бутылку.

- Ну, ты понял, — крикнул Кристиан. - Хочешь что-нибудь, Троцкий?

- Нет, спасибо.

- Почему бы тебе не выбрать что-нибудь из кучи альбомов, там, рядом со стерео?

- Конечно, — ответил я, когда на кухне

вдруг зазвонил телефон. Коди и Флиппинг о чем-то говорили, но я не мог их слышать, пока просматривал пластинки. Первыми были Bubble Puppy*. Было слышно, как Кристиан в кухне повесил трубку.

- Bubble Puppy? — предложил я.

- Эй, а Бог слушает Bubble Puppy, — ответил Кристиан, возвращаясь в комнату.

- Ведь предупреждал его не увлекаться этим дерьмом, — сказал Коди.

Я решил, какого черта, и поставил Bubble Puppy. Кристиан протянул Коди стакан газировки. Оранжевого цвета.

- Забавно, — сказал Коди. - Кто это был, вообще?

- Ред, — ответил Кристиан, кивая в сторону телефона.

- Ред? — спросил я, просто чтобы сказать что-то.

- Ред Стэнли.

- Он не брезгует и микрофоном в телефонной трубке?

- Стэнли, вероятно, вообще не брезгует любым микрофоном.

Я так понял, что это тот Стэнли из их группы, которого они рефлекторно костерили на вечеринке Сары. Я тогда и не подумал, что Стэнли может быть его фамилией, а не именем.

- Эй, а ты не играешь на барабанах, да? — спросил Кристиан. -Может, ты мог бы заменить Стэнли.

* американская психоделическая рок-группа, первоначально выступавшая с 1967 по 1972 и с 1984 по 1987гг.

- *Никто никогда* не сможет заменить Стэнли, — заметил Флиппинг, глядя на Кристиана так, будто тот только что совершил богохульство.
- Нужно было его видеть сегодня! — воскликнул Кристиан, повышая голос. - Хуже, чем когда-либо! Он все еще не полностью выздоровел, но все равно настаивает на репетициях, хотя из его горла рвется лишь что-то вроде бульканья, когда сливают воду в толчке. Иногда мне просто хочется сказать этому придурку, чтобы он отдал уже править свою рекламу кетчупа кому-нибудь известному!
Мы все замолчали. Пока, наконец, Коди не сказал:
- Кристиан, все нормально? То, что ты только что сказал, полнейшая бессмыслица.
- Ну, Стэнли заставляет меня портить и английский язык!
При этом вид у него был, словно он действительно так и думал. Тем временем Коди вылил оранжевую газировку из своего стакана в кухонную раковину.
- Зачем переводить продукты! — огрызнулся Кристиан. - Всего лишь из-за небольшого количества оранжевого красителя.
Коди вышел из кухни, держась за живот.
- Я выпил слишком много пива. Кажется, мне нужно, чтобы помпаж прекратился.
- Помпаж прекратился? - повторил Флиппинг.
- Это когда глушишь двигатель, чтобы поберечь сопло?
- Я знаю, как должен называться ваш первый альбом, — сказал я одному из них или даже

обоим. - Он должен начинаться с заглавной инструментальной композиции с названием *Воплощенный смысл*.
- А неплохо, — сказал Флиппинг. - Но мы еще даже не придумали название для группы. Мы думали о *Рыжий? Умри молодым!, но это какой-то панк уже. Кроме того, думаю, Стэнли опасается, что это, фактически, пожелание в его адрес.**
- А было бы неплохо, — добавил Кристиан.
- Он хочет назвать нас *Мы, Немцы*, но не объясняет нам почему.**
- Кажется, вы с Кристианом могли бы что-то получше придумать.
- Мы думали назваться *Хорошего дня!***
- Ты, должно быть, бредишь, — серьезно сказал Коди.
- Нет, нет, просто минутку послушай.
Коди откинулся на подушку, уставившись в потолок.
- Видишь ли, мы возьмем футболки со счастливым смайликом и такие же наклейки. У нас они будут по всей сцене, на инструментах, аппаратуре, на лбах, *везде*! А потом мы все выйдем и сыграем действительно омерзительные и отвратительные песни!
- *Омерзительные и отвратительные*? - прокричали я и Коди одновременно.
- Да, мы подумали, что могли бы использовать все эти слезливые тексты, которые Стэнли продолжает писать, и просто орать их в микрофоны с искаженными лицами.

* Red Dye Young! в оригинале
** The German People в оригинале
*** Have a Nice Day! в оригинале

Кристиан собирается сменить свое имя на P.O.W.*, а я буду M.I.A.**
- Ты *так* шутишь?
- Да, но разве это не вызывает улыбки?
- Ну, да, вроде, — ухмыльнулся Коди.
Я так увлекся всей этой атмосферой, как только вошел в *Лофт,* что не заметил, как это место выглядит. Однако одну деталь было трудно не заметить. Кто-то (позже я узнал, что это был Флиппинг), питая слабость к мертвым бабочкам, собрал их (даже изуродованных, соскобленных с решетки радиатора своей машины), воткнул им булавки в брюшки, хаотично разместив на стенах и потолке. Возможно, это, вместе с четырьмя синими прожекторами в каждом углу прямоугольника главной комнаты, должно было создавать атмосферу райских тропиков. Однако, у меня мертвые бабочки вызывали беспокойство.
- Вы бы слышали, как Коди сегодня накосячил с испанским! - внезапно выпалил Кристиан.
- Заткнись, Кристиан, — добродушно сказал Коди, двигаясь в его сторону, но Кристиан обошел стул и, когда Коди попытался добраться до него, рассказал нам историю.
- Он переводил предложения в упражнении, и одна из строк была *Gracias, mi amigo*.
А любой дурак знает, что это означает «Спасибо, мой друг», но Коди потребовалось учесть и принять во внимание род существительного, поэтому он перевел все

* военнопленный
** пропавший без вести

это как "Спасибо, мой *парень*". Вы бы слышали, как ревел класс!
Коди покраснел; все смеялись над ним. Вскоре Кристиан и Фиппинг устроились покурить еще. Коди присоединился к ним, даже сделал одну затяжку, но, увидев, что я отказываюсь, тоже не стал продолжать. Я устал, и, словно читая мои мысли, Коди быстро придумал нам идеальный предлог, чтобы уйти. Прежде чем я успел что-либо понять, мы вернулись в мою машину.
- Ненавижу возвращаться домой, — сказал он.
- Может, мне просто остаться здесь?
Я не знал, как это — ненавидеть возвращаться домой. И задумался на мгновение, ожидая решения Коди о том, что он будет делать. Когда он так ничего и не сказал, у меня возникла другая идея, - я нервно предложил остаться у меня дома. Хотя мама не привыкла, чтобы я приводил друзей неожиданно, но не думаю, что она будет против. Несомненно, они с Фредди уже были в постели в этот час, а знаю, что такое бессонница, поэтому я не мог себе представить, чтобы мы их потревожили.
В ту секунду, когда я озвучил предложение, Коди посмотрел на меня. Ничего не сказал, просто смотрел на меня своими проникновенными голубыми глазами, когда свет уличного фонаря вдруг высветил его гладкое лицо, прочерчивая какой-то одинокий силуэт. Глаза Коди, даже пьяного и уставшего, продолжали увлекать при каждом взаимном контакте. Хотя он и не повторял

того долгого взгляда снова, но каждый зрительный контакт был напоминанием о том, что, да, мы это сделали, и некая связь установлена, или восстановлена, если следовать теории Коди, и связь эту нелегко разорвать. Он кивнул, что да, хотел бы остаться со мной, затем спросил то, что я ожидал от него:

- Ты уверен, что это нормально?

К этому моменту я чувствовал, что это не только нормально, но и необходимо. Во мне начало нарастать волнение, которое так или иначе сопровождало меня всю ночь в той или иной форме — волнение от того, что у меня новый лучший друг, - это самое лучшее, самое чистое чувство, которое я когда-либо знал.

Мама и Фредди были в постелях, как я и ожидал. Коди выразил несколько комплиментов нашему дому, а особенно вкусу моей мамы в декоре и выборе цвета. Мне пришлось с ним согласиться. Она некогда купила массивную мебель, выглядевшую красиво, но при том достаточно прочную, чтобы служить *нам*, а не наоборот. Почти все здесь, от ковра до картин, было выдержано в тонах коричневого или бежевого, что придавало комнате успокаивающий, уютный вид, который я вполне мог оценить. Я наблюдал, как Коди ходил, рассматривая различные картины и книги, затем спросил, не нужно ли ему что-нибудь из кухни. Он предложил кофе, чтобы не мучиться похмельем

на утро. Я подумал о своей бессоннице, но решил, к черту это, поскольку кофе, - звучит совсем неплохо, похмелье же — вообще нет. К сожалению, у меня никогда не было повода пользоваться кофемолкой, поэтому нам пришлось довольствоваться растворимым. За кухонным столом, с теплой чашкой в руках, я начал расспрашивать Коди о Кристиане и Флиппинге.

- Как думаешь, у них есть какие-то шансы с группой?

- Да, они довольно неплохи. Тебе нужно как-нибудь послушать, как они играют. У Флиппинга есть талант придумывать хорошие ритмы, а у Кристиана — от природы вокальный талант, уверен, и на сцене в том числе, хотя они еще не выходили на нее в полном смысле.

- Кто пишет большинство их песен?

- Ну, Стэнли пишет свои собственные песни, и большинство из них на самом деле плохие. Рано или поздно им нужно будет от него избавиться. Мы с Кристианом пишем другие тексты, - мой единственный вклад в этот проект.

- Почему бы тебе не научиться играть на чем-нибудь?

- Нет такого таланта. Они пытались научить меня играть на бас-гитаре, но у меня вообще ничего не вышло.

- А что у тебя за тексты?

- Это начинает походить на какое-то интервью, Троцкий. Ну, э-э, мои тексты часто бывают о моих собственных

переживаниях, но я пытаюсь уйти от этого. Они становятся более политизированными, но не уверен, что это то направление, в котором я хотел бы двигаться.
- Я бы хотел взглянуть на них.
- Покажу как-нибудь и что-нибудь из своей поэзии. Она намного лучше, чем те тексты.
Мне вспомнилось, что я уже читал кое-что из произведений Коди.
- Та история, которую ты дал мне прочитать, была хороша. Я имею в виду, помимо того, что я там непосредственно участвовал, она была и вполне хорошо написана.
- Спасибо. Мне и самому понравилось.
- Ты настоящий человек эпохи Возрождения, знаешь ли. Я имею в виду, футбол, писательство...
Коди пожал плечами.
- Полагаю, да. Мне всегда нравилась идея «универсалов» Бакминстера Фуллера*, но, с другой стороны, ты ведь и сам такой.
Так как никогда не читал Бакминстера Фуллера, я сделал себе заметку на будущее. Мы допили кофе, по очереди воспользовались моей зубной щеткой, и пошли в спальню. Коди тут же начал просматривать мою коллекцию пластинок и кассет, как и я бы сделал на его месте. Казалось, он был доволен тем, что у меня было, а те которые он отметил, были одними из моих любимых.

* **Buckminster Fuller** (1895-1983) - американский архитектор, дизайнер, инженер, изобретатель, философ, математик, писатель, поэт. Автор двадцати восьми книг, и таких терминов, как "космический корабль „Земля“", "эфемеризация" и "синергетика", а также большого количества изобретений, в основном в сфере дизайна и архитектуры.

Музыка всегда была моей главной любовью в жизни, поэтому было приятно обнаружить, что Коди разделяет мои вкусы. Я попросил его выбрать что-нибудь, включить на небольшой громкости. Он взял сборник Джони Митчелл*, который я составил сам.

- Как давно ты знаешь Кристиана и Флиппинга? - спросил я, пытаясь решить, насколько громко стоит включить запись.

- У нас продолжительная история. Я долгое время жил по соседству с Флиппингом. Мы вместе ходили в начальную школу, потом Флиппинг переехал в другой район и пошел в другую среднюю школу. Там он встретил Кристиана, который только что переехал туда из Аризоны — Тусона, наверное. Кристиан познакомил Флиппинга с наркотиками, и Флиппинг сразу перешел с ними на ты. Он и Кристиан были своего рода центром притяжения в своей школе. Я же шел более прямым путем, - занимался спортом, концентрировался на своих оценках. Не знаю, возможно, это было как-то связано с моим любимым телешоу *Разыграем поединок!*** в детстве . Но потом мы оказались в одной школе, и я начал употреблять наркотики вместе с ними, потому что с ними было**

* **Joni Mitchell** - канадско-американская певица и автор песен, мультиинструменталистка и художница.

** **Tucson** - крупный город в Аризоне. Население свыше 500 тыс. человек.

** **The Match Game** - культовое американское телешоу в формате поединка в области эрудиции относительно спортивных событий и высказываний лиц так или иначе связанных со спортом. Стартовало в 1962г. и продолжалось до 1969г., затем многократно в разных форматах продолжалось с перерывами иногда до нескольких десятков лет. В 2017г. снова в эфире, продолжаясь до 2022г., после чего опять возникла пауза.

весело просто находиться рядом. У каждого из нас свой характер, но когда мы собирались вместе, единственное, что имело значение, — чтобы было не скучно. Так мы стали лучшими друзьями, хотя я довольно быстро разочаровался в наркотиках. И я заметил, кстати, что ты тоже сегодня не курил.

- Нет, — ответил я, размышляя, какую часть этого периода моей жизни стоит рассказать ему. - Какое-то время я тоже так и делал, когда мы жили в Небраске. Там больше нечем было заняться. Но оценки полетели к чертям, и я также заметил, что все время впадаю в депрессию, много думаю о самоубийстве, потому что меня просто тошнило от всего. Потом я словно бы намеренно дознулся однажды ночью, когда был дома с младшим братом. Он был напуган до чертиков. И когда меня выписали из больницы, мне пришлось пообещать ему, что больше никогда не буду принимать наркотики. Так что, я пообещал, и не могу сказать, что сдержал слово полностью, но справился с этим более-менее, думаю.

Коди сидел на краю моей кровати, наклонившись вперед, соединив руки вместе. Его спадающие на лицо и глаза волосы, не помешали мне видеть, как он смотрит на меня, покусывая нижнюю губу.

- Это самое важное из всего, что ты мне рассказывал, - сказал он. - Может быть, ты и на меня повлияешь в лучшую сторону.

Мне нечего было добавить или возразить,

поэтому я вернулся к тому, о чем он говорил раньше:
- А что о вас говорили? Ты рассказывал что-то о том, что у вас троих сложилась определенная репутация.
- Да, ну, у Флиппинга были волосы до задницы, и все его знали как Мистера Нарка. Я имею в виду, что тогда он и получил свое прозвище. До восьмого класса он был Филиппом Беннингом, а потом все вдруг стали называть его Флиппингом. Что же касается Кристиана там было немного другое. Он знает, что ему многое сойдет с рук, и любит доводить все до предела. Однажды они с Сарой пошли на школьные танцы, где Сара была в смокинге, а Кристиан в парике и вечернем платье. Это были танцы, где девушки приглашают, в отличие от обычных, так что они просто довели все до логической крайности. Мне тогда подумалось, что, может быть, они зашли слишком далеко, но всем понравилось.
Я осторожно спросил:
- Кристиан бисексуал?
- Не столько бисексуал, сколько гей, — сказал Коди без малейшего намёка на смущение в голосе. - Я знал это с первого дня, как Флиппинг меня с ним познакомил. Думаю, все это знают, но вряд ли можно услышать, чтобы кто-то подшучивал относительно него или что-то в этом роде. Вероятно, где-то в школе есть придурки, которые это делают, но, полагаю, они достаточно осторожны, чтобы позволить

мне слышать их, потому что я никогда ничего подобного не слышал.
Я, так сказать, впитывал информацию, и решил не спрашивать, как он так сразу узнал, что Кристиан гей.
- У него что-то есть с Флиппингом?
Коди нахмурился.
- Я знаю, что Флиппингу нравится противоположный пол, но он может быть и бисексуалом, конечно, - я никогда не спрашивал его... и не знаю точно, какие у него отношения с Кристианом, хотя я всегда думал, что они, вероятно, просто хорошие друзья, так же, как они хорошие друзья со мной, например.
Коди посмотрел на меня с выражением, которое, казалось, обозначало: "это ответ на твой вопрос?".
Мы оба молчали, возможно, потому что стало понятно, - обсуждать больше некого, кроме нас самих.
- Ты так и не рассказал мне, что о тебе-то думали, — сказал я в конце концов.
- Я никогда не понимал, что именно, или что думают сейчас, если хочешь знать правду. Когда мне было девять или десять лет, я был несколько мал для своего возраста и ненавидел, когда это становилось предметом шуток и обсуждений. Я был колким ребенком, и в какой-то момент мог дружески щелкнуть и по носу. И, какой сюрприз, некоторые не ценили юмор такого рода. Но потом я начал расти, и мне удалось перерасти в этом смысле и свой гнев. Теперь думаю, что люди

часто оказываются удивлены. Они могут ассоциировать меня с командой по тяжелой атлетике, в которой я состоял пару лет, или могут ассоциировать со школьным советом, в котором я также состоял, пока не ушел прошлой весной. Или со спорами с учителем в классе, или даже с Флиппингом и Кристианом. А это все вместе не сходится, по крайней мере, у большинства из них.

- Я не знал, что ты в школьном совете!

- Ты только недавно познакомился со мной, Троцкий. Есть сотни вещей, которые ты обо мне не знаешь.

- Думаю, так и есть.

- Но в то же время я чувствую, что ты знаешь меня довольно хорошо. И думаю, ты знал меня еще до того, как мы сказали друг другу хоть слово — вот что самое безумное.

Он был прав, конечно. Это *был* животрепещущий вопрос.

- Ты понял, что я имел в виду в истории о том, как быть бодхисаттвами?

- Нет. Я хотел спросить об этом.

- Ну, видишь ли, я всегда чувствовал себя религиозным, но я никогда не мог принять хоть одну религию, о которой читал, пока не наткнулся на буддизм, читая Гессе. Я не буддист, но я восхищаюсь многим из их учений. В любом случае, вернемся к сути — бодхисаттва это достигший просветления, но не переходящий в нирвану в силу своего сострадания к другим. Он хочет остаться и помочь им. Из всего прочитанного, именно бодхисаттва всегда производил на меня

наибольшее впечатление, и я всегда же чувствовал, что если когда-нибудь сам достигну нирваны, надеясь, что это вообще возможно, то хотел бы иметь смелость быть бескорыстным и остаться помогать другим.
- Это очень благородная мысль. Думаю, мой отец, должно быть, чувствовал то же самое.
- Ты не рассказывал, кстати, что случилось с твоим отцом, — оживился Коди.
И я рассказал. После этого он несколько минут сидел молча, просто уставившись в пол и очень тихо, про себя почти, шептал:
- Ого!
- Это и есть твоя карма, Троцкий! В тебе так много всего! И самое главное, что ты, кажется, даже не осознаешь этого. Ты, возможно, не считаешь себя кем-то особенным, — но одно лишь такое смирение делает тебя замечательным, я чувствую какое-то спокойствие, когда я рядом с тобой, и особенно сейчас, когда я в твоем доме, в твоей комнате! Я еще даже не знаком с твоей семьей, но знаю, что они мне понравятся! А твой отец? Господи Иисусе, Троцкий, какое наследие! Неудивительно, что когда мне приснился этот сон, когда я почувствовал, что сливаюсь с тобой, то внезапно почувствовал, что могу быть бодхисаттвой, и что особенно вместе мы можем как бы дополнить друг друга, достичь всего! Разве ты этого не чувствуешь?
Никто никогда не говорил мне таких вещей да еще и с такой настоящей страстностью. Ответ на его вопрос «да» граничил бы с ложью, я

это чувствовал, потому что подобный эмоциональный уровень для меня был сейчас не достижим. Тем не менее, я чувствовал что-то похожее на то, о чем он писал: мне нужен был Коди, или, по крайней мере, я хотел его. Он искал дополнение, бодхисаттву, а я искал, симпатичного, с родственной душой, лучшего друга. Я сказал ему «да», которое он и ждал. Возможно, в нашей дружбе и *будет* что-то духовное. Возможно, любовь — это химическая реакция на вращение планеты.

- Не хочу возвращать нас к реальности, но мне завтра на работу. Ты не мог бы выставить будильник?

- Без проблем, — ответил я. - Во сколько нужно?

- Мне нужно быть в полдень, и надо будет сначала зайти домой, так что, как насчет десяти тридцати?

- До половины одиннадцатого оставалось только шесть часов, поэтому мы, безо всяких слов, начали раздеваться перед сном. Хотя мы делали это друг перед другом четыре дня в неделю, я заколебался и попытался не слишком спешить, позволяя Коди держаться на шаг впереди. Это было несложно, поскольку Коди был решителен и, казалось, так непринужден, как будто мы в школе.

Это отсутствие стеснения тронуло меня, хотя я не понимал, почему.

В моей комнате была полноразмерная кровать, и никогда не было никакого представления, что кто-то может спать на диване или на

полу.
Раздевшись до нижнего белья, мы заползли под одеяла.
Когда я выключил лампу над изголовьем, мы погрузились в такую полную темноту, что в течение нескольких минут можно было различить лишь карусель зеленых светодиодных огоньков, перемигивающихся на магнитофоне. Постепенно они же и освещали всю комнату, по мере того как мои глаза адаптировались к темноте.
- Спокойной ночи, Троцкий, — сказал Коди, поворачиваясь на бок и развернувшись от меня.
- Спокойной ночи, Коди, — ответил я со смесью разочарования, но и облегчения.
Казалось, прошло совсем немного времени, как я заметил, что дыхание Коди стало более тяжелым и ровным, что ассоциируется со сном. Он, должно быть, устал. Да и я устал. Но не спал и чувствовал одиночество рядом с ним. Подумалось, что лежать в постели рядом с любимым человеком и чувствовать себя одиноким — это самый мучительный вид одиночества, на самом деле хуже, чем оно само в чистом виде, хотя я бы ни за что не пожелал, чтобы Коди покинул мою кровать. Даже когда они делали меня несчастным, я был благодарен этим обстоятельствам.
Теперь я мог различить форму его лица на подушке, руку, лежащую на груди, верхнюю часть плеча, идеальную шею чуть ниже затылка, куда мне хотелось коснуться губами, почувствовать его тепло,

солоноватый привкус на коже...
В полутьме светлые волосы на руке Коди и темные на моей казались серебристыми. В темноте мы не были такими уж разными. Мускулы здесь, эмоции там. Волосы на твоих руках, молоко на моих ногах — друзья, как клавиши на пианино, - ты и я.
Какие-то внутренние часы разбудили меня в десять двадцать девять. Это был талант или что-то в этом роде, что срабатывало у меня скорее чаще, чем нет, но было недостаточно надежным, чтобы полностью доверять, иначе я бы выбросил этот чертов будильник в окно, потому что шум, который он издавал, был сродни пароходу посреди безмолвных вод Стикса. Когда проснулся, я понял, что Коди каким-то образом умудрился забраться на меня во сне. Его вес давил на меня, и непонятно, как я мог спать под ним так долго и как долго мы были в таком положении. Он не лежал полностью на мне, но одну руку закинул мне на грудь, а одну ногу перекинул через обе мои. Его лицо было практически рядом с моим, и чувствовал теплоту его дыхания на шее. Осторожно я положил свою единственную свободную руку ему на плечо, ладонью на его спину. Коди слегка пошевелился, затем затих. Это было так приятно, что я мог лишь только лежать и лежать, парализованный собственным удовольствием.
Я чуть потянулся, выключая будильник, и снова лежал совершенно неподвижно, чувствуя его дыхание и синхронизируя свое

собственное с его.
Мысленно я начал пытаться разбудить Коди, и вскоре почувствовал, как напрягаются и расслабляются мышцы в его руках. Он потянулся, просыпаясь, а я притворялся спящим, одновременно ожидая его реакции на начало его дня, лежа на мне.
Я уловил паузу, затем почувствовал, как он отстраняется. Это дало хороший повод зевнуть в пробуждении.
- Доброе утро, — сказал он, взглянув на часы и тут же вскочив с кровати. - Мне нужно торопиться, но тебе можно и не вставать, — спи еще.
Полагая, что для него будет слишком странно предстать перед моей семьей в одиночку, без того, чтобы они узнали, кто это, я все равно встал.
Мама сидела в гостиной, поглядывая в книгу со включенным на новости телевизором. Я познакомил ее с Коди. Она улыбнулась и предложила приготовить завтрак. Коди сказал ей, что это прекрасное предложение, но ему нужно скорее домой, - в душ и переодеться, чтобы быть на работе через час. Мама же спросила, почему бы ему просто не воспользоваться душем у нас дома и не надеть одну из моих рубашек, а тем временем, — чтобы ему не пришлось идти на работу голодным, — она приготовит бекон с яичницей. Коди начал говорить о том, что не хочет, чтобы мы так беспокоились, но я положил руку ему на плечо и повел его в ванную.

- Там полотенца. Шампунь на ванне. Не закрывай дверь, я принесу одежду.
Коди начал расстегивать рубашку, качнул головой. Когда он вышел из ванной, я думал лишь о том, насколько лучше моя рубашка смотрится на нем, чем на мне. Любая из них, вероятно, выглядела также, поскольку его плечи лучше заполняли ее, но я в любом случае отдам ему эту, потому что никогда больше не буду удовлетворен, если увижу ее на себе.
После завтрака я отвез Коди домой, чтобы он взял свою машину и уже сам добирался на работу. Он вышел из моей, и я не смог придумать, что сказать. Но он снова просунул голову в дверь:
- Эй, спасибо, - сказал он.
И закрыл ее.

Глава четвертая

Я так и не видел Коди, пока не встретил его на уроке истории в понедельник утром. Он разговаривал с девушкой, сидевшей рядом, прежде чем он сменил парту. Но девушка и сама сменила парту, чтобы снова устроиться рядом с ним. Я ненадолго прервал их, чтобы поздороваться и посмотреть, не хотят ли они посвятить меня в предмет разговора. Однако в процессе обсуждений похода на танцы вечером после следующего футбольного матча, я ушел, оставив их.

После урока Коди спросил меня, не составлю ли я компанию ему, чтобы перекусить где-нибудь. Мы отправились в относительно тихое место недалеко от школы, но в стороне от популярных маршрутов. Кристиан и Флиппинг тоже были здесь, поскольку они, по-видимому, тоже договорились встретиться тут же, — в одном из немногих удобных мест, где хорошее обслуживание в полуденный час, — и почти каждый день. Все взяли чизбургеры, кроме Флиппинга, ограничившегося салатом без заправки. Овощи, изрек он, должны проявлять себя без навязчивого итальянского* вмешательства. Кристиан почти сразу ушел, - подготовиться к следующему занятию. Намечалась контрольная по геометрии, предмет, который большинство учеников пропускали в последних классах средней школы. Кристиан откладывал ее два года, потому что ненавидел математику.
На физкультуре Коди опять стал капитаном команды. Его выбор и на этот раз меня на место первого игрока был встречен с недоумением и весельем, поскольку нам предстоял футбол, вид спорта, в котором мой относительно небольшой рост, безусловно, преимуществом не был. Тем не менее, наша команда легко победила, хотя моим единственным заметным вкладом были несколько коротких бросков, когда у Коди, в качестве нападающего, возникли проблемы за линией защиты.**

* подразумевается оливковое масло
** американский футбол, или регби

Неделя почти уже была на исходе, и мне стало скучно ждать каких-нибудь событий относительно Коди, поэтому я снова позвонил Саре и договорился с ней выбраться куда-нибудь в пятницу вечером. Мне нравилось танцевать, и я предложил туда же, куда и Коди планировал зайти. Однако Сара уже год, как отучилась в школе, и чувствовала определенный регресс в возвращении туда по *любой* причине, даже ради танцев.

- Я появлюсь там в тот день, когда смогу станцевать на могиле Старого Киндала! — сказала она.

Старый Киндал был нашим директором. Он был не таким уж и старым, просто его сын когда-то ходил в эту школу, и все привыкли называть их Старый Киндал и Киндал-молодой. Хотя его сын окончил школу около десяти лет назад, прозвище Старый Киндал прижилось, в первую очередь потому, что, как сказал бы Диккенс, казалось маловероятным, что он когда-либо вообще был молодым. Сара возненавидела его за то, что однажды он сказал ей «перестать одеваться как шлюха». Хотя наряды Сары и были странными, но ни в коем случае не бесстыдными или пошлыми. Она так и не простила Старому Киндалу то замечание, причем сделанное перед несколькими одноклассниками, включая Кристиана, который и рассказал мне эту историю.

Поскольку кино в таком случае стало нашим логичным выбором среди развлечений в Литл-Роке, а фильмы там всегда менялись по

пятницам, Сара и я решили, что, составляя планы, стоит подождать до пятницы.
За всю неделю мы с Коди едва ли обменялись хотя бы какими-то существенными словами. Всякий раз, когда я его видел, он был занят с кем-то другим. Та наша совместная ночь начала представляться сном. Когда я думал о нем, спящем на мне, это все более казалось едва ли возможным. И тогда, когда я видел, как он бросает победный пас тому законченному придурку в спортзале, и тогда, когда я увидел, как он приглашает девушку на танцы. И тогда, когда, в самом деле, он обращался ко мне в присутствии других людей как к еще одному из его знакомых. Я тоже не относился к нему как-то по-особенному, выжидая вместо этого, что произойдет в следующий раз, когда увижу его наедине.
Каждый вечер я подумывал о том, чтобы съездить на заправку, но связался с Фредди, играя в настольный мини-хоккей (мы запустили лигу, как делали каждый год), поэтому так и остался дома. Да и в любом случае, заправляться необходимости не было.
Однако неделя не прошла без того, чтобы мне не приснился еще один странный сон. Только на этот раз Коди вообще там не было, равно и как и чего-нибудь вообще приятного. Это был просто самый страшный кошмар в моей жизни.
Я лег спать, думая о том, что я больше не живу ради чего-то. Я жил ради мамы и Фредди, жил, чтобы посмотреть, как будет развиваться с Коди... но ради чего еще?

Определенно не ради денег, определенно не амбиций, и, наконец, определенно не исходя из религии. Какой-то демон в моем подсознании решил сыграть на этой мысли, когда я заснул.
Я лежал на безупречно чистой кровати, вероятно, в больнице, умирая. Никто не говорил мне этого, но я чувствовал приближение смерти. Я не мог открыть глаза, но слышал, как люди плачут рядом со мной, вокруг меня, что было достаточным для понимания моей близости к смерти. И еще важнее, я не чувствовал ни капли жизни, ни даже воли к жизни в себе. Я принял, что смерть — это неизбежность, факт, ожидающий своего часа. Я не боялся, а только желал более глубокого покоя. Чувствовал, как жизнь уходит и покидает меня, затем исчезли и мысли. Минуты или даже дни проходили в полной пустоте, пока, с удивительным головокружением, не началась неожиданная мозговая активность. Первым сигналом моего ожившего мозга было: «Что, черт возьми, произошло?» Но я вспомнил свою смерть еще до того, как этот вопрос полностью оформился, и мозг обозначил: "Если я мертв и все еще функционирую, *то что, черт возьми, произойдет дальше и, о боже, а правильно ли я прожил свою жизнь? и как долго эта тьма будет длиться?* На меня напал самый сильный ужас перед неизвестностью, который я когда-либо испытывал. На минуту подумалось, что у меня случится сердечный приступ от страха, но снова вспомнилось,

что я уже мертв. И вдруг я почувствовал, что двигаюсь. Ни в каком определенном направлении, не видя ничего, кроме черноты, но все равно двигаюсь. Я начал слышать далекий, приглушенный шум.
Это вселило ужас в мою душу, потому что я понял, что слышу звуки ада или, по крайней мере, стенания мертвых. Затем я проснулся, все еще в панике.
Я был в своей комнате, в своей кровати. Слышал, как дождь барабанит в окно. Все было правильно и корректно, кроме моего разума. Я не смел заснуть, чтобы сон снова не охватил меня и не убил. Я боялся, что это могло быть предупреждением... от Бога или просто какого-то Божества, или от неизвестной, доселе дремавшей части меня. В любом случае, в эту позднюю сентябрьскую ночь в своей кровати в Литл-Роке я боялся спать. Наконец, я устал от бессонницы, тихонько пробрался на кухню, выпил стакан молока, прочитал каждое слово на упаковке, затем пошел в ванную. В зеркало я рассматривал себя с большим вниманием, чем когда-либо, размышляя:
- Зачем я вообще существую? Проживу ли я всю свою жизнь без чувства цели?
Лицо, глядевшее на меня, почти не демонстрировало этого внутреннего смятения, скрывая обеспокоенного Троцкого от мира, более привыкшего к маскам, чем к истинной природе вещей. Достаточно приятная внешность, хотя и никоим образом не приближающаяся к совершенству моего друга,

она скрывала меня также, как кузов скрывает внутренние механизмы автомобиля. Редко кто-то утруждает себя необходимостью заглянуть под капот.
Помню, как посмотрел на часы в пять пятнадцать утра, все еще не выспавшись. Должно быть, я задремал вскоре после этого, потому что, когда будильник зазвонил в семь, я не так и не поднялся, чтобы отключить его. Мама послала Фредди выполнить эту задачу, но я даже не понял, что он был в комнате, пока он не начал тормошить меня. Когда же наконец проснулся, то понял, что это совсем не *утро в Челси.**
Я чуть не снова не уснул, но уже в ванной под душем, и мне пришлось уговаривать себя съесть завтрак, что в то время казалось довольно трудным занятием. У Фредди были какие-то новые хлопья, на коробке из-под которых был изображен агрессивно привлекательный мальчик. Я задался вопросом, неужели рекламодатели рассчитывают на сексуальную привлекательность для целевой группы подростков еще не достигших переходного возраста? Вероятно, так и было.**
Я вспомнил кого-то в Линкольне, но едва знакомого, утверждавшего, что выбирает свои хлопья для завтрака по коробке с самым симпатичным мальчиком на ней. Тот парень всегда раздражал меня, и я был уверен, что никогда не дам ему и намека на свою

* **Chelsea Morning** — песня Джони Митчелл со второго альбома певицы *Clouds (1969).* Текст отличается исключительной романтичностью при пробуждении в хорошем настроении и приятных чувствах.

сексуальную натуру. Он был из тех парней, которые в пятнадцать лет уже ничего не скрывают, что касается в том числе и мужского туалета. Все в школе думали, что он так шутит — и, надо признать, я тоже. Несмотря на мое сомнамбулическое состояние, я ходил в школу силой привычки. Люди, которые меня даже почти не знали, подходили в течение дня, спрашивали, не принимаю ли я наркотики. Я чувствовал себя настолько плохо, насколько это возможно в таком состоянии, если только это не было какой-то серьезной болезнью.

Вместо того, чтобы снова звонить Саре, обсуждать наши планы, я решил просто зайти к ней на работу в пятницу днем, под конец рабочего дня. У нее на столе появилась новая табличка, по-видимому, самодельная, с текстом: *Знайте, что Господь есть Бог. Он сотворил нас, и мы не эльфы*.
Сара, которая не видела, как я подошел, практически подпрыгнула, когда я спросил, что она сделала с той табличкой, с именем. Напустив на себя деловой вид, она ответила:
- О, она в этом ящике, - и пнула нижний ящик стола. - Ненавижу, когда незнакомые люди называют меня по имени... кроме тебя, конечно. Затем, внимательно и смело оглядев меня, заключила:
- Не сильно похоже, что ты пришел в поисках работы сюда.
- Не в этом смысле, конечно, — ответил я. - Просто зашел посмотреть, что мы делаем сегодня вечером.

- Мог бы позвонить.
Я пожал плечами.
- Да, мог бы.
Сара посмотрела на меня, затем на часы, затем схватила свое пальто.
- Не хочешь проводить меня до дома? Возьмем газету и посмотрим, что и где происходит.
Едва лишь мы зашли к ней в дом, я был представлен ее брату, который промелькнул передо мной тем вечером, когда я пришел на вечеринку, затем пришлось выдержать знакомство с ее родителями. Мать Сары, одно из самых эксцентричных созданий, с которыми я когда-либо сталкивался, приложила немалые усилия, чтобы познакомить меня с их собакой. Я был удивлен, что сходство между Сарой, ее братом и собакой не передалось родителям. Миссис Тернер была похожа на королеву Дании Маргрете II, а мистер Тернер, волосатый и рослый, напоминал початок кукурузы. Он был профессором зоологии и считался ведущим экспертом в Арканзасе в области лягушек.
После того, как Сара и я вежливо отказались от "поужинать" пять или шесть раз, ее мать удалилась к другим домочадцам или в кабинет или в столовую, я точно не понял. Мы с Сарой нашли *Arkansas Gazette* на полу, под стулом, слегка пожеванную Джи-Джи, той самой собакой. Названному так миссис Тернер, Джи-Джи предшествовал небольшой пудель по имени Фи-Фи. Сара, ее отец и брат с трепетом ждали последующего появления Хи-Хи.

- А-а-аа, - закричала Сара, напугав меня, так как я и так был на взводе после встречи с ее родителями. - В этой рекламе канцелярии ее пишут через "и"!
Я посмотрел через ее плечо на рекламу. Может быть, это для тех, кто много пишет с ошибками и ему требуется еще и еще, — предположил я. Сара ткнула меня в грудь локтем.
Поскольку в кинотеатрах ничто не выглядело особенно заманчивым, мы решили попробовать проникнуть в один из кинотеатров для взрослых. Никто из нас никогда не смотрел порнофильмы.
Я не был уверен, что хочу смотреть, но решил пойти, так как Сара, казалось, была в восторге от этой идеи. Она пошла переодеваться, а я коротал время, просматривая объемный словарь, занимавший две трети журнального столика прямо передо мной. Обратившись к разделу в конце под названием «Распространенные английские имена», я нашел имя *Сара* на странице, начинавшейся с *Саломеи*.
Сара(ивр.) - Принцесса.
Затем поискал имя Кристиан, зная, что оно имеет какое-то отношение к тому несчастному, но очень почитаемому спасителю, во имя которого люди практиковали воодушевляющие акты человеколюбия или совершали позорные злодеяния, в зависимости от обстоятельств.
Кристиан (лат.) уменьш. Кристи.
Что бы это ни значило. Я безуспешно пытался

найти *Коди*, даже не стал искать *Троцкий* и, наконец, решил поискать *Майка*, так звали отца и брата Сары.
Майкл, Майк (ивр.) Кто подобен Богу?
Откуда мне знать? Я же не чертов словарь, в конце концов.
Сара вернулась в джинсах цвета кедровой хвои, бордовом пончо и походных ботинках. Определенный консерватизм меня обрадовал, и я спросил:
- Кто подобен Богу?
Сара замерла, пристально посмотрела на меня и спросила:
- Ответ *ты* знаешь или мне следует сказать?
Я ответил ей таким же взглядом.
- Это кто-то, кого я знаю?
Я смотрел на нее.
- И больше хлебницы?
Я кивнул в сторону ее брата. Сара лишь буркнула «*Он*?», отвергая предположения с недовольной ухмылкой.
Послышался звонок в дверь. Это был Кристиан. Я назвал его уменьшительным *Кристи*, но он, похоже, все равно был рад нас видеть. Спросил о наших планах. Мы раскрыли их ему.
- Без вариантов, — было его единственным комментарием.
- Кто этот парень? - не удержалась Сара. - Сначала он намекает, что у нас действительно должны быть *планы*, а затем требует, чтобы они были практичными!
Кристиан согласился идти с нами, но когда мы направились к двери, отец того, кто-

подобен-Богу, и Сары спросил, куда это мы. Он адресовал это мне, что было несколько неприятно, но поскольку вопрос прозвучал, я ответил:
- О, просто прокатиться.
Он нахмурился. И я добавил:
- В кино.
Этот ответ был принят кивком, что вполне меня устроило. Мне никогда особо не нравилось иметь дело с родителями, кроме моих собственных, и этот Тернер из означенной категории, конечно, не был исключением.
Кинотеатр был очевидно убогим местом, где показывали дешевые, любительские фильмы. Вход был обрамлен невероятным количеством мигающих ламп, но даже при нашей молодости, хорошо различимой в таком свете, у нас не возникло проблем с входом. Разместившись на местах в самой пустынной части кинотеатра, мы развлекались, предполагая, в какую дырку кто из персонажей засунет какой предмет следующим. Наши догадки распространились и на мужчину позади, когда мы размышляли о значении доносящихся с его стороны странных звуков.
Когда фильм закончился, мы вышли из кинотеатра, тупо посмотрели друг на друга, решая относительно дальнейших действий. Я предложил найти, где можно поесть, но Сара заявила, что она не голодна, а Кристиан заверил нас, что он не рос в нужде, чтобы постоянно есть. Я сразу сказал, что не собираюсь играть, поэтому они подставили

мне подножку на парковке, выдернули ключи из моего кармана. Побежали к машине, прыгнули внутрь и сидели там, смеясь надо мной, заперев изнутри двери. Почти три минуты я стоял, дрожа на ветру, прежде чем сдаться и сказать:
- Я не такой горячий, как чилийский перец.
Я забрался на водительское сиденье, Сара сидела рядом, а Кристиан сзади, за мной. Она обняла меня и поцеловала. Ее симпатия смутила меня, и в тот же момент она внезапно разразилась какой-то спонтанной поэзией:

Ты не красив с фасада
И реверса,
Кнопкой пупок,
Но все равно - нравишься.

Я оттолкнул ее в знак протеста, но она лишь рассмеялась и снова набросилась, прижавшись ко мне и страстно дыша мне в шею.

С первого взгляда -
Клоун печальный,
Пьешь газировку,
Но все равно - нравишься.

Несмотря на решение не обращать внимание на ее слова, я рассмеялся. Затем завел машину, тронулся с места, все еще не понимая, куда именно. По радио местный диктор рассказывал и цитировал что-то из пресс-конференции, которую давал "непрофессиональный"

советский пловец*. Не успел я проехать и трех кварталов, как Сара закричала:
- Стой! — и шлепнула меня по животу для убедительности. Я остановился.
- Что они там делают? — спросила она, глядя через улицу в сторону здания Масонской Ложи.
Я сразу вспомнил Коди и историю о похоронах его деда, которую он рассказывал.
- Устраивают тайные собрания, — вызвался Кристиан.
- Можем ли мы попасть внутрь?
- Что-то я сомневаюсь.
- Хочешь попробовать?
Хотел ли я? Не особенно, но не смог придумать ни одной причины, по которой мы не должны это делать, способной убедить Сару или отговорить Кристиана, с энтузиазмом поддержавшего идею.
Я припарковал машину.
- Правда вскроется, как они говорят, — сказал я, не совсем понимая к чему это или что это значит.
- *Кто* говорит? — потребовала ответа Сара.
- Люди.
- Понятное дело.
- Почему понятное?
- Потому что звучит это глупо, а люди глупы.
К этому времени мы достигли здания.
- Дверь не заперта, — сказала Сара,

* скорее всего речь идет о С.В. Курилове, совершившем в 1974г. дерзкий побег с советского круизного лайнера "Советский Союз". Тогда он плыл трое суток и преодолел 100км. до берега.

открывая ее, доказывая таким образом свою точку зрения.
- Это несколько пугает, — сказал я. Так оно и было. Здание, с его величественной архитектурой, холодными мраморными колоннами и бюстами было внушительным. На стенах висели флаги всех пятидесяти штатов в алфавитном порядке, хотя Мэриленд, всегда привлекающий внимание, загадочным образом застрял между Джорджией и Гавайями. Тишина была убийственной.
Сара и Кристиан начали подниматься по лестнице на этаж, где ряды книг уходили, казалось, в бесконечность. Догоняя их, когда они уже были наверху, я репетировал, что скажу, если меня поймают — Мы, э-э, это.. мы, типа, гм...
Нет, может быть, я просто позволю Саре говорить.
- Посмотри на эти странные книги, — сказала она Кристиану.- Названия у них звучат как коммунистические.
Это было правдой, но не обязательно соответствующей содержанию.
- Ты уверена, что нам стоит здесь оставаться? — спросил я. Это был глупый-преглупый, да и просто тупой вопрос.
- Я как раз уверена, что нам делать это не следует, — ответила она.
В дальнем коридоре Кристиан обнаружил дверь, почти такую же внушительную, как и само здание, высотой более восьми футов, шириной почти пять*, темного дерева,

* чуть больше двух метров высотой и шириной ок. полутора

украшенную бронзой. Обернувшись на нас, он пожал плечами, взялся за блестящую ручку и медленно повернул ее вниз, по часовой стрелке. К нашему общему изумлению, она открылась. Кристиан оставил приоткрытой, и мы, пошатываясь, выстроились в ряд за ней, чтобы заглянуть внутрь. То, что мы узрели, было по-настоящему странным, очевидно, своего рода ритуал, который, конечно, проводился не на английском языке, участники были одеты в какие-то мантии и шапочки с кисточками, мало чем отличающиеся от тех, которые носили шрайнеры* на парадах. Я был поражен торжественностью, с которой они пели.

С внезапной тревогой мой взгляд упал на пожилого джентльмена, чей такой же яростно-тревожный взгляд был обращен ко мне. Он поднялся. Только тогда я понял, что Сара и Кристиан оставили меня одного здесь и с нетерпением ждали уже на лестнице.

Когда я убегал, джентльмен, внимание которого я невольно привлек, преодолел дверь с восклицающим хрипом, но мы неслись вниз по лестнице как раз в тот самый момент, не в силах сдерживать смех. Бежать в предельно быстром темпе через какое-то величественное здание, от хрипящего старика в смешной шляпе, казалось типично подростковой глупостью, но тогда мы и *были* подростками, со свойственными нам же

* **Shriners** - Американское парамасонское общество, основанное Уолтером Флемингом и Уильямом Ж. Флоренсом в Нью-Йорке в 1870 году. В Орден принимают только масонов, достигших третьей ступени.

оправданиями действовать настолько глупо, насколько захочется. Мы вывалились из Ложи, устремившись к машине.
Когда я вырулил на дорогу Сара была в приподнятом настроении. Воодушевление от того, что расстроило Вольного и Ответственного каменщика, по-видимому, подняло ей настроение на весь день. Я снова подумал о Коди и о том, какое мнение сложилось бы у него о нашем приключении. Я надеялся, что он не услышит об этом, но смелости просить Кристиана не упоминать об этом мне не хватило, поэтому было почти совершенно очевидно, что Коди если и услышит эту историю, то от него. Я ошибался, потому что Кристиан знал Коди лучше меня тогда, и, конечно, понимал, что именно оставить недосказанным.
- Итак, что ты думаешь об Арканзасе? — спросил Кристиан, повторяя вопрос, который я так часто слышал в последнее время. Одержимые своим собственным образом, арканзасцы никогда не интересовались, что из себя представляют Небраска или Висконсин, лишь только моими представлениями об Арканзасе. Что можно думать о прекрасном, хотя и консервативном, южном штате, постоянно направляющем одну из самых ярких, самых либеральных делегаций Конгресса в Вашингтон и неоднократно избирающем молодых либералов на государственные должности?
- Я думаю об Арканзасе как о самобытной культуре, — ответил я Кристиану. - Если бы

Соединенные Штаты были Европой, Луизиана была бы Францией, а Арканзас - Албанией. Уильям Фулбрайт* был бы Энвером Ходжой, а Орвилл Фобус*** был бы королем Зогу****. Я мог сказать, что оставил их в недоумении, что, как и чувствовал, было не только самым безопасным курсом, но и подходящим примером того, как их штат повлиял на меня.**

- Сейчас я думаю, что хотел бы жить в новом штате каждый год до конца своей жизни. Такой, своего рода, круг, Луизиана, потом Миссисипи...

- Ты с ума сошел, — констатировал Кристиан.

- Алабама, Джорджия, Флорида, а затем - Восточное побережье...

* **J.William Fulbright** (1905-1995) - представитель Арканзаса в Сенате США. Крупный политический деятель, противник войны во Вьетнаме, создатель международной программы стипендий, названной в его честь. Сторонник политических решений в противовес военным, но с бескомпромиссной позицией относительно сущности СССР (и шире - России) как империалистического режима.

** **Энвер Ходжа** (1908-1985) - албанский революционер, социалист. После прихода к власти в 1944г. постепенно скатился к безумной диктатуре, на фоне грандиозных успехов в восстановлении страны, реализации программы всеобщей грамотности, создание практически с ноля институтов национальной культуры.

*** **Orville Faubus** (1910-1994) - губернатор Арканзаса (1955-1967), сторонник жесткой сегрегации чернокожего населения штата, в 1957г. с привлечением Национальной гвардии отказался выполнять Решение Верховного Суда США о равном праве посещения школ чернокожими, что спровоцировало острый кризис в Литл-Роке.

**** **Ахмет Зогу** (1895-1961) - второй президент Албании (1925-1928) и первый король Албании с 1928 по 1939 год из династии Зогу. С 1922 по 1924 год и в 1925 году премьер-министр Албании. К власти пришел по результатам вооруженного переворота, президентом избран членами кабинета министров. Добился существенных успехов в деле государственного строительства, развития экономики и образования. Но в полной мере выстроить государственные институты не смог, что привело страну к потере государственности и оккупации Италией.

- Подумай только, где ты проведешь лучшие годы своей жизни, - Сара уже предостерегала.
- Затем штаты, около границы с Канадой.
- А как насчет Аляски и Гавайев?
- Я бы поехал туда после Вашингтона, а затем - новый цикл.
Кристиана это не слишком убедило:
- Да, когда-нибудь ты обнаружишь, что тебе шестьдесят пять, и ты живешь в Канзасе.
Я отвез Сару домой, где вышел и Кристиан, чтобы забрать свою машину. Когда я подъезжал к нашему дому, я заметил, как какой-то мужчина садится в машину и уезжает. Насколько я знал, мама уже много лет ни с кем не встречалась, поэтому «визит джентльмена» вызывал любопытство и даже беспокойство. Дома я обнаружил маму, сидящую в кресле, с таким видом, будто готова заплакать в любую минуту.
- Что случилось? — тут же спросил я. - Кто этот человек, которого я видел за рулем машины около нашего дома?
Первой вероятностью, приходящей на ум, был отец Фредди, - единственный мужчина, которого я когда-либо видел, вынудивший ее плакать. Но она сказала, что это был кто-то из университета, декан экономического факультета.
- Чего он хотел, — спросил я с удивлением, - зачем появился так поздно, в пятницу вечером?
- Он хотел предупредить меня, — сказала она.

Выдерживая паузу, достаточную, чтобы продолжать, что она и не собиралась делать, мне пришлось спрашивать очевидное:
- Предупредить о чем?
Мама встала, подошла к телевизору, включила его, выключила.
- Не говорить своим студентам, что я социалистка.
Я смотрел на нее, а она рассматривала темный экран телевизора. Я подумал, что тот человек мог бы с тем же успехом сказать ей держать в секрете, что она женщина.
- Как он может так ограничивать твою свободу слова?
- Я не уверена, что сможет.
На самом деле, я не знал, что она говорила своим студентам относительно своих взглядов, хотя меня это и не удивляло. Мне казалось, что студенты должны знать ее политические пристрастия, если она собирается преподавать экономическую теорию.
- Ну, не беспокойся об этом, — сказала она.
- Я уверен, это пройдет, как и все остальное. Джордж Харрисон*, помнишь? *Ливень не на весь день. Администрация всегда не довольна, когда профессора отклоняются от нормы.**
Я улыбнулся, задаваясь вопросом, понимает ли она, как мало родителей цитируют Джорджа Харрисона своим детям-подросткам.

* **George Harrison** - один из участников *The Beatles.*
** из песни **All Things Must Pass/Все пройдет** с одноименного сольного альбома 1970г.

Она ушла готовиться ко сну, а я посидел еще немного на диване, с мыслями о том, что может случиться, если ее уволят. Я слишком много волнуюсь, знаю, всегда ожидая худшего. Чем это вызвано во мне, интересно? Или это наследуется, как карие глаза? Наконец, я и сам ушел спать. Но только через несколько недель я услышал что-то еще о маминой работе.

А тем временем мне представилось несколько возможностей узнать Коди еще лучше, чем раньше.

Глава пятая

В течение следующих недель я практически не видел ни Кристиана ни Флиппинга, поскольку их группа стала выступать, что требовало многочасовых репетиций, и они не выходили из помещений арендованного склада в Северном Литл-Роке. За исключением нескольких непримечательных встреч, Сара тоже исчезла из виду. Казалось, наши отношения ослабли до незначительности, и мы оба были рады отложить их на некоторое время.

Коди, с другой стороны, все больше и больше вовлекался в мою жизнь. В школе, когда не были заняты в разных классах, мы чаще всего проводили время вместе. И, пожалуй, нигде мы не были так тесно связаны, как на уроках истории.

Вместе мы внимали снова и снова миссис Кремер, которая никогда не признавала, что Соединенные Штаты когда-либо брали неправильную сторону того или иного вопроса. Для нее наша страна и ее правительство были абсолютно идеальными. Хотя ничто из того, что мы с Коди могли бы сказать, не изменило бы ее мнение, она, по крайней мере, позволяла нам высказываться. Однажды она спросила, может ли кто-нибудь рассказать ей о комитете Палаты представителей по антиамериканской деятельности. Рука Коди тут же взметнулась в воздух, - мятежник, просящий разрешения на восстание. Миссис Кремер заметно колебалась, но, поскольку больше никто руки не поднял, она была вынуждена позволить Коди ответить на вопрос.

- Это был комитет, созданный Конгрессом в 1938 году с целью участия в антиамериканской деятельности.

Миссис Кремер напряглась.

- Это был комитет, созданный для того, чтобы помочь американцам избавиться от всех коммунистов и извращенцев.

Я не мог поверить, что она действительно это сказала. Коди же позади меня хранил спокойствие.

- Я не подозревал, что избавление от людей — это то, чем занимается Америка.

Миссис Крамер выглядела самодовольной, словно чувствовала победу.

- Если необходимо защитить страну, то придется это делать. Коммунисты уничтожили

бы христианство, а наши предки пришли в эту страну, чтобы основать христианскую нацию. Я уже достаточно наслушался.
- Наши предки прибыли сюда, спасаясь от религиозных преследований — по крайней мере, некоторые из них, — сказал я. - К сожалению, многие из них обнаружили, что это очень похоже на поездку в Южную Африку*, чтобы избежать расизма. Квакеров* раньше вешали на лужайке Бостон-Коммон** — либо так, либо привязывали к телеге и гнали под плетьми из города в город, либо отрезали уши. И, конечно, еще ведьмы****...**
- Прекрати!
Все в классе молчали, и смех, доносившийся из соседнего, казался чуждым и невозможным. Миссис Кремер, придя в себя, сказала:
- Я не давала тебе разрешения говорить.

* в те годы в ЮАР сложилась система апартеида, - жесткой сегрегации чернокожего населения.
** **Boston Common** - городской парк, расположенный в центре Бостона, Массачусетс. Созданный в 1634 году, является самым старым городским парком страны.
*** **Quakers** - **Религио́зное о́бщество Друзе́й** (англ. **Religious Society of Friends**) — изначально протестантское *Религиозное Общество Друзей внутреннего света,* - христианское движение, возникшее в годы Английской революции (середина XVII века) в Англии и Уэльсе. Датой возникновения обычно считают 1652г. (иногда — 1648 год, когда Джордж Фокс впервые выступил с проповедью). Представляет собой объединение независимых религиозных организаций, чьи вера и практика могут существенно отличаться друг от друга. На сегодняшний день богословские взгляды собраний и отдельных членов колеблются в широком диапазоне от евангелизма и либерального протестантизма до различных форм универсализма и не персонализированного Бога..
**** религиозные и иные процессы над "ведьмами" и "колдунами" в той или ной форме шли почти до первой трети восемнадцатого века.

В этом, незначительном моменте, она была права.
- Просто посмотрите и увидите, что делают коммунисты, — призвала она класс. - Обратите внимание на Центральную Америку, — Никарагуа сейчас походит на Кубу, когда Кастро только пришел к власти.

- Я ни на минуту в это не поверю, — сказал мне Коди после занятия. С таким же успехом можно сравнить большевистскую революцию с американской, сталинские чистки с нашей резней индейцев, а их экспансионизм с нашей концепцией освоения Запада.
Можно проводить сколько угодно сравнений, но это не значит, что Россия когда-нибудь превратится в Америку. Никарагуа также не превратится в Кубу — если мы не заставим их это сделать.
Я согласился с ним.
- Между США и Россией должен быть еще путь. Правительство должно иметь возможность заботиться о своих людях, не угнетая их.
Мы остановились у шкафчика Коди. Он бросил туда две книги и вытащил еще пару из-под стопки других.
- Разве ты иногда не задумываешься, почему за столькими революциями следуют диктатуры?
- Нет, — ответил я, — Никогда не задумывался. Это как задаваться вопросом, почему в словаре слово *процветающий* стоит сразу перед словом *простата*.
Коди рассмеялся и толкнул меня. - Да, *нет*! Это же совсем не одно и то же.

Мы продолжили путь, возвращаясь за угол к моему шкафчику. Краем уха я слышал обрывки разговоров проходивших мимо, в основном относительно футбольного матча, состоявшегося на выходных, с нашим главным соперником. Кажется, между двумя командами случилась потасовка. И ученикам нашей школы это явно нравилось. Это очень захватывающе, когда есть кто-то, кого можно ненавидеть.
- Вот только вчера вечером я размышлял, — продолжил Коди, — что было бы забавно, если бы началась полномасштабная ядерная война...
По-моему, у меня вырвался какой-то недоверчивый вздох, потому что Коди прервался, чтобы заставить меня замолчать.
- Нет, просто послушай минуту. У нас была полномасштабная ядерная война, и все бомбы оказались дефектными! Все 50 000 боеголовок, или сколько там их на этой неделе, они запускают их, но - все, ничего не происходит.
- Надеюсь, мы никогда не узнаем, работают они или нет.
Мы подошли к моему шкафчику. Мне всегда хотелось, чтобы у меня было что-то еще, типа обычного замка, кроме кодового, на который постоянно уходило много времени.
- Ты пацифист? — спросил меня Коди.
Я забыл, какие цифры набирал, все эти «четыре раза направо и остановиться на 63», так что пришлось начать сначала.
- Что ты имеешь в виду? — откликнулся я.
- Пацифист. Ну, знаешь, ты никогда никого

не убьешь ни при каких обстоятельствах.
- О, нет, я мог бы! Но хотел бы разборчивости в этом вопросе. Мне, например, нужно точно знать, быть уверенным, что это в целях самообороны.
- Если бы Советы* угрожали нам, ты бы не сражался с ними?
Я знал, что Коди играет в адвоката дьявола, но это не делало вопрос легче.
- Просто подожди секунду. Убийство людей — серьезное дело. Если я начну стрелять в каждого русского, который попадется, я могу убить очень хороших людей. *Так что*, я категорически против — убивать хороших людей.
Наш разговор прервался в силу нараставшей угрозы почему-то запаздывающего звонка.
В тот день в спортзале Коди и я оказались в разных футбольных командах. Возвращаясь к толпе своих после первой атаки в игре, Коди хлопнул меня по спине и сказал:
- Помни, ты пацифист.
В следующем периоде я так сильно его схватил, что испугался, не сильно ли помял его. Он не обмолвился и словом на этот счет, но в очередном периоде послал того приятного темноглазого мальчика, чтобы заблокировать меня. Я был на сто процентов уверен, что заметил, как Коди ухмыльнулся мне за секунду до того, как послал длинный пас в глубину поля. В любом случае, этот парень лапал меня до конца игры, пытаясь удержать меня подальше от Коди.

* СССР

У меня начал повторяться сон, в котором я в какой-то шахте, бегу, как мне казалось, спасая свою жизнь, а электрические огни проносятся мимо, сливаясь в неразличимое сплошное пятно. Все это время меня преследовал непонятный неизвестный, несущийся вскачь по окраинам окружающего *ничто*, со звуком механического, щелкающего цоканья, эхом разносящегося по туннелю позади, вслед за мной.

Я пришел к мысли, что моя жизнь устремляется к какой-то важной отметке, неизвестной мне, но напрямую связанной с Коди. Хотя я чувствовал и был уверен, что этот опыт будет скорее всего позитивным, это, на самом деле, не имело большого значения, поскольку у меня была привычка смотреть на свою жизнь как бы со стороны, — и я бы с таким же успехом посмотрел бы как хорошую трагедию, так и драму со счастливым концом.

Пусть только история будет интересной — это все, о чем я бы просил.

В последнее время у Коди часто слетало с языка меланхоличное из *Отступника Камю: *Смерть тоже привлекательна, в тени ее нет бога*. А позже, как-то субботним вечером в баре своего шурина, Коди написал стихотворную строку, проникшую в мои сны:**

СМЕРТЬ —
Мелькающее серебро куда-то мчащих поездов,
как блики на стекле спорткара.

* **Le Renegat ou un esprit confus/Отступник или дух смущения** - рассказ из сборника *L'Exil et le Royaume/Изгнание и царство (1957).*

А меня всегда беспокоило то, что я был пассажиром в машине, за рулем которой всегда же Коди.

Мои волосы после утреннего душа легли необычайно привлекательной волной. У меня было отличное настроение. Я прекрасно выглядел. Но все были заняты — Коди работой, Флиппинг и Кристиан репетициями, Фредди с каким-то неизвестным мне другом. По субботам, таким как эта, я мог прокатиться и на автобусе.
Иногда развлекая себя как всякими играми, в которые играл с ресницами и солнцем, так и представлениями в виде мысленных вариантов моих предубеждений, формируя для себя возможные причины, переходящие в возможные же результаты.
Иногда в автобусе возникали безмолвные взаимодействия и с другими пассажирами. Крайне ворчливая пара сочеталась с неисправимо очаровательной маленькой девочкой. Мать ее, по-видимому, торопилась, чтобы успеть на автобус. Пока они шли по проходу, я услышал, как она сказала мужу:
- Дай мне таблетку аспирина и дай перевести дух!
Я постараюсь найти кого-то, кто отправит тебе вагон смерти.
Муж передал ей аспирин. Я наблюдал за маленькой девочкой, чье счастье, казалось, раздражало ее родителей. Они предприняли тщетные попытки угрозами расстроить ее, а когда это не сработало, дали подзатыльник.

Малышка, подумал я, если бы ты могла знать, что они тебе готовят, ты бы сбежала с криком.
Мне вспомнилась история, которую рассказывала мама, о первых днях после того, как чернокожим больше не нужно было находиться при поездке в конце автобуса. Примерно через три года после отмены того закона о сегрегации мама ждала автобус на остановке с чернокожей однокурсницей. Когда приехал автобус, мама села в начале, но ее подруга сказала, что лучше пойдет назад.
- Тебя не могут заставить сидеть там, — сказала ей мама. Ее подруга продолжала настаивать:
- Знаю, дорогая, но так я чувствую себя в большей безопасности.
Я обычно и сам ездил всегда сзади, так как там было веселее и немного напоминало американские горки. Я заметил, что молодые чернокожие парни все еще предпочитали находиться там, но больше для уединения, как полагал. Я услышал что-то вроде "надо противопоставить обе стороны середине", но не понял, что это значит.
Однажды я неожиданно наткнулся на Роберта, того Роберта, который с Вэл был на вечеринке у Сары. Он шел по проходу в автобусе, заметил меня и сел рядом, назвав меня по имени, а затем и своё, прежде чем обнаружилось бы, что я забыл его, избавляя нас обоих от смущения. Он был шумным, но милым. В руках у него было что-то, вроде бы

поэма, которую он, возможно, читал, в ожидании автобуса. Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что это написано Вэл о ее кошке. Роберт заметил мое внимание и спросил, не хочу ли я прочитать. Я ответил, что от стихотворений о кошках у меня случится астма, что и вправду было лишь наполовину шуткой, но все равно прочитал.

- О, эти маленькие лапки с крошечными коготками, — прочел я, чувствуя, как подступает спазм к моим бронхам.

Вот такими и были, большей частью, субботы в автобусах, - путешествия по дорогам, не пересекающимся с моими планами. Это были дни, когда мне хотелось умереть больше всего.

Другие субботы я неизменно проводил с Коди, когда у него был перерыв в работе, делая что угодно. Однажды субботним утром мы поехали к озеру Грирс-Ферри*, довольно красивому искусственному водохранилищу к северу от Литл-Рока, в предгорьях Озарка. Там, в одной из частей озера, возвышался высокий холм.**

Мы с Коди собирались переправиться к тому холмистому острову на рыбацкой лодке его отца, которую и взяли для этой цели.

* **Greers Ferry Lake** - образовано плотиной Грирс-Ферри на реке Литл-Ред. Расположено примерно в 60 милях к северу от Литл-Рока. Плотина построена в 1959-1963гг. с целью предотвращения наводнений.

** **Ozarks** - крупное известняковое плато в центральной части США. Особый культурно-исторический регион и рекреационно-туристическая область страны. Большей частью *Озарк* расположен в штате Миссури, меньшие по размеру участки распространяются на северную часть штата Арканзас, северо-восток штата Оклахома и крайний юго-восток штата Канзас.

Коди молчал по дороге, но было еще рано, и магнитофон в машине занимал нас музыкой, поэтому я не особо задумывался об этом. Но как только мы оказались на острове, я начал замечать, что он в странном настроении. Под ледяным фасадом чувствовалось подавляющее напряжение. Это было трудно понять, но я никогда не разбирался в гляциологии*. Он начал разговор с анекдота о *Rolling Stones*:**

- Троцкий, я вспоминаю что-то из какого-то обзора очередного альбома *Stones*, в которой говорилось, что они не только изжили себя, но и пережили и это тоже...

Он замолчал и одновременно отошел. Сел, вглядываясь куда-то в воду. Я сорвал травинку, мне нужно было что-то, занять руки. Посмотрел на Коди, затем проследил за его взглядом по воде.

- Что в твоей жизни такого уж бесполезного? — спросил я.

День был далеко не теплый. Ожидая его ответа, я заметил, что белый пар дыхания срывается с таких кораллово-красных губ Коди.

- Я просто не хочу жить так, как живут другие, — сказал он, поднимаясь.

- Так и не надо.

- Но в том-то и дело! Я не знаю, *как* именно хочу жить. Не могу придумать ни одной чертовой вещи, которая бы меня настолько

* наука о природных льдах во всех их разновидностях.

** культовая британская рок-группа. Основана в 1962г. Фронтмен - Мик Джаггер. Новый альбом *Hackney Diamonds* вышел в этом, 2024 году.

интересовала, чтобы на ней строить всю жизнь.
Я пытался было что-то ответить на это, но ничего не выходило.
- Кроме того, иногда мне кажется, что смерть интереснее. Я хочу знать, что будет дальше.
- Это просто исследователь говорит в тебе, — ответил я ему. - А как насчет исследования жизни? Что случилось с твоим страстным желанием увидеть полярную тундру?
- Обязательно запоминать все, что я говорю?
- Ты бы предпочел, чтобы я этого не делал?
Коди молчал с минуту, затем с улыбкой сказал:
- Это действительно тяжело, Троцкий. Это действительно так.
Я спросил, это он о своей жизни?
- Нет, — ответил он, — я о том, чтобы быть твоим другом.
Мы молча шли вдоль кромки воды, пока не оказалось, что мы обошли почти половину острова, если считать от того места, где оставили лодку.
- Ты ведь не уделяешь этой теме смерти какого-то серьезного внимания, не так ли? — спросил я, стараясь, чтобы в голосе явно не прозвучали мои опасения.
- Ну, иногда мне это становится любопытно.
- Но ты все равно умрешь, так что к чему спешка?
- Я просто подумал, что не хочу ждать, пока стану слишком старым, чтобы считать ее избавлением.

Неплохая возможность посмеяться, но я смог выдавить из себя лишь один смешок.
- Если не наслаждаешься жизнью, почему хочешь продолжать жить? — спросил Коди.
- Думаю, большинство людей наслаждаются своей жизнью. И полагаю, ты тоже.
- А ты?
Я опять начал движение, чтобы избежать его взгляда.
- Думаю, мне больше всего нравится, когда я с тобой, — ответил я. Коди не ответил, но через мгновение я почувствовал его руку на своем плече.
- Знаешь, — сказал он, — иногда я думаю о людях Чада или Эфиопии и чувствую боль за них. Но эта боль, которую чувствую, не делает меня счастливым. Нет ничего сравнимого со счастьем, по крайней мере для меня. Я либо счастлив, либо нет, но я никогда не чувствую себя *сравнительно* счастливым.
Он остановился и развернул меня лицом к себе:
- В моих словах есть какой-то смысл?
Я достал из бумажника небольшой квадратный листок бумаги и отдал его Коди.
- *Будь отважным*, — прочитал он вслух, — *ибо в жизни есть божественный смысл*.
Коди вернул мне листок.
- Откуда это?
- Это был последний день в Линкольне. Мы сидели с двумя парнями, которых я знал по школе, и я обнаружил это маленькое послание, - ярлычок чайного пакета в моей

чашке.
- Я не знал, что ты любитель горячего чая.
- Не так уж и часто — это был китайский ресторан. Но послушай, Коди, ты упускаешь суть.
- В чем же?
Он убрал руку с моего плеча.
- В том, что, как видишь, это маленькое послание все еще у меня.
Коди подозрительно посмотрел на меня, затем запустил камешек по воде озера. Мы постояли некоторое время, наблюдая за кругами на воде, пока Коди не сказал:
- Жаль, что твой чайный пакетик не раскрывает подробности.
У меня не было мыслей насчет какого-то ответа, поэтому я промолчал.
- Помнишь ту ночь в Волшебном Театре? — спросил я. Коди кивнул. - Тогда ты должен понимать, насколько отличается то, что ты мне сейчас говорил, от того, что ты сказал тогда. Той ночью ты был полон жизни, у тебя было много объяснений для нее — бодхисаттвы, старые души, нирвана — я же помню практически каждое слово, которое ты сказал. И был сон. Да и сейчас. Но ты стоишь здесь и говоришь мне, что хочешь надгробный камень с надписью: «ТРАНСЛЯЦИЯ ПРЕКРАЩЕНА. Пожалуйста, не меняйте настройки».
Коди невольно улыбнулся.
- Я помню, Троцкий — и я действительно верю в эти вещи. Просто я иногда так устаю и выматываюсь, вот мне и хочется проверить

свои теории, посмотреть, изменятся ли границы сознания, когда разум покинет тело. Ты никогда об этом не думал?
- Да. Но некуда торопиться.
Да, я думал об этом. Интересно, не забыл ли Коди о том, что я рассказывал ему о своей совсем неслучайной передозировке.
Это было совсем не похоже на кошмар. Это была вершина того мужества, к которому я стремился. Конечно, это было время депрессии, но это было также время, когда я думал о жизни больше, чем в любой другой период, время новых впечатлений, время острого любопытства и даже, да, мести. Иногда становишься слишком одиноким, и это может случиться, даже если у тебя отличные родители, прекрасные друзья. Иногда ты не готов на усилия. Иногда хочешь двигаться дальше, надеясь на что-то лучшее. Поэтому ты говоришь Богам: «Я не должен принимать это», и ты глотаешь по крайней мере восемьдесят штук, затем позволяешь оцепенению охватить тебя. Но это оцепенение, смешанное с возбуждением, о, и какой сон, героин все-таки. Но всегда есть незавершенные дела, беспокоящие вопросы, а также страх. Оружие, возможно, работает лучше, но не можешь позволить объекту, который презираешь, убить тебя. В любом случае чувствуешь, что скоро все будет в порядке. Пусть лишь сон придет побыстрее. Пожалуйста.
Я не могу описать чувство разделения разума и тела, которое испытал, настолько сильное,

что казалось стыдно, что люди не могут жить так, с этими ощущениями постоянно. Я начал дрейфовать в череде мыслей, задаваясь вопросом, попутно, какая из них станет последней. Наркотики наконец сделали свое дело, позволив мне пересечь все это, страх больше не довлел надо мной. И вот вопрос, закончатся ли мысли просто или изменятся с осознанных на бессознательные, а затем во что-то еще. Единственная мысль, здравая и вполне трезвая даже в этом состоянии, была мыслью о семье: маме и Фредди. Я знал, что делаю с ними что-то ужасное, и с чувством вины было невозможно справиться, оно прорывалось и через четыреста миллиграммов чего угодно. Я лежал там, ожидая, как всегда чего-то, что произойдет... слушая, так сказать, английскую группу The Cure. По какой-то странной причине я не умер. Но и проснуться тоже не мог, и это напугало Фредди, он позвал на помощь.*

Коди начал бросать камешки по поверхности озера. Сильный ветер с воды, усложнял эту, казалось, простую задачу.

- Мне так чертовски надоело работать на этой заправке! — сказал он, выпрямляясь во весь рост. - В прошлом году это был магазин автозапчастей, в этом — станция. Я даже машины не люблю! Почему я должен следить за их состоянием?

- Ну, ты определенно продвигаешься *в этом* мире, не так ли? — сказал я, надеясь вызвать улыбку. Это почти сработало.

* альтернативный рок. Основана в 1978г. Существует по настоящее время.

Коди быстро бросил взгляд в мою сторону, но так же быстро снова перевел его на воду.
- Если бы это все не внушало такую нервозность. И мне всегда это нравилось в марихуане, — она расслабляла, делала менее напряженным. Но теперь и она не помогает.
- Моя мама говорит мне, что старение — лучший депрессант.
На этот раз Коди даже криво улыбнулся:
- У каждого должна быть такая мама, как твоя, — сказал он.
- Это очень помогает, — должен был признать я. Ведь недавно встречался с родителями Коди и совсем не был впечатлен. Понятно, почему они ему не нравились, поскольку они были, пожалуй, самой неприятной парой среднего возраста, которую я когда-либо встречал. Удивительно, как парень вроде Коди мог выйти из такой жуткой семьи. Но его старший брат был еще хуже. Не обладая ни одной из привлекательных черт Коди и еще меньше его обаянием, Кенни, казалось, жил так, словно был королем, а все остальное человечество существовало лишь для того, чтобы угождать ему. Эгоцентризм его был заметен во всем их доме; когда я впервые ступил туда, моим первым же вопросом стало: «Кто такой Кенни?» Поскольку я видел кофейные кружки Кенни, полотенца Кенни в ванной, пластиковые этикетки с надписью "Кенни", "Коди", наклеенные на различные предметы в доме — даже на некоторые книги семейной книжной полки. К тому времени, как мы познакомились, я уже ненавидел Кенни, а

при личной встрече стало только хуже. Его и на самом деле *звали* Кенни, — не Кеннет или Кен. Я не мог себе представить, чтобы кто-то назвал своих детей Кенни или Вашингтон Дэймон, если только не пытаясь заставить первого идти в шоу-бизнес*, а второго — делать полезные продукты из арахиса.**
И помню свое удивление, увидев комнату Коди в первый раз. Хотя здесь было безупречно чисто, но полностью отсутствовали какие-либо декоративные, так сказать, предметы, за исключением единственного плаката президентской кампании 1980 года со слоганом «Переизберем президента Картера». В остальном, комната была скромной и невзрачной ячейкой студенческого общежития до заселения сюда студентов.

Коди снова схватил меня за шею и пошел вдоль берега. Я заметил, что в последнее время он позволял себе все больше и больше проявлять тактильную активность по отношению ко мне. За последние несколько дней я мог вспомнить один случай, когда он добродушно ухватил меня за щеку, и другой, когда подкрался сзади, обнял меня и сжал до "выхода жизненного света" ("жизненный свет", - это я перенял от мамы — не знаю, что это значит буквально, но мне

* имя Kenny/Кенни очень распространено среди американских актеров кино и театра, а также поп-исполнителей. По настоящее время в том числе.
** здесь подразумевается первый выдающийся чернокожий американский ученый-агроном Джордж Вашингтон Карвер (1864-1943), родившийся еще в рабстве в г. Даймонд-Гроув, шт. Миссури, занимавшийся как проблемами истощения почв, предлагая фермерам занимать таковые посадкой арахиса, так и популяризацией продуктов из арахиса, разрабатывая новые.

определенно нравится, как оно звучит), и вот сейчас он обнял меня за шею, прогуливаясь берегом нашего горного острова на виду у нескольких, но на серьезном отдалении, рыбаков. Для меня его физическое присутствие было пьянящим. Я никогда ничего не хотел так сильно в своей жизни, как именно его, хотел протянуть руку, схватить его, поцеловать, утащить в высокую траву и целоваться часами. Но не давал ни малейшего намека относительно этих желаний, потому что не был уверен, что они - общие, совсем не был уверен, что тепло, исходящее от Коди, было порождением того же огня, который заставлял меня сгорать от страсти, в этой лихорадке желаний. Временами я чувствовал себя виноватым за то, что не был полностью удовлетворен тем, что Коди просто мой друг.

Когда мы вернулись в город тем вечером, то обнаружили мою маму, расположившуюся на полу в гостиной, с миской чипсов и горячим сырным соусом рядом, читающую, как ни странно, *Чуму Камю. Я помнил, что она читала роман несколько раз, но не припоминал, чтобы читала что-либо вообще из Камю за последние несколько лет. Поскольку он в последнее время много читал Камю, Коди решил, что это чудесное совпадение.**

Я же пошел на кухню, чтобы приготовить нам апельсиновый сок, поэтому пропустил первую часть их разговора.

Когда я вернулся, Коди говорил:

* **The Plague** (1947) - роман Камю о борьбе с эпидемией в Алжире.

- Этим заявлением, где Камю считает, что самоубийство является единственным истинным философским вопросом, более всего книга запомнилась мне. Я убежден, что он очень даже прав, не так ли?

Мама ответила с некоторой интонацией лектора, очевидной в ее словах, будто, возможно, на своих занятиях и, конечно, в ее собственном представлении, она уже излагала эти моменты раньше:

- Это *важный* вопрос. Когда вы сталкиваетесь лицом к лицу с тем, что Камю называет «абсурдностью мира», тогда следует решить, хотите ли вы с этим мириться или нет. Но если решил жить, то следует и решить, как именно.

Коди посмотрел на нее с тем же выражением, которое всегда было заметно, если он живо интересовался чем-то, что сказал я. Он продолжил ее мысли:

- Но как только вы осознаете абсурдность вселенной, ее безразличие к человеку, тогда вы можете взять на себя обязательство, придать своей жизни смысл, — по крайней мере, в границах этого обязательства как цели. Я помню, прочитал у Камю, что единственный способ быть свободным — это освободиться от других, особенно от институтов и идеологий общества.

Я присоединился к разговору.

- Но в этом романе также, кажется, говорится, что лучше страдать от чумы — то есть быть в обществе — чем изолированным. Так как же освободиться от других, не

оказавшись в изоляции?
- Отличный вопрос, — поддержала меня мама.
- Кто-нибудь из вас когда-нибудь слышал о Джоне Стюарте Милле?
Мы лишь махнули головами.
- Он был английским философом, а также экономистом, так что я о нем знаю. Считается, что у него был самый высокий I.Q. за всю историю.
- Это довольно громкое заявление.
- Да, знаю, — ответила мама, улыбаясь. Но именно так о нем и говорят. В любом случае, он считал, что целью любого общества должно быть обеспечение наибольшего счастья для наибольшего же количества людей.
- Марксизм в двух словах.
- В каком-то смысле, да. В частности, это утилитаризм. Но именно идеи Камю в области социальной теории впервые и привлекли меня к работам Милля. Камю был марксистом с точки зрения совести, и это то, где она приносит наибольшую пользу, на мой взгляд. Маркс же говорил: «Пока все люди не будут свободны, свободным не будет никто. Камю считал, что цели должны быть очерчены относительно освобождения других, на осознание ими абсурдности мира, чтобы осознавшие это могли также участвовать в реализации целей по улучшению мира. Освобождающий должен окунуться в чуму, чтобы освободить пленников, но в целом следует работать с тем, что любите, с тем, во что можете верить и к чему стремитесь со страстью.

- Но это все еще не отвечает на мой вопрос, — я настаивал. - Как освободиться от других, не становясь изоляционистом?
- Ну, освобождаешься от влияния и ожиданий других, общества, но при этом остаешься, физически, частью этого общества, чтобы инициировать изменения в нем, освобождая других. Это два разных шага.
Коди ухмыльнулся, затем переключился на меня:
- Это та же концепция бодхисаттвы, только на менее духовном уровне.
Я думал о том же.
- Ну, я пойду спать, — объявила мама. - Спокойной ночи, Коди. Троцкий.
- Спокойной ночи.
- Спокойной ночи, мамочка.
Мы с Коди решили продолжить разговор в моей комнате, где можно и музыку послушать.
- Ты в детстве когда-нибудь ходил в церковь? — спросил я Коди.
- Конечно. Все время. Это была церковь Собраний Божьих*, и я никогда не забуду там проповедника. Он был очень невысоким, но у него был такой громкий голос, и он зачитывал строки из Библии короля Иакова, особо выделяя слова, приведенные курсивом. Тебе стоит взять Библию и попробовать как-нибудь сделать также. Это весело.**

* **Assembly of God Church** - Христианская пятидесятническая церковь. Представлена в 213 странах и территориях и объединяет более 67 миллионов верующих. Не имеет единого центра; каждый национальный союз имеет широкую автономию и собственное управление. Основана в 1914г.
** перевод Библии на английский язык, выполненный под патронажем короля Англии Якова I. Издана в 1611г.

- Ты когда-нибудь задумывался, есть ли Бог на самом деле? — спросил я в ответ, вспоминая ужасающий сон, недавно потрясший меня.
- Почему ты спрашиваешь?
- Просто иногда задаюсь этим вопросом, вот и все.
- Ну, если есть, он, должно быть, кровавый садист.
- Либо это, либо бессилен.
- Я ни во что не верю, если хочешь знать правду.
- Агностик, да?
- Да.
- Неведомое непознаваемо. Мне это кажется разумным тоже.
- Так как же ты проживешь, ну, скажем, семьдесят лет, если веришь в это?
- День за днем, я так думаю.
- А смысл?
- Разве это не *второй* философский вопрос Камю?
- Насколько мне известно, у него был только один.
- Как думаешь, есть ли польза от молитвы или медитации?
- Ну, мышление может быть хорошим или плохим, и это все молитва или медитация, не так ли? Просто размышление о том, чего ты хочешь, какие ошибки ты совершил, о вещах, которые сделал, которые как-то беспокоят совесть. Я бы предположил, что ты на самом деле просишь как бы прощения у себя же, не так ли?

- Не знаю.
- Именно так. Идеальный ответ агностика. Полагаю, нам придется притвориться, что мы таким образом *испросили* наше знакомство друг с другом? Мы медитировали с целью увидеть параллельные сны? Нет, это же просто происходит. Кажется, в духовном мире нет никакого плана — по крайней мере, ничего, в чем ты уверен.
- Может быть, это действительно предопределено.
- Может быть, мы никогда не узнаем.

Когда Коди ушел, я стоял на крыльце, наблюдая, как его машина исчезает из вида. Иногда мне хотелось, чтобы машины все еще делали с подножками. Было бы так весело, чтобы кто-то, кого ты любишь, выезжал на дорогу, а ты запрыгивал на подножку и улыбался ему полквартала.
Я задавался вопросом, будет ли Коди когда-нибудь снова ночью со мной. Хотя он не сделал этого снова, кроме того первого раза, я и не собирался беспокоиться об этом; наша дружба была достаточно крепкой, чтобы постоянно подогревать мой интерес. Пусть Коди не чувствовал себя комфортно в постели со мной, но, по крайней мере, это не помешало нам стать лучшими друзьями. Где-то около полуночи Фредди вернулся с ночной прогулки на велосипеде, потный и возбужденный. Я знал, что он завел несколько друзей по соседству, но не особо стремился увидеть, кто они. Наблюдая, как

он присосался к шестнадцатиунцевой* бутылке колы, я хотел бы вновь пережить те, такие физически активные дни, которые он проходит сейчас... дни, которые я, должно быть, перерос и не заметил. Я помню, как катался на своем велике по улицам и полям вокруг нашего дома. Повсюду были тропы с приятными гребнями возвышенностей, которые можно было пересечь, и неглубокими руслами ручьев, которые можно было исследовать. Я любил проехать на заднем колесе, делать заносы, вечно ездить без рук и иногда получать травмы, пытаясь сделать невозможное. Можно было представлять себя кем угодно, как угодно.

Фредди рассказывал мне о каком-то пустующем доме в нескольких кварталах отсюда, который он и его друг по имени Марк осмотрели. Там было много пластиковых пакетов и туб с клеевой смесью, что, конечно, меня не удивило. Я спросил, знает ли он, что это такое, и он ответил, да, знает, поэтому я предупредил его, чтобы он там не особо задерживался, потому что люди сходят с ума, когда нюхают клей, и он может легко оказаться в опасной ситуации, если наткнется на них в неподходящее время. Я не знал, последует ли Фредди моему совету или нет, но знал, что он не глупый. Повода беспокоиться в прошлом он мне не давал, поэтому я не собирался начинать и сейчас. Фредди устроился перед телевизором, - смотреть научно-фантастический фильм,

* 480 мл.

знакомый мне с детства, в те дни, когда я изо всех сил старался не уснуть из-за "Чиллера"*, субботнего вечернего сериала, который начинался в десять тридцать. Трудно поверить, что когда-то я не мог продержаться, чтобы не уснуть, до полуночи, но я-то помнил, что так оно и было.

Оставив Фредди смотреть телевизор и удалившись в свою комнату, я включил музыку на небольшой громкости, просматривая всякие, недавно купленные, журналы. Позже, когда уже лёг было спать и не заснул, то собирался снова включить свет, - почитать ещё, мне показалось, что я слышу какой-то слабый шум из комнаты Фредди. В неуверенности, действительно ли что-то вообще слышалось, я решил встать и проверить.

Я открыл дверь комнаты Фредди и услышал, как он развернулся лицом к стене. Было слишком темно, чтобы видеть что-либо, кроме неясных очертаний смутных фигур, поэтому я стоял у двери и ждал. Затем услышал тихий, детский всхлип, поэтому осторожно пробрался через анархию разбросанных предметов на полу комнаты Фредди и сел на краю кровати.

- Что случилось? — спросил я, положив руку ему на плечо.

- Ничего, — сказал он сквозь слезы, и вздрогнул словно от холода. Мне вспомнилась строка из *Сиддхартхы*: *«Он внутренне содрогнулся, как маленький зверёк, как*

* Chiller - досл. "Ужастик"

***птица или заяц, когда понял, насколько одинок*».**

- Давай, расскажи мне, в чем дело.

Наступило долгое молчание, как я и ожидал. Фредди было трудно выражать свои чувства в словах, поэтому я знал, что даже если он и захочет рассказать мне о беспокоящем его, пройдет некоторое время, прежде чем сможет это сделать.

Через некоторое время он сказал:

- Иногда я просто лежу и чувствую страх, не знаю, почему.

Если бы он только знал, как это и ко мне относится! Я вспомнил ночи, когда и я сам лежал так вот в постели, охваченный каким-то неведомым ужасом. Часто эти приступы случались, когда в моей жизни было что-то травмирующее, например, в ту ночь перед моим первым днем в новой школе. Но травма не обязательно предшествовала ужасу, а иногда он возникал и без какого-либо внешнего воздействия. Я несколько раз прокручивал в уме слова Фредди: "Иногда я просто чувствую страх, и не знаю, почему".

- С каждым бывает, — сказал я ему, пытаясь успокоить, зная, что он, скорее всего, примет это, как и всегда, но также осознавая тот приближающийся день, когда доверие Фредди будет исчерпано, потому что не являюсь непогрешимым богом, которым всегда считался. Я задавался вопросом, а правда ли то, что я ему говорю. Все *ли* испытывали этот ужас в какой-то момент своей жизни? Мне не казалось, что у меня

достаточно данных о жизни, чтобы понимать, сильно ли отклоняются мои чувства и опыт моей же семьи от американских норм. Что-то подсказывало мне, что, скорее всего, да, и что, возможно, я должен быть благодарен им за это, но на данный момент я был готов предложить, все-таки нет, если это даст Фредди некоторое спокойствие. Я не знал, что еще ему сказать.

Когда Фредди повернулся ко мне, я увидел, что лицо его все мокрое. Должно быть, он плакал навзрыд. Я протянул руку и стер предательскую влажность, чувствуя себя таким защитником, каким и хотел бы, и по отношению к себе и к Фредди, ровно так для нас обоих, как тоже всегда желал. Этот мальчик, мой младший брат, значил для меня больше, чем моя жизнь. Я не был уверен, что когда-либо говорил Фредди, что люблю его, поскольку то, что я чувствовал, было намного сильнее слов. Все, что я мог бы ему сказать, прозвучало бы святотатством. Он лежал на спине, глядя на меня, пока я вытирал ему слезы. Затем откинул волосы со лба и улыбнулся ему, надеясь, что он сделает то же самое в ответ. Это сработало как по волшебству.

- Знаешь, — сказал Фредди, явно подыскивая слова, — иногда мне кажется, что ты мой отец. Я учусь, наблюдая за тобой, и это помогает. Потом иногда удивляюсь, как ты справляешься без кого-то старше тебя в похожих случаях. Так здорово, что ты и есть самый старший для меня.

Он никогда раньше не говорил мне ничего подобного, и непонятно, почему он говорит это сейчас. В любом случае, я подумал, что сказано это исключительно искренне, и постарался ответить ему тем же.
- Конечно, ты можешь учиться чему-то, выбирая свой путь. Просто осматриваешься и наблюдаешь, что происходит, а затем подбираешь то, что реально тебе подходит. Если тебе нужно что-то узнать, ты можешь спросить кого-нибудь или попытаться найти ответ в книгах. Но иногда проще иметь отца. Мастурбация, конечно, вначале может травмировать.
- Да, спасибо, что предупредил меня об этом.
- Без проблем.
Фредди молчал несколько минут, и я почти догадывался, о чем он думал. Наконец, он спросил:
- Ты когда-нибудь делал это с кем-нибудь, Троцкий?
На этот вопрос было нелегко ответить, и от моего внимания не ускользнуло, что он использовал "с кем-нибудь", а не "с девушкой". Мне было интересно, как много он уже подозревал, и также интересно, собирается ли он тоже последовать за мной по этому пути. Я искренне надеялся, что он этого не сделает, хотя не был уверен, почему.
Может быть, я просто чувствовал, что наша мать заслуживает внуков хотя бы одного из нас.

- Я бы предпочел не отвечать на этот вопрос.
- Почему нет?
- Мне просто нравится иметь несколько секретов, которые никто не знает, кроме меня.
- Но я расскажу тебе, когда это сделаю.
- Скажешь, да? - с некоторой язвительностью ответил я.
- Конечно, так и будет. Теперь расскажи мне!
- Поспи немного. Кажется, ты уже чувствуешь себя лучше.
Фредди сдался со вздохом.
- Знаешь, — сказал он, — жизнь действительно меняется после того, как тебе исполняется тринадцать.
- Все становится еще страннее, — я согласился.
Фредди снова перевернулся, широко зевая.
- Спасибо, что зашел, — сказал он. - Поговорить с тобой всегда помогает.
- Никаких проблем, — отозвался я, скорее по отношению к себе самому, чем к нему. - Увидимся утром.

Глава шестая

Живо интересуясь последними теориями и открытиями астрономии, я пошел на лекцию астронома из Техасской обсерватории Макдональда. Он утверждал, что если

телескоп достаточно большой и мощный, чтобы видеть на расстоянии сорока миллиардов световых лет, можно было разместить в космосе, вдали от влияния земной атмосферы, астрономы теоретически могли бы наблюдать зарождение вселенной, которая, по их оценкам, и насчитывает около сорока миллиардов лет.

Я вспомнил древнескандинавский миф о том, что Земля была создана из тела Имира, отца инеистых великанов и соперника богов. Я думал и о человеческих жертвоприношениях, приносимых финикийскому богу Молоху; о ритуалах ацтеков по окончании строительства грандиозного храма-пирамиды в Теночтитлане, когда их вожди и жрецы вскрывали тела, вырывая сердца, двадцати тысяч пленников в умилостивление богов; о шумерских верованиях, что человек был создан из крови чудовищной Тиамат, матери Хаоса. Шумеры постепенно исчезли как народ, едва ли не со своими богами тоже.

Я давно был очарован древними религиями, и часто чувствовал меланхолию, когда откладывал книгу о культах и жертвоприношениях, надеждах и верности некоторых древних, так же уверенных, что знают «истину», как и фундаменталисты сегодня. Эти исследования религии не ограничивалось только забытыми богами, поскольку я постоянно осознавал сверхъестественный элемент в своей собственной жизни. Часто я задавался вопросом, смогу ли когда-нибудь преуспеть в

том, чтобы задействовать любопытную энергию, продуцирующую мои сны, и сделавшую совпадения обычным явлением моей жизни. Коди был в центре всех этих мечтаний и мистицизма, заставляя меня верить, что ответ кроется в какой-то химии между нами, хотя я никогда не мог определить это более точно. Поскольку я не мог положиться ни на что другое, то доверял и старался прислушиваться к собственным интуиции и совести, что привело меня к индивидуалистической, сложившейся исходя из обстоятельств этике, которой я был в принципе доволен. Хотя мои добро и зло относились только ко мне, я чувствовал, что мир мог бы демонстрировать лучшее, если бы моя этика получила универсальное применение.

Целеустремленность же продолжала ускользать от меня. Я не мог себе представить, что умру, как мой отец, ради безликих масс. Интересно, казались ли они ему менее безликими? Конечно, моя мать, казалось, разделяла его убежденность. Однако, уставший от политических споров так же, как и от философских обличений, я не был склонен умирать ни за социал-демократов, ни за логических позитивистов.

Между тем, Арканзас двадцатого века ставил передо мной массу вопросов. Требовалось немало усилий, чтобы вынести школу, толпу на тротуарах, разговоры, когда все вокруг оживленно беседуют об охоте и сезоне охоты на оленей в частности, о машинах и

непременных расистских оскорблениях. Часто мне не хотелось ни с кем разговаривать, но лишь только я начинал уходить в себя, как, казалось, мир обращался с тем большим интересом к моим планам. Я мог понять, когда вопросы исходили от моих ровесников, потому что они искали идеи для своей собственной жизни. Но когда каждый взрослый, который хоть немного знал меня, задавал те же вопросы, уже я задавался вопросом, а не сравнивают ли они карьерные планы относительно своих детей с "мнениями других в этой возрастной группе". Я мог представить, как в их головах крутится что-то вроде того:

- Так вы еще не приняли решение? Ну, наш Тедди планирует изучать бухгалтерский учет. Мы надеялись на что-то вроде права или, может быть, инженерного дела, но, по крайней мере, он решился на что-то, а это больше, чем сделали вы, не так ли?

Если бы не Коди, я бы был несчастен в этом Литл-Роке. Даже в компании Коди редко было чем заняться, чтобы развлечься. Возвратившись домой после той вечерней вылазки с Коди, я смотрел в зеркало в ванной и едва узнавал себя, иногда шокированный невзрачностью своих глаз. Отчасти это было следствием выпивки, отчасти усталости из-за поисков осмысленности в жизни, стремлений, которые в последнее время все больше и больше сосредотачивались на моей любви к Коди.

За какую еще соломинку стоит ухватиться?

Ответь мне, а?

Коди всю свою жизнь прожил в Литл-Роке, и нехотя разучил роль мужчины из Арканзаса. Когда я видел, каков он в этом, то всегда был удивлен. Мысль о том, что он может так легко менять образы, беспокоила меня, но я не думал, что он когда-либо сделает это с целью обмануть меня. Я хотел бы увидеть фотографии, дневники, что-нибудь из прошлого Коди, но его семья не хранила фотографий, даже обычных школьных, и Коди не вел никаких записей: ни дневника, ни альбома, ни любимых игрушек. Коди заботило лишь будущее и настоящее. Коди два года назад, Коди в десять, Коди во втором классе, - все это было так же далеко от него, как повседневность добытчиков фосфатов где-нибудь в Науру*.

Было жутко вот так знать кого-то, кто настолько беспечно относится к своему прошлому, но я решил уважать все наши различия, часто принимая во внимание таковые в нем больше, чем в себе самом. Но не столько это меня беспокоило, сколько собственный особый талант думать обо всем на свете, что уже просто утомляло. Иногда мне хотелось вырвать мозг и немного его поколотить. Я никогда не смогу быть таким сильным, каким мой интеллект подсказывает. В конце концов, какое это имеет значение? Почему всякая обыденность постоянно заставляет меня беспокоиться хотя бы

* **Науру** - государство на одноименном острове в Тихом океане, недалеко от Австралии, основным источником дохода которого был экспорт фосфатов.

минуту? Когда я сталкивался с фанатичными приступами депрессии в детстве, мама часто говорила мне:
- Троцкий, а какое это имеет значение для солнечной системы?
Я возвращался к этому время от времени, и часто это помогало. Но вот в других случаях ничего уже не помогало.

Однажды я пришел домой и обнаружил в нашем доме еще одного блестящего мальчика. Он был на кухне с Фредди, очевидно, участвуя в приготовлении бутербродов с арахисовым маслом. Они оба были вспотевшими, и я мог легко уловить тот неповторимый запах, который исходит от четырнадцатилетних мальчиков, когда они потеют. Я поздоровался с Фредди, затем посмотрел на новенького. Поскольку Фредди не сделал и попытки представить меня, я сказал:
- Меня зовут Троцкий. А тебя?
- Марк, — ответил он. - Я учусь в одном классе с Фредди.
Кажется, больше нечего было сказать, поэтому я промолчал. Никогда не умел вести светскую беседу с друзьями Фредди. Я включил черно-белый телевизор тут же, на кухне, затем разложил несколько своих книг на другом конце стола, думая разобраться с домашним заданием на случай, если мне захочется заняться чем-то другим позже.
- Ты уверен, что есть не хочешь? — спросил Фредди Марка.
- На самом деле нет. Я просто попью колы и

посмотрю, как ты ешь.
- Ладно, но мои привычки в еде не такие уж и развлекательные.
- Ты можешь удивиться, — сказал я, не отрываясь от книги.
- Очень смешно, Троцкий, — саркастически бросил Фредди.
Пока я был занят книгами, Фредди ел, а Марк наблюдал за ним, снова повисла тишина.
Марк в конце концов нарушил её вопросом, в каком я классе.
- В старших, — сказал я.
- Я уже говорил тебе, — сказал Фредди Марку. Я поднял глаза, увидел, что Марк смотрит на меня, затем снова попытался сосредоточиться на уроках.
- Ты, должно быть, хорошо учишься, — сказал он. Я снова поднял глаза, но ненадолго, улыбнулся ему и пробормотал что-то в том смысле, что, да, пока удается.
- Ну, пошли, — сказал Фредди, схватив Марка и направившись к двери.
- Эй, как насчёт того, чтобы положить это в посудомойку, — сказал я, указывая на грязные стаканы и ножи. Фредди быстро выполнил эту задачу, они ушли.
- Увидимся, — сказал Марк, уже в дверях кухни.
Я выдержал буквально мгновение после того, как дверь закрылась, затем подошел к окну и посмотрел через щель в занавесках.
Фредди и Марк взялись за велосипеды, прыгнули на них, развернулись, нерешительно сделали вокруг друг друга несколько кругов,

а затем помчались по улице. Я пытался анализировать свои чувства, но конце концов резко заключил: «Ни за что, Троцкий, он слишком молод!»
Но Марк, словно вихрь, ворвался в мою жизнь. Вскоре он проводил с Фредди каждый день, и я видел его не только мельком, но постоянно, когда им нужен был кто-то еще, например, чтобы играть в карты или футбол, или чтобы отвезти их куда-нибудь на машине. Я старался максимально помогать им, хорошо помня, как это тяжело — зависеть от других в вопросах каких-нибудь дальних поездок. Мне почти с самого начала показалось, что у Марка был личный и исключительный интерес ко мне, и мне не потребовалось много времени, чтобы догадаться о его природе. Марк, довольно высокий для своего возраста, с густой копной светлых волос, обладал таким размахом плечей, который обычно не часто увидишь у мальчиков, пока им не исполнится шестнадцать или около того. И брови, - густые, особенно для блондина, а глаза - шоколадно-карие. Когда он смеялся, рот, казалось, раскрывался на большую часть лица, создавая впечатление, что Марк - одна широкая улыбка. Голос у него, очевидно, уже некоторое время менялся, поскольку перешел в своего рода низкий и хрипловатый, который я счел странно чувственным и успокаивающим. Что же касается одежды, Марк не особенно отличался от обычного парня-подростка - джинсы, фланелевые рубашки, толстовки, свитера-пуловеры, все в основном синего и

коричневого цветов, хотя в Арканзасе также можно встретить больше, чем обычно, красного. Единственное, что показалось мне необычным в его манере одеваться, было то, что он, казалось, привлекал внимание к себе в телесном смысле. Так как, обычно, его рубашка была расстегнута, по крайней мере, на две трети — и он всегда носил простую серебряную цепочку на шее, своего рода медальон, плотно перехваченный посередине небольшой полоской из кожи. Марк также никогда не носил нижнего белья. Я мог бы этого не заметить, если бы он не предоставлял мне постоянных возможностей для иного. Когда я играл с ними в футбол, например, это было иногда довольно очевидно. Однажды я спросил, не боится ли он, что может пораниться.

Он улыбнулся, будто подтверждая, что понимает, о чем я, но не ответил. В другой раз, когда Марк остался ночевать у Фредди, он ушел в душ, а затем присоединился к нам в гостиной смотреть телевизор. Одетый только в короткие шорты, он расположился между нами, словно вытягивая ноги в мою сторону. Каждый раз, когда он что-то мне говорил, а я смотрел на него, можно было отлично видеть одну из его коротких штанин — и становилось совершенно ясно, что трусов на нем нет. Я заставил себя поверить, что это представление было непреднамеренным. Но Марк постоянно разговаривал со мной, заходил в мою комнату, чтобы посмотреть, что я там делаю, и просто в целом

интересовался моими делами гораздо больше, чем кто-либо из друзей Фредди в прошлом. Он мне очень нравился, я думал, что с ним весело рядом, и должен признать, все это внимание мне льстило.

Мы с Фредди запустили еще одну хоккейную лигу, в которой Марк стал полноправным участником. Коди тоже иногда играл с нами, но недостаточно часто для развития таланта в этой игре в той же степени, что у Фредди и меня. Марк, с другой стороны, быстро вышел на равный с нами уровень, проводя много вечеров, яростно сражаясь с маленькими хоккейными человечками. С самого начала я вел *Монреаль*, а Фредди *Нью-Йорк*, две «гламурные» команды по любым меркам, а остальные четыре менялись владельцев из года в год. Марк проникся симпатией к *Торонто*, и всякий раз, когда две канадские команды начинали сражение, было особенно интересно. Мы избивали друг друга до смерти, пока Фредди вел *Нью-Йорк* к первенству. В то же время как команда Фредди, *Нью-Йорк*, не проиграла ни одной игры, его другая команда, *Детройт*, ни одной не выиграла. Но Фредди всегда был таким.

Все же мои тревоги и беспокойства в жизни были совсем незначительными в присутствии Марка, а сам факт его наличия - желанным стимулом улыбнуться для разнообразия. И я также заметил, что Фредди стал значительно счастливее в эти дни, сейчас, когда Марк стал его самым близким другом.

Как я уже сказал, Марк словно ворвался в

мою жизнь вихрем, и однажды субботним вечером, когда он остался ночевать у Фредди, как делал почти каждую субботу, направление наших отношений стало ясным. Я вернулся после вечера, проведенного с Коди (мы посмотрели дважды взявший награды фильм* Питера Уира, а затем провели пару часов, обсуждая кино где-то на песчаном берегу реки Арканзас), и обнаружил Фредди спящим на полу гостиной, а Марка лежащим на диване, решившего досмотреть какой-то фильм по кабельному. По неясной причине всякое чувство осторожности покинуло меня, и я небрежно подошел к дивану и сел на его боковину, над Марком. На нем были лишь только короткие шорты, как обычно, но он завернулся в одеяло. На мне же было все еще теплое полупальто, немного промокшее от какого-то подобия тумана, повисшего снаружи. Марк тут же расплылся своей заразительной улыбкой и схватил меня за руки, скорее всего, чтобы я его не щекотал. - Холодные, — сказал он, глядя на меня так, словно пытался понять, что я собираюсь делать дальше, прежде чем я это сделаю. Но я просто сидел, притворившись на мгновение, что тоже смотрю фильм, затем медленно сунул одну из своих ледяных рук под одеяло,**

* скорее всего, это фильм Witness/Свидетель (1985), взявший две премии в Японии: Blue Ribbon Awards/Премия *Голубая лента,* присуждаемая кинокритиками и писателями в Токио (учреждена в 1950г.), и Kinema Junpo/Кинема Дзюнпо, награда старейшего киножурнала Японии (основан в 1919г.). В главной роли фильма - Харрисон Форд.

** **Peter Weir** - культовый австралийский режиссер. В РФ известен фильмом Хозяин морей: На краю света (2003), в главной роли - Рассел Кроу.

проводя холодную воображаемую линию от верхней части его груди до пупка. Как я и думал, я начал чувствовать, что у него встает.
То, что произошло дальше, было совершенно невероятным. Под одеялом Марк взял мою руку и провел ей дальше по телу, чтобы положить на свои шорты. Все это время он продолжал смотреть на меня, ухмыляясь.
- Не снимешь пальто? — спросил он, что прозвучало немного более зрело, чем я ожидал.
Я поднялся, чтобы снять пальто, но когда снова хотел сесть туда же, Марк сам принял сидячее положение, откинувшись на спинку дивана. Все еще в одеяле, он протянул мне один его конец, чтобы я мог залезть к нему. Я задумался на минуту, затем снова взглянул на телевизор.
- Ты хочешь смотреть до конца? — спросил я его.
- Да не особо, — ответил он.
Я взвешивал риски — мама у себя в спальне, Фредди спит на полу:
- Ты хочешь пойти в мою комнату?
Он кивнул головой и встал с дивана.
- Мне выключить телевизор? — спросил он.
- Нет, просто оставь включенным.
В моей комнате мы, не теряя времени, забрались в постель. Мне пришлось раздеться, но Марк уже был практически голым. Для четырнадцатилетнего подростка у него было действительно отличное телосложение. К тому же, в его мальчишеской

невинности было что-то определенно возбуждающее — по крайней мере, для меня. Марк не был самым красивым из парней, но он был милым, с ним было весело, и он мне нравился.
- Это первый раз, когда ты так делаешь? — спросил я.
- Нет, — ответил он.
- Часто?
Он кивнул.
- С тех пор, как мне было двенадцать, обычно с парнем, который живет по соседству.
И кто этот парень, подумал я про себя.
- Ред Стэнли. Ты учишься, наверное, с ним в одной школе.
Я не ожидал услышать имя, тем более то, которое слышал раньше.
- Да, я слышал о нем, — сказал я. Правда, хотя я и слышал, лишь потому, что Кристиан и Флиппинг костерили его достаточно часто, но не встречался с этим парнем лично. Я предположил, что, вероятно, все-таки видел его в школе, не зная, кто он. Мир тесен, подумалось мне, как раз когда Марк сказал самую удивительную вещь:
- Рэд, так думаю, ничего, но как только я увидел тебя, понял, что может быть и лучше.
- Спасибо, — ответил я, имея это в виду. - Ты сам не так уж плох.
- Спасибо, — сказал Марк.
Я знал, что он ждет, когда я возьму инициативу и покажу ему, что хочу, но я сам не имел четкого представления о своих

желаниях. Хотя он, возможно, не догадывался, мне представлялось, что у него гораздо больше опыта в таких вещах, чем у меня, даже несмотря на то, что я на три года старше. На самом деле мне хотелось просто целовать его, но из нескольких источников я знал также, что, хотя многие мальчики его возраста не возражали против секса, но более интимная сторона их не интересовала. Я решил все равно его поцеловать, и хотя он, казалось, был удивлен, но не только согласился, а вскоре даже поощрял и взял инициативу на себя.
- Хорошо, что ты не куришь, — сказал он наконец. Я задался вопросом, значит ли это, что Стэнли *курит*. Было не слишком приятно, когда вот так сравнивают с другими во время занятий любовью. Полагаю, это одна из причин, по которой люди находят неопытных в этом смысле такими привлекательными.
Я снова поцеловал его, затем Марк опять завладел лидерством, удивляя меня направлением, в котором двигался. Я целовал его, пока он обхватил меня ногами и крепко прижимал к себе. Вцепился в меня так, как потом и никогда не было, куснул за плечо, за руку, сжимая меня даже до боли, но мне было все равно. Не могу сказать, что я когда-либо был счастливее в своей жизни, чем в последующие несколько минут: этот неожиданный светловолосый мальчик покусывал мне плечо, его руки так сильно обвили мою шею, а я едва сохранял сознание.
После всего мы лежали на спине, голову Марк

положил на сгиб моей руки, и мы оба смотрели в пустоту потолка.
- Так тебе нравится? — спросил его я, заметив удивление моему вопросу.
- Зависит от того, кто. Мне не нравилось, когда Стэнли сначала был очень настойчив со мной, но потом это вошло в привычку. Затем, после небольшой паузы, Марк добавил:
- Но я больше не позволяю Стэнли действовать в таком роде.
- Хорошо, — сказал я ему, поцеловав еще раз. - А где вы это делали? У него дома?
- Нет, недалеко отсюда есть пустующий дом, в который можно легко попасть. Там иногда встречались.
Я сразу вспомнил историю Фредди о том доме и тюбиках клея.
- Вы со Стэнли не нюхаете клей, правда? — спросил я.
- Фредди рассказывал тебе об этом доме?
- Да, он сказал, что ходил туда как-то с тобой — только я тогда не знал, кто ты.
- Да, Стэнли увлекся. И он иногда заставлял меня кайфовать, прежде чем... ну, ты знаешь.
Теперь мне стало противно. Я обнял Марка и заглянул в глаза.
- Пообещай мне кое-что, Марк. Больше не занимайся сексом со Стэнли, ладно? И, что еще важнее, не нюхай клей. Это слишком опасно. Ты пообещаешь мне, что больше не будешь этого делать?
Марк отвернулся.
- Ты мне не отец, ты же знаешь.

- Я и не хочу быть им.
Марк молчал несколько минут. Я видел, как он уставился в потолок.
- Я уже не трахаюсь со Стэнли, так что тебе не о чем беспокоиться. Но мне нравится кайфовать.
Какой позор, подумалось мне. Но я не мог его остановить, хотя при том высказал все, что знал, чтобы отговорить. Однако, меня еще кое-что беспокоило.
- Фредди был как-то замешан в чем-либо из этого?
Марк посмотрел на меня, словно вдруг на врага, и, полагаю, было глупо с моей стороны думать, что он расскажет хоть что-то относительно его лучшего друга.
- Нет, ни в чем, - ответил Марк. - Он ничего не знает о Стэнли, и также не знает, что я пробовал клей. У него был шанс попробовать, но он повел себя так, будто эта идея его шокировала, поэтому я сделал вид, что просто прикалываюсь.
Мы уставились друг на друга.
- Ты веришь мне? — спросил Марк.
- Да, верю.
- Хорошо.

Тот первый раз в постели с Марком — это, пожалуй, самое близкое к садомазохизму, что я когда-либо испытывал. Было легко понять почему, когда я вспомнил об этом позже. У меня не было опыта, чтобы взять инициативу, поэтому Марк взял ее на себя и решил, что он сможет доставить мне наибольшее

удовольствие, позволив мне делать с ним то, что нравится Стэнли. И это сработало, по большей части. Мне это *понравилось*, и если я не был влюблен в Марка до этого, то, конечно, стал после. Но было в этом и то, а именно — боль, если быть точным, — что беспокоило меня. Но, поскольку мои сексуальные опыты с Марком стали довольно постоянными в последующие недели, это постепенно исчезло из наших страстных встреч. Я даже убедил Марка отказаться от клея, но был так же зависим от секса, как и он.

В воскресенье утром мама проснулась в своей спальне, я проснулся в своей, Марк проснулся в спальне Фредди, а Фредди проснулся на ковре в гостиной. Мне не нужно было зеркало, чтобы видеть, какое красное пятно у меня на шее. К счастью, все, кроме Марка, спали той ночью, когда оно появилось, и сейчас воскресенье, так что у меня есть день, чтобы все исчезло, прежде чем мне придется показаться в школе. Однако Фредди что-то уловил. Я не уверен, был ли это взгляд, который я бросил на Марка, или, возможно, Марк ему даже рассказал, — но что бы то ни было, я понял, Фредди, вероятно, понял, что происходит, или, по крайней мере, был на верном пути в этом смысле. Я никогда не был уверен, перешли ли отношения Фредди и Марка границу от дружеских до любовных. Марку, безусловно, было намного проще переспать с Фредди, чем нам с ним найти подходящее время и место для любви.

Но если у них и были какие-то моменты, никто из них не сказал ни слова об этом, а я не хотел их спрашивать. Теперь это всего лишь одна из многих вещей, которые я никогда не узнаю о своем брате и его лучшем друге, и, конечно, не самая важная. Что я действительно хотел бы знать, так это то, кем бы они выросли, как выглядели бы и вели себя, когда им будет восемнадцать... или двадцать пять... или сорок. Интересно, были бы у нас с Марком шансы быть любовниками в том, старом, мире, или мы бы в конечном итоге не преодолели бы расстояние. Я мог бы даже оказаться в тюрьме, поскольку наши занятия любовью были уголовным преступлением по законам Арканзаса, а семнадцатилетних судят как взрослых. Возможно, Марк в конце концов женился бы, завел бы собственных детей и помнил бы меня только как подростковую влюбленность. Вот лишь некоторое из того, что я никогда не узнаю об этих двоих. Но только некоторое.

Глава седьмая

Надвигалось и в основном уже началось то время сезона, когда шум кружащихся на ветру листьев и хлопающих калиток, отчетливо напоминают, что осень скоро перейдет в зиму. Незадолго перед этим стаи черных дроздов суетливо устремляются дальше на юг.

Если знаешь, на что обращать внимание, то эти дни могут стать одними из самых захватывающих в году.
Я сидел на кухне, пил кофе и хотел было читать газету, но отвлекся видом, открывавшимся через раздвижные стеклянные двери, на птиц, пикирующих к земле и взмывающих обратно на деревья, соседскую собаку, которая время от времени бросалась в погоню, траву, разлетавшуюся по двору, как будто гравитация стала какой-то избирательной в этот, самый безмятежный из дней.
Я решил, что осень в Арканзасе мне нравится. Холмы, покрытые густой порослью как хвойных, так и лиственных деревьев, демонстрировали различные пейзажи, особенно красивые осенью, с миллионами листьев, меняющих цвет: береза, вяз, редбад*, кизил, гикори, несколько видов дуба, тополь и кипарис, растущие вдоль берегов ручьев, червонные амбровые*** деревья, не менее красивые красные клены и сумак****. Мне нравилось гулять в наступающих сумерках по лесам и полям возле нашего дома,**

* **Redbud** - Восточный редбад (Cercis canadensis) — небольшое цветущее дерево, произрастающее в Северной Америке. Цветы распускаются весной до появления листвы. Долго сохраняет розовый или фиолетовый цвет.
** **Hickory** - лесные деревья с перисто-сложными листьями и крупными орехами .
*** **Sweet gum trees** - Ликвидамбар смолоносный (Liquidambar styraciflua) — вид растений семейства алтингиевых, листопадное (редко вечнозелёное или полулистопадное) дерево, распространённое в тёплом умеренном климате восточной части Северной Америки. Популярно из-за яркой осенней листвы.
**** **Sumac** - небольшие деревья семейства Anacardiaceae , которые могут достигать высоты от одного до десяти метров.

наслаждаясь закатом, когда поднимался ветер и быстро падала температура, выслушивая настоящие хоры местных куропаток и козодоев, карканье ворон и неизменный лай далеких собак. После первых заморозков, в лесу можно было гулять практически где угодно, не слишком беспокоясь относительно клещей и ягодных клопов. Даже в дождливые дни прогулки были приятными, потому что в воздухе чувствовалось оживление, когда люди стряхивали с себя летнюю вялость, свойственную местным жителям по всему Югу. Наконец, я взялся за газету, пораженный первым же, что бросилось мне в глаза. В правом нижнем углу первой страницы - фотография моей матери с заголовком: «Профессора предупреждают, что следует сокращать комментарии о социализме». Я медленно вчитывался в текст, позволяя каждому предложению несколько раз прокрутиться в голове, прежде чем переходить к следующему.

Г-жа Хелен Троттингем Тейлор, доцент кафедры экономики Университета Арканзаса в Литл-Роке и член партии Демократических социалистов Америки, получила указание от администрации учебного учреждения о прекращении сообщений своим студентам в начале каждого семестра, что она социалистка.
Ректор Нейланд Рашент издал приказ по этому поводу после встречи с другими преподавателями университета в минувшие

выходные. Требования были заявлены после того, как администрация получила несколько жалоб от студентов на высказывания г-жи Тейлор.
Рашент сообщил, что считает практику г-жи Тейлор избыточной и в долгосрочной перспективе вредной для образования:
- В конце концов точка зрения преподавателя так или иначе прозвучит, — отметил он. - Но процесс обучения более открытый, если такая точка зрения не высказывается.
Когда с ней связались в понедельник вечером, г-жа Тейлор не согласилась, заявив:
- Как преподаватель экономической теории, я даю многим студентам первое представление о различных школах экономической мысли. Хотя я стараюсь делать это максимально объективно, но чувствую, что мои взгляды как социалиста могут повлиять на часть информации, которую я передаю. Поэтому считаю важным информировать студентов о моих политических взглядах в начале семестра, чтобы они избегали лишних трат на смену кафедры.
Мисс Тейлор сказала, что не примет решения относительно соблюдения приказа ректора, пока не обсудит ситуацию с юристами Американского союза защиты гражданских свобод и местными представителями Американской ассоциации университетских преподавателей.
Доктор Клайв Элиот, президент отделения Американской ассоциации университетских

преподавателей в Университете Арканзаса, сказал, что встреча, чтобы обсудить ситуацию, состоится во вторник вечером.

Я задался вопросом, почему мне не сказали об этом вчера вечером, а затем вспомнил, что пришел домой уже за полночь и пропустил возможность увидеться с «г-жой Тейлор». С трудом, так как живот опять скрутило, я допивал кофе и пролистывал оставшиеся страницы газеты, дополняя день обычной порцией историй о всяких инцидентах в мире, в ожидании, когда мама выйдет из душа. Наконец, я услышал, как открылась дверь ванной. Я пошел к ней с газетой в руке и, указывая на статью, спросил, как она себя чувствует.

- Злюсь, — сказала она. - Я никогда не думала, что они зайдут так далеко, хотя и должна была это предвидеть, зная Университет Арканзаса.

- Но я думал, что тебе нравится это заведение.

- Мне нравится. Мои студенты — умные ребята, и занятия, как правило, проходят интересно. Администрация тоже не так уж плоха, но они чрезвычайно параноидальны. Как государственное учреждение, они должны быть восприимчивы к мнению окружающего сообщества, которое в данном случае включает в себя и законодательный орган штата. Я понимаю, что была некоторая угроза судебного иска, но в прессе пока ничего не было на этот счет.

- Иск против тебя?
- Я не уверена. Думаю, к Университету, чтобы уволить меня.
- Они могут это сделать? Законно, я имею в виду?
- Я пыталась разобраться, но конституция этого штата — лабиринт чепухи. Единственное правовое основание, которое я смогла найти, был закон, гласящий, что государственным служащим запрещено выступать за насильственное свержение правительства США или вступать в подрывные организации, — там конкретно упоминается Коммунистическая партия или ее филиалы. Так что, полагаю, им придется доказать, что Демократические социалисты являются подрывной организацией, а это не так.
- Разве нет какого-то закона об академической свободе, гарантирующем свободу слова или что-то в этом роде?
- Ну, конечно, есть Билль о правах, но штаты находят способы игнорировать этот ценнейший документ с 1791 года, когда он был даже включен в Конституцию.
Я стоял у двери ванной, наблюдая, как она расчесывает волосы. На ней был темно-синий халат, и она держала несколько серебряных шпилек, которые время от времени прикусывала губами, когда нужны были обе руки.
- Я не думаю, что из этого что-то выйдет. Они не собираются делать из меня мученицу.
Здесь она улыбнулась, а я улыбнулся в ответ.

Я думал о ней большую часть дня. Она ведь не только сама прошла через некоторые сложные ситуации в прошлом, но помогла Фредди и мне справиться с нашими трудностями. И вот теперь новый вызов. В течение следующих нескольких дней, когда брался за газету или включал местные новости, я всякий раз видел что-то о маме. Двадцать три члена законодательного органа Арканзаса угрожали иском, требуя отстранить ее от должности преподавателя. Один вообще сказал, что будет выступать против всяких ассигнований Университету, пока ее не уволят. Письма редакторам *Arkansas Gazette* и *Arkansas Democrat начали появляться ежедневно, и большинство читателей, особенно в *Демократе*, выражали возмущение по поводу того, что деньги налогоплательщиков используются для выплаты зарплат очевидному «красному». В школе совершенно незнакомые люди спрашивали меня, не является ли мисс Тейлор, которая преподает в Университете, моей матерью. Когда я говорил да, они обычно отвечали что-то вроде: "Я так и думал, что она коммунистка". В одном из таких случаев Коди чуть было не вмешался с кулаками, но мне удалось убедить его, что оно того не стоит. Однако Фредди так не повезло, и он вернулся из школы в пятницу днем в порванной одежде и с синяком под глазом.**

* **Арканзасский Демократ** - конкурирующее издание со старейшим *Arkansas Gazette /Арканзасской Газетой*. Основана в 1840-х годах тем же издателем, что и *Газета*. Существует по настоящее время.

Хотя и были голоса поддержки, их, как правило, заглушали все те вопли, желавшие маминой головы. Американский союз защиты гражданских свобод согласился поддерживать ее на сто процентов, и она получила поддержку местного отделения Ассоциации университетских преподавателей, которое объявило этот эпизод «еще одним темным пятном на истории академической свободы в Арканзасе».

Характерно, что мама была больше обеспокоена проблемами для Фредди и меня, чем своими собственными. Тем временем Коди и Флиппинг взяли на себя заботу о ее интересах. Зная довольно много студентов в университете, куда планировали поступать в следующем году, они начали обзванивать их, чтобы организовать группу поддержки в кампусе.

Отдельно Коди сказал мне, что мое участие в этой кампании нежелательно, поскольку меня слишком легко заклеймят как подстрекателя любых потенциальных студенческих выступлений. Он был убежден, что удастся сделать все это "выплеском студенческих эмоций", поскольку считал, что большинство студентов, хотя и сочувствовали маме, были не организованы в протестном смысле.

Первым признаком того, что именно чувствовали студенты, и чего Коди и его друзья смогли добиться всего за неделю, стало появление в кампусе одного из законодателей, который грозился подать иск, - он пришел выразить свою точку зрения по

этому вопросу. Сотни студентов, многие из которых несли плакаты как за, так и против увольнения, заполонили аудиторию, но и еще по меньшей мере сотня осталась снаружи на лужайке. Я сам не присутствовал, но просмотрел исключительно много новостных сообщений из десятичасовых новостей, а чуть позже получил уже настоящий репортаж из первых рук, от Коди. Было много криков и насмешек, но также много внимания и со стороны прессы. На следующий день после этих событий декан экономического факультета сообщил маме, что ее немедленно увольняют. В приведенных причинах не упоминалась ее взгляды, лишь такие сомнительные соображения, как «рейтинг неодобрения в тридцать процентов по оценкам студентов». Означало ли это, что семьдесят процентов студентов проигнорированы? Другой приведенной причиной было «неучастие в развитии факультета», хотя никаких подробностей предоставлено не было.

Слухи об увольнении просочились к студентам где-то около полудня. К двум часам дня уже бушевала массовая демонстрация перед зданием администрации (Коди ничего не сделал для ее организации, он был со мной в спортзале), и в значительной степени символическое студенческое самоуправление Университета собралось на экстренное заседание, чтобы обсудить этот вопрос. Результатом всего этого стали несколько хороших сюжетов для телевизионных съемочных

групп, которые передали часть таковых в свои новостные центры и транслировали по всей стране, но больше ничего. Самоуправление не смогло принять резолюцию в поддержку академической свободы, остановившись вместо этого на референдуме во всем кампусе на следующей неделе, чтобы узнать реакцию студентов. Тем временем Ассоциация университетских преподавателей выступила с заявлением, в котором раскритиковала университет за то, что он не проконсультировался с учебным составом, — особенно, исходя из того, что мнение преподавателей было указано среди причин увольнения. Дополнительная угроза со стороны Ассоциации рассмотреть возможность внесения университета в черный список, вероятно, не произвела никакого впечатления, поскольку незадолго до этого почти четверть университетов страны, находившихся под санкциями Ассоциации, находились в Арканзасе. Так, однажды какой-то преподаватель был уволен из педагогического колледжа штата Арканзас вследствие открытой позиции неприятия сегрегации, употребления алкоголя и «богемной» репутации. А Южный государственный колледж Арканзаса однажды уволил за то, что преподаватель «отправлял негров в церковь, чтобы там и начинать интеграцию».

Наш телефон звонил непрерывно, пока, наконец, уже никто из нас не выдерживал, и мы отключили его. Я помню, как в какой-то

момент тем вечером мама, Фредди, Коди, Марк и я сидели в гостиной на всем доступном пространстве стульев и диванов безмолвно. Марк, который принял на себя обязанность быть защитником Фредди в школе, разделял нашу усталость. Когда мама объявила, что идет спать, все взгляды были устремлены на нее. Было очевидно, что ее любили не только я и Фредди, но и наши двое самых близких друзей. Я гордился ею, гордился Фредди, гордился друзьями. И я был измотан.
Коди остался на ночь со мной, Марк ушел домой. Я едва помню даже смотрел ли я на Коди, когда мы были в постели, хотя он остался со мной впервые с того странного момента, когда мы впервые выбрались куда-то вместе. Помню только, как он взъерошил мне волосы, пока я сидел на краю кровати, снимая носки. Но спал я как убитый и видел всяческие невероятные сны — мы с Фредди играли, пиная пустые банки, в Висконсине, с Марком поднимались на гору в Швейцарии, с Коди мчались вдоль серебристых поездов в полночь на спортивной машине. Коди - за рулем. Когда мы проехали мимо поезда, Коди свернул на переезд, и все, что я мог видеть, был ослепительный свет, а мог слышать, - было лишь чередой каких-то щелчков.

Я знал, что мама читала и один вводный курс по экономике, в большой аудитории, вмещавшей чуть менее девяноста студентов. Я подумал, что если мы с Коди и могли бы

пробраться на *любую* ее лекцию незамеченными, то на ту самую. Поскольку ей разрешалось закончить лишь неделю перед тем, как оставить занятия, мы оба хотели увидеть ее в действии в качестве преподавателя, пока есть такая возможность. Мы ждали до четверга, когда она должна была читать свою последнюю лекцию тому большому вводному классу, затем, пропуская наши собственные занятия, поехали в университет. Здесь возникли некоторые трудности с поиском нужной аудитории, и мы добрались туда, когда лекция уже началась. К счастью, мама стояла спиной к студентам, поэтому удалось занять места в конце, не привлекая ее внимания. Не то чтобы меня особо заботило, увидит она нас или нет, но я думал, что ей было бы легче, если она не будет знать о нашем присутствии. Поскольку было предчувствие, что на этой последней лекции она изложит все имеющееся у нее, и я не хотел, чтобы вышло как-то по-другому из-за нас.

- Класс, как вы, несомненно, слышали, сегодня будет мой последний день в качестве вашего преподавателя, — начала она, выпрямляясь и оглядывая аудиторию. Там были стол и кафедра, за которыми она могла бы стоять, но она вышла на открытое пространство, являя себя одновременно уязвимой, но и не сгибаемой. - Меня обвиняли многие, кто даже никогда не слышал мои лекции, в том, что я внушаю вам, студентам, социалистическую идеологию, а не

излагаю введение в экономическую теорию. Я не чувствую, что мне нужно оправдываться перед вами, поскольку вы слушали курс почти семестр и, следовательно, имеете все данные, необходимые вам, чтобы сформировать собственное мнение по этому вопросу. Однако сегодня я намерена признать себя виновной в том, в чем меня обвиняют. Намерена сообщить вам немногое из идей, лежащих в основе социализма, — который, в конце концов, является, возможно, самым важным разделом экономической теории, развиваемой последние сто пятьдесят лет. И чувствую, что как только вы узнаете о нем больше, вы поймете, почему те, кто находится у власти, считают его таким опасным. И также убеждена, что невежество - их лучший друг.

Я вслушивался в ее голос так же, как и в слова. Он бы не такой, который она использовала со мной обычно, не такой, когда хотела сказать что-то важное, не такой, когда сердилась. Этот - звенел в убежденности, ответственности и страсти. Чувствовалось, что она действительно здесь в своей стихии, хотя она всегда казалась такой же естественной и дома. Я на мгновение задумался, не стало ли для нее разочарованием то, что она не продолжила семейную традицию радикальной политики. Она никогда не подталкивала меня, но не огорчала ли ее, тайно, моя постоянная инертность? Слушать ее сейчас было своеобразным путешествием по нашим семейным

фотоальбомам, где были фото отца во главе протестующих, шествующих улицами Милуоки и Чикаго в самые холодные зимние дни, завернувшихся во все теплое, что смогли найти, что позволило бы им донести свое послание.

- Одним из самых больших препятствий социализму в Америке на протяжении многих лет были ее классовая подвижность в смысле вертикальной мобильности. Нас учили, что любой в Америке может подняться, и мы разработали систему, в которой особое значение уделялось материальным достижениям. Эти новые средние классы присоединились к высшему классу относительно высокомерия к бедным. Они следовали линии высшего класса, требуя, чтобы правительство не вмешивалось в свободное предпринимательство. Они чувствовали свое преимущество относительно испытывающих финансовые трудности. Когда были основаны программы социального обеспечения, высшие классы позаботились о том, чтобы именно средний класс платил за них. Два аспекта стали следствием этого. Во-первых, бедные стали объектом более пристального внимания, и средний, и высший классы смотрели на них свысока. Во-вторых, средний класс, которому приходилось оплачивать программы социального обеспечения, все больше начал опасался увеличения государственных расходов. Их гнев сосредоточился на правительстве, заглядывающем в их кошельки,

и на бедных, которым они вынуждены были помогать против своей воли. Чего они, похоже, не осознавали, так это того, что большая часть этого огромного налогового бремени шла на армию. Сумма, тратившаяся на важные социальные программы, была ничтожной по сравнению с этим.

Однажды мне приснилось, что мне шестьдесят, — я живу один. Мне не нужно было беспокоиться о том, чтобы говорить кому-то, когда я прихожу или ухожу. Всегда знаю, что в холодильнике - молоко. Никто не потревожит меня, когда я захочу спать. Коди появился в этом сне лишь ненадолго, со своей женой, чтобы пригласить меня на ужин в честь Дня благодарения.
И когда я сплю, мне хочется сразу испариться и вознестись в пространство, сбежать и ничего не чувствовать, блаженствовать в пустоте, просто лишь только на одну жизнь, чтобы ничего не чувствовать, вообще ничего.
Некоторые из нас не чувствуют наслаждение жизнью. Некоторые из нас не вписываются в общество, нигде не чувствуют себя комфортно, не любят дни скидок и распродаж, не желают ничего покупать.
Если бы Коди был моим любовником, был бы я счастлив, спрашиваю я себя. Но никогда не отвечаю, только спрашиваю, а Коди тоже никогда не отвечает, - он не слышит меня.
Жизнь так чертовски печальна, что действительно какой-то позор, что кто-то

придумал это все, но не сказал нам зачем. Какая жестокость. Проживать жизнь в постоянном поиске смысла в мире, где нет Вебстера*.
Достаточно сложно предвидеть работу по сорок часов в неделю и возвращение домой измотанными, но все же иметь способность это обдумывать, — вполне понимая и осознавая, насколько безнадежен результат. Какой, черт возьми, смысл в мозге, который в данном случае скорее властелин, чем помощник?

- Единственный способ сохранить наши природные ресурсы, сберечь воду пригодной для питья и воздух пригодным для дыхания, — это жесткое государственное регулирование промышленности относительно предотвращения загрязнений. Мы больше не можем позволить корпорациям опустошать окружающую нас среду в их безумном стремлении извлечь все большую прибыль. Природными ресурсами следует управлять аккуратно, если мы хотим сохранить их в следующем столетии. Американские компании систематически несут ответственность за эксплуатацию людей и ресурсов других стран. Использование и злоупотребления по отношению к американским рабочим со стороны корпораций становятся менее заметными, поскольку американские рабочие не подвергаются такому жестокому обращению, как иностранные, работающие на

* **Webster's Dictionary** - американский толковый словарь английского языка, созданный Ноем Вэбстером в первой половине XIX века.

американский или европейский капитал. Я наблюдала, как промышленность этой страны перемещается с севера на юг, потому что рабочие менее организованы на Юге, их легче использовать в своих интересах. Теперь мы видим, как те же компании перемещают свои заводы в Гватемалу и Малайзию, где рабочим платят лишь ровно столько, чтобы выживать.

Настоящее опустошение. Я, конечно, чувствовал это в себе, и, рассматривая сейчас свою маму, мог видеть это в каждой черте ее лица. Так думаю, на ее лице и запечатлена картина опустошения. Ее глаза полны страсти по отношению к предмету, но все остальное в ней кричит об упадке сил, делая ее движения замедленными и просто слабыми. Она глубоко переживает, но даже ее настойчивость растворяется в усталости. В ней есть что-то почти идеальное. И я изучаю это. Своего рода пейзаж какого-то уставшего, близорукого художника, мечтающего бросить свое ремесло, но не делающего этого. Он ждет, что кто-то сделает это за него, но слишком слаб, слишком забит, чтобы взять все в свои собственные уставшие руки. Я не знаю, имею ли я в виду бога. Вопрос такой деликатный, но ответ все-таки хотелось бы получить. Или, может быть, это не имеет значения. Большинство вещей, в конечном счете, кажется, таковы. Какое это может иметь значение для солнечной системы? Но я привык к нервирующим меня мелочам, поэтому

отношусь спокойно, даже чуть улыбаясь своей собственной в некотором роде инертности, даже почти не проклиная ограничения, присущие человеческому существованию. Трудно вообразить силу творящую, менее опустошенную, чем созданные ею существа. Во всяком случае, скорее всего, наоборот. Я изучаю и это. Рассматривая все как бремя, разделенное между сочувствующими незнакомцами. Но уже читаю свои собственные смутные надежды в этой картине: на сочувствие. Хотя, конечно, мало материальных или даже духовных свидетельств, на которых можно основывать такие оптимистичные прогнозы. Конечно, оптимизм должен быть самой забавной из человеческих прихотей. Мне вспоминается вечерний выпуск новостей несколькими неделями ранее: люди калечили пеликанов на побережье Калифорнии. Они отрубали птицам верхние клювы, лишая возможности ловить рыбу, что гарантировало птицам голодную смерть, если только не вмешаются какие-нибудь сочувствующие из людей же. Таковы были обычаи людей... и, возможно, богов. Так же вероятно, что человеческая мысль искажается по отношению к любой божественной. У меня всегда была надежда, что человеческая мысль — это просто ответвление от линии «космической» мысли, а смерть стирает границы для наших индивидуальных подходов. Приятная точка зрения и великолепное лекарство от усталости и опустошенности. Легко

осознавать, что, если люди полагают точку А (рождение) и точку В (смерть) границами линии их бытия, не связанной с какой-либо нитью Вечности или чего-то иного, то они начинают бояться точки В. Но если рассматривать и А, и В как просто две из бесконечного количества точек на некоторой бесконечной же линии, как, безусловно, делает Коди, то обе точки, а также расстояние между ними значительно уменьшаются в их важности. Для некоторых это может оказаться слишком удручающим, чтобы об этом вообще думать. Для других, и я отношу себя к ним, мысль о том, что в настоящее время вовлечен в совершенно незначительную из таких линий, действительно является лучшим, на что они могут надеяться. Мне кажется, что это и есть чистые усталость и опустошение, и как только человек осознает это, он надеется, что вряд ли все вокруг такое.

- Необходимо масштабное перераспределение богатства, а также реструктуризация политической системы, которая снова вручит контроль над правительством народу, а не интересам крупного бизнеса. Больше недопустимо, чтобы подавляющее большинство человечества работало подобно рабам, в то время как небольшая элитная группа копит богатства земли, заявляя, что владеет природными ресурсами, которые нам всем нужны для выживания.
- Двадцать процентов населения США,

принадлежащие к высшему классу, владеют сорока процентами богатства страны. Это кажется плохим, но не ужасным. Ужасно, что два процента из тех двадцати владеют примерно двадцатью же процентами национального богатства, в то время как десять процентов самых бедных имеют менее 1,5 процентов национального богатства, которые распределяются на всех.

- Социологи увлечены измерением влияния бедности на людей, живущих в богатой стране. Тот факт, что в Хьюстоне в этом году произошло более шестисот убийств, — это всего лишь одно из заключений ошеломляющей статистики. Что-то кардинально и безнадежно не так с системой США, которую необходимо менять. Каждый год число смертей от огнестрельного оружия в этой стране превышает *десять тысяч*, в то время как в странах Европы эти цифры колеблются от нуля до пятидесяти.

Почему наше общество стало таким жестоким? Многие показатели указывают на капиталистическую, беспощадную систему, в которой всем гражданам внушают, что они должны винить только себя в своих неудачах, хотя начинать жизнь бедному в Америке сегодня — это примерно то же самое, что сесть играть в *Монополию* после того, как вся собственность распределена и отели куплены. Наша система больше не учит делиться, сотрудничать или даже быть честным. Она, по сути, не учит ни одной из ценностей, необходимых для того, чтобы люди

мирно жили вместе. С помощью коварной рекламы и прямого обмана потребителей наши богатые классы учат нас, что ложь и мошенничество — в порядке вещей. Прибыль — властелин, так что к черту окружающую среду, справедливую заработную плату и безопасные условия труда.

- Наши политики всегда так громко кричат, что наша земля — страна свободы, но многие ли из нас действительно свободны? Если мы действительно наслаждаемся политической свободой, изменчивой, часто под угрозой полного исчезновения, какая польза от этой политической свободы без экономической? Всеми нами чрезмерно манипулируют богачи, корпорации, транснациональные бандиты, скупившие нашу политическую систему, чтобы узаконить контроль над всеми нами.

Только теперь она заметила меня. Наши взгляды на мгновение встретились, она замерла всего на секунду от удивления, и я увидел, как невольная улыбка изогнула уголки ее рта, прежде чем она продолжила. Возможно, она была рада моему присутствию, счастлива, что я разделяю все это сейчас с ней.

- Как же напуганы должны быть эти люди, когда даже преподавателю экономической теории в Университете Арканзаса в Литл-Роке приказывают молчать. Я продолжу бороться со своим увольнением в суде, но в то же время мне будет не хватать моей работы — и мне будет не хватать вас, - она в последний раз оглядела студентов. - Вы можете идти, —

добавила она, отвернувшись, как будто собиралась стереть что-то с доски, хотя ничего за все время лекции там не писала. В аудитории наступила долгая тишина, затем несколько студентов начали аплодировать. Через несколько секунд все они вскочили, хлопая. Мисс Троттингем-Тейлор выразила признательность за эти аплодисменты, положив одну руку на стол и, казалось, на мгновение покачнулась, но подняла голову и поблагодарила их взглядом — со слезами на глазах.

Глава восьмая

Когда Кристиан умер, я держал его за руку, и его вырвало кровью на нас обоих. До этого врачи думали, что он сломал только нос. Как оказалось, у него была травма черепа. Осколок кости попал в мозг.
День начался с того, что Флиппинг, Сара, Кристиан, Коди и я отправились в поездку за город. Родители Флиппинга недавно купили пятнадцать акров леса по очень хорошей цене. Они выстроили дом по своему собственному проекту, соорудили изгородь и приобрели несколько лошадей. В перерывах между работой, учебой, репетициями группы и помощью моей маме Флиппинг также умудрялся помогать своим родителям со строительством дома. В ответ они предложили ему как-нибудь пригласить друзей на

выходные, чтобы покататься на лошадях. Мы погрузились в машину Флиппинга около девяти утра и направились на запад.

- Звезда*, Арканзас, — прочитал Флиппинг на дорожном знаке.

- Я часто задаю себе вопрос относительно этого, — заметил Кристиан, - звезда здесь или того хуже, в этом Арканзасе?

- Это не вопрос, глупый. Это название этого маленького городка — Звезда, Арканзас.

- У них тут весь алфавит, что ли, в Арканзасе? — спросил я.

- В каком мы районе? — захотел узнать Коди. Флиппинг решил ответить на его вопрос вместо моего, но я, в принципе, был не против.

- Мы все еще в Пуласки.

- Это место, куда мы направляемся, там ограничения по выпивке?

- Какое это имеет значение? Мы все равно несовершеннолетние.

- У меня теперь есть удостоверение личности, неотличимое от настоящего, — гордо сказал Коди.

- Ты не выглядишь на двадцать один, — заметила Сара.

- Оно может быть в районе Перри, — сказал Флиппинг. - А там у меня всегда жажда утром в воскресенье.**

- Арканзас, конечно, умеет придавать границам районов особый смысл, — простонал Коди.

* wye (англ.) в оригинале (звезда, вилка, рогатка и тп)

** относится к районам, где продажа спиртного в различных формах запрещена по воскресеньям и праздникам.

- О, смотри-ка что! — внезапно выпалил Флиппинг. Мы все развернулись посмотреть, но не увидели ничего необычного.
- О, неважно, — сказал он. - Все равно это было не то, чем показалось.
Мы оставили свои мысли при себе, за исключением Кристиана, который сказал:
- Флиппинг, тебе на самом деле нужно научиться думать, прежде чем говорить. Хочется, чтобы ты внес это в свой список важных дел: следует *думать*, прежде чем *говорить*.
Флиппинг притормозил, позволяя цыпленку покинуть дорогу.
- Если кто-нибудь пошутит об этом, я его отлуплю, — пригрозил он.
- Ну, я не он, — сказала Сара. - А как куры размножаются?
Повисла пауза.
- Ну, они друг с другом, типа.
Долгая пауза.
- Не могу поверить, что мои родители живут где-то с названием Природная Лестница*.
- В Арканзасе очень странные названия городов, — согласился я.
- Например, Лысый бугорок и Помидорка.**
- Счет и 56*.**
- Масляная Яма и Меченое дерево**.**
- Есть еще Чудик*** в Арканзасе.**
- И Коди, и Вашингтон, — добавил Коди.

* **Natural Steps**
** **Bald Knob** и **Tomato** соответственно
*** **Ratio** и **Fifty Six** соответственно
**** **Oil Trough** и **Marked Tree** соответственно
***** **Flippen**

- В каждом штате есть Вашингтон, — сообщила ему Сара.
- Мой любимый — Губертаун*.
- Да, помнишь тот вечер, когда мы слушали результаты баскетбольных матчей штата, и спортивный комментатор выдал:
- Хукер одолел Губертаун?**
- Это настоящее бешенство! Держу пари, Губертаун всегда терпит поражение.
- Держу пари, им это *нравится*!
- Заткнитесь, пожалуйста! — не выдержала Сара.
- Кстати, а вы знаете, что бывший губернатор Техаса однажды назначил человека, умершего уже как два года, в Комиссию штата по здравоохранению? — спросил я, просто чтобы сменить тему.
- Похоже, это каким-то образом делает его не очень-то квалифицированным.
- На самом деле, в Арканзасе два Хукера, — сказал Коди.
- Правда?
- Да, один около Пиготта*, а другой к югу от Пайн-Блаффа****, около озера Дик.**
- Я же *сказала*, заткнитесь, — предупредила Сара.
- Мы приехали! — объявил Флиппинг. - Это Природная Лестница.
Не успели мы вылезти из машины, как отец

* **Goobertown**, дословно - **Арахис**
** Hooker beat Goobertown в оригинале, на сленге: *Шалава уделала Арахис*.
*** **Pigott** - городок на севере Арканзаса, откуда родом была жена писателя Э. Хеменгуэя. Население ок. 3.5 тыс. человек. Основан в 1891г.
**** **Pine Bluff** - город недалеко от Литл-Рока. Население ок. 42 тыс. человек. Основан в 1819г.

Не успели мы вылезти из машины, как отец Флиппинга уже кричал нам с другого конца поля, размахивая рукой, чтобы мы шли к нему. Не потребовалось много времени, чтобы перелезть через деревянный забор и устремиться к нему. Никогда ранее не встречавшись с этим человеком, я был несколько удивлен тем, что его волосы почти такие же длинные, как у сына.

- Привет, — сказал он нам, пытаясь охватить всех своим приветливым взглядом. В конечном итоге, он остановился на Фиппинге. - У старой кобылы родился жеребенок, и я нигде его не могу найти. Я уже искал и в южном углу поля и вокруг конюшен. Вероятно, он где-то в той рощице за холмом. Если мы все пойдем в разные стороны, то, вероятно, найдем его довольно быстро.

- Я не знал, что кобыла беременна, — сказал Флиппинг.

Мистер Беннинг позволил себе немного рассмеяться.

- Да уж! По правде говоря, я тоже не знал до прошлой недели. Это случилось до того, как я ее купил.

- Сколько времени требуется лошади...

- О, ну, примерно 11 месяцев.

- Есть ли у вас какие-либо идеи, как мог выглядеть отец?

- Нет, я купил ее у старика Уоткинса в Блэнде, но я не думал, что у него там был жеребец. Я на самом деле не планировал ее для разведения, просто хотел, чтобы Тимми ездил на ней.

Тимми, младший кузен Флиппинга, воспитывался Беннингами с тех пор, как его родители были заключены в тюрьму Камминс*. Коди упоминал их один или два раза; их арестовали за выращивание марихуаны на своей ферме, и они провели в тюрьме большую часть жизни Тимми. Наблюдая, как растет Тимми, Флиппинг в значительной степени относился к нему как брату.

Мы разделились на пары, Флиппинг с отцом ушли в одном направлении, Сара с Кристианом в другом, а Коди и я в третьем. Проходя мимо дикого мускатного дерева, Коди и я сделали мысленную заметку вернуться и собрать ягоды позже, когда не будем заняты. Коди был разочарован тем, что я знаю это растение, но мама обнаружила ягоды и делала желе из собранных в тот день, когда мы ходили за дровами. Мы даже дегустировали вино из них как-то вечером, что стало действительно странным опытом, потому что эти плоды были южным родственником семьи винограда, и на вкус, как следует из названия, вино действительно ощущалось весьма мускатным.

Мы прошли мимо пруда для скота, или, по крайней мере, я предположил, что это пруд для скота. Здесь я остановился на минуту, чтобы запустить камень по воде. Плоскость воды была такой спокойной, что камешек подпрыгнул раз десять, прежде чем приземлился на другом берегу.

- Думаю, это голубая бездна, - сказал Коди.

* **Cummins Prison** - довольно суровая "зона" на юго-востоке штата.

На этот раз он меня поймал. - Что такое вообще голубая бездна? - спросил я, зная, что он будет рад вопросу от меня.
- Полагаю, ты как раз смотришь на такую, - сказал он.
Я ничего не сказал, просто посмотрел на него.
- Голубая дыра, бездна, - типа, - бездонная яма. Боксит в этих местах очень распространенная штука и, знаешь, здесь рыли огромные ямы для его добычи, а потом просто бросали их или заполняли водой, когда перебирались на другое место. Сомневаюсь, что так все еще делают, но в любом случае, по всей территории центрального Арканзаса можно видеть такие пруды. Выглядят они как обычный пруд, но если вдруг случайно утонуть в одном таком, то просто будешь погружаться и погружаться. Невозможно сказать, насколько глубока эта штука.
- Эй, мы нашли его!
Я узнал голос Кристиана. Так я понял, как-то. Мы с Коди побежали в ту сторону. Когда мы добрались до Кристиана и Сары, мы увидели жеребенка, а также нервную и взбудораженную черную лошадь между нами всеми и жеребенком.
- Не похоже на лошадь, у которой только что родился жеребенок, — сказала Сара.
Коди заглянул под него.
- Конечно, нет. Это мерин.
- Что он делает около жеребенка?
- Хороший вопрос.

Флиппинг с топотом ворвался на пригорок:
- Шайло! Убирайся! Убирайся! Говнюк!
Шайло не хотел и слышать.
- А где твой отец? — спросил Кристиан.
- Сейчас придет. Как только он увидел Шайло, то вернулся за ведром корма на случай, если вдруг понадобится.
- Что, по-твоему, эта лошадь думает делать?
- Откуда мне знать? Лошади невероятно тупые.
- Не такие тупые, как кошки, — сказал Коди.
Сара и Кристиан обычно обижались, когда Коди так отзывался о кошках, но на этот раз не сказали ничего. Флиппинг тем временем пытался пробраться между Шайло и жеребенком. Тому это совсем не нравилось, но поскольку людей было много, Флиппинг смог подобраться достаточно близко, чтобы потрогать жеребенка.
- Это самец, — сообщил он нам.
- Конечно, у него синий повод.
- Кристиан, ты можешь быть таким невыносимым!
Отец Флиппинга вернулся с ведром зерна. Он постепенно уговаривал Шайло идти в конюшню, попутно отвечая на вопросы о том, когда родился жеребенок и как его разлучили с матерью. В конюшне он отвел жеребенка в стойло к матери, что вызвало у Шайло серию истерик.
- Почему Шайло пытается опекать этого жеребенка? — спросил Флиппинг.
Думаю, мы все хотели озвучить этот вопрос, но боялись получить тот же ответ, что и

Флиппинг:
- Черт возьми, если я знаю. У этой лошади нет никого соображения.
Мать не выглядела особенно взволнованной при виде своего отпрыска. Жеребенок тыкался повсюду в поисках вымени, но кобыла передвигалась в пределах стойла, что очень усложняло задачу. Конечно, все наши смешки над ее этой неумелостью в качестве матери вряд ли помогли ей успокоиться, но в конце концов она примирилась со своей материнской ролью. Когда мы насмотрелись на лошадей, Флиппинг повел нас на недавно вспаханное поле и учил управлять трактором. Затем Кристиан, Флиппинг и Сара оседлали трех лучших верховых лошадей на ферме, а Коди и я прочесывали окрестности в поисках мускатных деревьев.
Мы не смогли отказаться от соблазна ободрать дочиста первые же попавшиеся ежевичные заросли. Вторые были также объедены, затем, совершенно неожиданно, мы наткнулись на лабиринт спутанных лоз и шипов, заполненный ежевикой с такими огромными ягодами, что те, которые мы съели до этого, казались едва ли съедобными. К этому времени Сара, Кристиан и Флиппинг нашли нас, спрыгнули с лошадей и присоединились к нам в этой обжираловке.
Я заметил, что у Сары были пятна от ягод и на руках и на лице, как и у всех нас, но у Сары они были и по всей одежде. Она, очевидно, наслаждалась происходящим. Я решил, что еще несколько пятен не повредят,

поэтому я собрал горсть перезрелых ягод и запустил в нее. Она издала такой леденящий кровь крик, что я испугался, не убил ли я ее.
Но когда я замер в смутном беспокойстве, она атаковала на меня. Моментально повалив меня и размазывая ягоды по моему лицу и волосам. Сообразив, что происходит, я освободился только в ожесточенной, достойной борьбе. Затем сразу произвел вторую атаку, но снова быстро вынужден был защищаться из-за шквала удивительно точных движений рук Сары. Некоторое время все наблюдали за нами, после чего Кристиан и Коди начали бросаться ежевикой без разбора и в Сару, и в меня, что она осознала первой. И совершила ошибку, задержавшись достаточно надолго, чтобы я поймал момент запустить в нее несколькими ягодами, но она решила простить это, начиная новый раунд.
- Смотри-ка на них! — закричала она.
В азарте я не заметил атак со стороны. Теперь, когда Сара привлекла мое внимание, мы разошлись еще больше, чем прежде. Я был уже готов издать дикий боевой клич, когда Кристиан и Коди обрушились на меня с обеих сторон. Я действительно, по-настоящему, пропитался соком от ягод и стал скорее фиолетовым, чем белым, защищаясь вместе с Сарой от новых нападающих. Флиппинг, на мгновение попавший под перекрестный огонь, сумел сбежать, серьезно не испачкавшись. Сара, тем временем, увидела в расстегнутой рубашке Коди явную цель и сделала несколько

метких бросков прямо туда. Коди умчался за куст, чтобы, воспользовавшись паузой, выработать какую-нибудь стратегию. Мы с Кристианом, казалось, были равны, то есть оба сильно пострадали в этой битве. Поскольку Коди временно видно не было, Сара пришла мне на помощь, и вместе мы основательно искупали Кристиана в ягодном соке. Неожиданно Коди выскочил откуда-то сзади. Сара начала кричать, так как была безоружна, но я встретил эту атаку Коди горстью ягод ему в лицо. Мы каким-то образом умудрились споткнуться друг о друга, Коди выругался, когда упал в этой сплетенной куче. Кристиан и Сара кружили вокруг друг друга, пока Сара внезапно не решила, что устала от всего этого хаоса, села на лошадь и помчалась вверх по холму. Кристиан последовал за ней, потратив последнюю горсть ягод на ужасно плохой бросок.

- Вы точно произведете впечатление за обеденным столом, - сказал нам Флиппинг, прежде чем уехать вслед за остальными. Внезапное осознание того, что нам нужно все-таки быть презентабельными вечером, охладило наше веселье. Единственное, что оставалось делать, это рухнуть на землю и, смеясь, изучать наше состояние. Коди перевернулся рядом со мной, широко улыбаясь, обнял меня и, размазав ягоды мне по лицу, убежал. Я погнался за ним, схватив его без особого труда, повалил его на землю и сел сверху. Он продолжал, показывая на

мое лицо, истерически хохотать, поэтому я сел и на его руки тоже. Поначалу он сопротивлялся, потом сдался и просто лежал, ухмыляясь. Нас скрывали заросли кустарника, и нас никто не мог видеть. Мы так улыбались, перемазанные ягодами, что мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы сдерживать свою страсть. Потом я заметил, что за нами наблюдает какой-то ребенок на велосипеде, лет девяти или десяти на вид. Наверное, это, должно быть, Тимми, и я понял, что так и есть, когда Коди, проследив за моим взглядом, вскочил на ноги и крикнул «Тимми!» в знак приветствия. Это напомнило мне о том случае, когда босс Коди застал нас врасплох на заправке. Казалось, мы не могли наброситься друг на друга без того, чтобы кто-нибудь не появился.

- Ты выглядишь ужасно, — сказал Тимми Коди.

Коди сделал вид, что собирается на него наброситься, поэтому Тимми быстро укатил на своем велосипеде и не останавливался, пока не подъехал к дому. Затем мы с Коди спустились к пруду и немного отмылись. Никто не спрашивал меня, ездил ли я когда-нибудь на лошади, но на самом деле, да. Единственное, о чем я пожалел, когда Коди и я получили шанс на это, так то, что видел, как он запрыгнул на паломино*, на котором я сам хотел прокатиться. Вместо этого мне достался темный, долговязый жеребец, и я

* генетически обусловленный окрас лошадей в сочетании золотистой шерсти, белой гривы и хвоста; степень белого может варьироваться от ярко-насыщенного до желтого.

утешал себя тем, что, по крайней мере, у нас четверых волосы все-таки попарно сочетаются в цвете. Сначала мы держались рядом, и Коди указал на несколько дикорастущих дубов во владениях Беннингов. Они были достаточно заметны, поскольку были раза в четыре больше окружающих деревьев. Коди объяснил, как когда-то они росли здесь повсеместно, закрывая солнце, что позволяло первым поселенцам преодолевать большие расстояния без препятствий в виде густого подлеска. Я размышлял об этом, представляя себе этих пионеров и индейцев до них, постоянно носивших с собой мачете, чтобы расчищать пути.

Прямо за оградой на северном конце владений Беннингов находилось кладбище, очень старое и маленькое, где, очевидно, бывало мало посетителей, если вообще они были. Мы с Коди спешились, привязали лошадей к столбу ограды, затем пошли осматривать надгробия, из которых лишь на немногих можно было что-то разобрать. Казалось, большинство этих людей всего из четырех семей — Уэсты, Риды, Гриры или Стиды — и очень много из них умерли в 1882 году с разницей в месяц. Мне было интересно, жив ли кто-нибудь, кто знает, что стало причиной их смерти.

Вернувшись к лошадям, мы разделились, даже не обсуждая это. Я поехал в одном направлении, Коди — в другом, и ни один из нас не изменил курс, чтобы присоединиться к другому. Что касается меня, я исследовал западный край поместья без особого

интереса, размышляя о том, что делает Коди, и желая, чтобы он не был все время у меня на уме. Когда я заметил, что уже поздно, то отправился к дому и там обнаружил, что Коди опередил меня и моется у колонки на заднем дворе. Я отвел свою лошадь в конюшню, чтобы расседлать и почистить ее.

Мистер Беннинг и Тимми тоже были здесь, осматривая нового жеребенка. Я чистил лошадь и вдруг услышал ужасный вой, донесшийся откуда-то издалека.

- Что это было? — спросил я.

Мистер Беннинг опять рассмеялся своим тихим смехом.

- Хнн-хнн! По правде говоря, и мы не знаем. Никогда ничего подобного не слышали, поэтому не знаю, что это.

- Похоже, это полуптица, получеловек, полусобака, - рискнул я предположить.

- Это, вроде, полтора уже, — сказал Тимми.

- Не обращай на него внимания, он изучает дроби.

Но я все равно внимание обратил и ответил Тимми:

- Ну, это, *похоже*, полторы особи.

- Хмм-хмм, — мистер Беннинг включился в разговор, - если вы готовы, мы можем лично пойти посмотреть, после того как поедим, и выяснить, сможем ли понять что это.

- Нет, спасибо, — сказал я. - Мы, вероятно, и найдем что-то типа полуптицы, получеловека и полусобаки.

Внутри дома миссис Беннинг пыталась всех разместить за столом для ужина. Она

встретила меня у двери с теркой для сыра под мышкой, вытирая руки полотенцем для посуды и в красно-белом клетчатом фартуке, который вызывал в памяти пакет с кормом *Purina* для собак.

- Приятно познакомиться, — сказала она, протягивая только что вытертую полотенцем руку, а затем поспешила обратно на кухню. Освещение в доме было невероятно ярким, но Флиппинг заранее предупредил нас о том, что его мать использует две 100-ваттные лампочки в каждом потолочном светильнике. Это было чистое, хорошо освещенное место, и мы приготовились принять участие в нашей ежедневной *повседневности*.

- Тимми! Убери эту чертову черепаху из этой кухни прямо сейчас!

- Это не черепаха, это черепашонок.

- Черт, парень, для меня это все - черепахи, а теперь уноси его!

Разговор за ужином сначала начался относительно улиток и угрей. Начался с заявления Тимми:

- Последнее, что я когда-либо хотел есть, это угорь.

Мистер Беннинг быстро согласился, но затем уточнил, что он скорее съест угря, чем улитку. Затем они начали спорить, что хуже, — все закончилось примерно через пять минут, когда миссис Беннинг положила обе руки на стол и сказала:

- Клянусь, если услышу еще хоть одно слово об угре или улитках, вы оба будете есть их на обед завтра!

Так что вместо этого Тимми и мистер Беннинг продолжили спорить уже о том, что смотреть по телевизору после ужина. Тимми хотел какой-то фильм, о котором я никогда не слышал, в то время как мистер Беннинг настаивал на футбольном матче.

- Ты же хочешь посмотреть этот фильм, потому что тебя там интересуют девушки.

- Не только, — парировал Тимми.

Миссис Беннинг спросила, понравилось ли нам приготовленное.

- Этой картошке не помешали бы соль и перец, — ответил Флиппинг.

- Я забыла поставить солонку и перечницу на стол? Ну, ты знаешь, где они, если они тебе нужны.

- Видимо, не так уж и нужно.

Миссис Беннинг бросила салфетку на тарелку:

- Видимо, лень пойти и взять соль и перец! Люди раньше в Индию за ними путь проделывали, а ты даже не хочешь прогуляться к буфету!

Затем она уже спокойно спросила, нужны ли кому-нибудь еще соль или перец.

Она уже поднялась, чтобы принести, но Коди, Кристиан, Сара и я воскликнули в голос, что все в порядке. Все просто отлично, — мнение, которое мы четверо попытались выразить все сразу, к сожалению.

Но в момент, когда я откинул волосы с глаз, одна прядь упала на мои энчилады*. Одна была с сыром, а в другой было что-то мясное.

* **enchiladas** - мексиканские рулетики из тонкого теста с разной начинкой.

Это были фирменные блюда миссис Беннинг, не столько потому, что они были вкуснее других, сколько потому, что она сама научилась их готовить: без рецепта или материнской помощи, — по крайней мере, так она нам сказала. Я подозревал, что мясная энчилада все-таки с олениной.

- Помнишь старую миссис Поттс? — сказала миссис Беннинг Флиппингу, вернувшись с солонкой и перечницей.

- Знаю ее сына, — ответил Флиппинг.

- О да, я тоже его помню. Он был немного придурковат. Учился в Университете Орала Робертса*, да? В любом случае, я хотела сказать, что миссис Поттс только вчера выписалась из Баптистской больницы, и звонила не так давно.

- Что с ней было?

- Пришлось делать операцию по поводу геморроя.

Я отметил для себя на будущее, что угри и улитки не подходили в качестве темы разговора за столом у миссис Беннинг, а вот геморрой вполне.

- Ну, это слишком жестоко для пожилой женщины, когда ей снова нужно переносить то же самое, что и при рождении детей, — произнес мистер Беннинг не отрываясь от своего стакана чая.

* **Oral Roberts University** (**ORU**) — частный евангелический университет в Талсе, штат Оклахома . Основанный в 1963 году, университет назван в честь своего основателя, харизматического христианского проповедника Орала Робертса .

Кристиан и Флиппинг тут же засмеялись, а Тимми, понимая, что прозвучало что-то смешное, начал смеяться открыв рот, но добавляя овощей в тарелку Флиппингу. Миссис Беннинг, казалось, не считала это таким уж смешным, но после короткой паузы она вновь завладела инициативой, так как все остальные, казалось, были больше заинтересованы, собственно, обедом, чем в разговорами. У нее были некоторые странные выражения, но, казалось, любимым было все же слово «вонючий». Она велела Тимми снять «вонючую шапку», сказала Саре, что парни «просто самые вонючие существа, которых я когда-либо видела». И она вообще казалась чрезвычайно оживленной. Однако, когда попросила Флиппинга отнести мясной рулет бабушке по возвращении в город, а Флиппинг ответил вопросом, - не слишком ли бабушка уже стара, чтобы готовить, миссис Беннинг, удивленная, обернулась посмотреть на него, ее нож и вилка замерли прямо в воздухе.

- Почему это! Совсем нет! Завтра у них что-то вроде собрания — фактически, фуршет — и она должна тоже принести что-то мясное. Я обещала ей, что приготовлю что-нибудь, чтобы она могла забрать те бегонии, которые растила мисс Саттон и подарила ей.

- Держу пари, они пахнут нафталином, — прервал ее Тимми.

- Тише, — оборвала его миссис Беннинг. - Старая мисс Саттон уже много лет не пахнет нафталином.

Эти слова и Флиппинг, и Тимми встретили

громкими протестами:
- Да ведь я проходил мимо нее на улице около месяца назад, когда ходил к бабушке, и она пахла нафталином!
- Я подстригал ее газон на прошлой неделе, и там весь дом, весь двор пропахли нафталином. Держу пари, что она использует его в качестве удобрения. А те бегонии, которые она подарила бабушке, провоняют все у нее, вот увидишь!
- Ладно. *Лаадно*! - Миссис Беннинг сдалась, поднимая руки.
- Я всегда пыталась внушить Флиппингу пару вещей, — сказала она с совершенно серьезным лицом. - Никогда ничего не предполагай и не будь слишком осторожным.
Все за столом застыли с занесенными вилками, уставившись либо на нее, либо на Флиппинга, ошеломленные, видимо, этой мудростью. Мне показалось, что я чувствую, как закружилась голова у Сары.
Миссис Беннинг совершенно серьезно продолжала, но даже и с задором:
- Знаете, я никогда не видела смысла в том, что молодежь беспокоится о своем будущем, когда со всеми этими бомбами и придурками вокруг в наши дни, у них может его и вовсе не быть.
Вместо этого она решила озадачить Флиппинга вопросами о его жизни как в прошлом, так и в настоящем.
- Ты хотя бы ложишься спать в приличное время?
- Все часы Богом созданы приличными, мама.

- Ну, если бы Господь хотел, чтобы мы не спали всю ночь, он дал бы нам глаза, которые могли бы видеть в темноте.
Здесь мистер Беннинг храбро встал на защиту сына:
- Дорогая, он же купил тебе эти чертовы лампочки по сто ватт, так что отстань от него. И перестань быть *такой* сварливой!
- Нет, я не придираюсь, просто сказала...
- Придираешься, ты *такая*! Настолько сварливая, что если бы на пачке кетчупа было написано «вскрывать здесь», ты специально отошла бы в сторону, чтобы вскрыть его "не здесь"!
Я пытался представить, как рос бы с этой женщиной в качестве матери, но образ не складывался. С другой стороны, я не мог также и представить в качестве отца мистера Беннинга. Флиппинг уже рассказал нам, что его отец героически опровергал своим примером всякие афоризмы. Он часами высиживал, пытаясь научить их пятнадцатилетнего лабрадора командам, а каждый раз, когда хотел сделать себе кофе, обычного, растворимого, то стоял у плиты, наблюдая весь процесс, пока вода не закипит.
Здесь *время уже* ничего *не покажет*.
Он также утверждал, что не держит ни на кого зла, с чем написал несколько писем прокурорам штата с просьбой заменить формулировку обвинения на «Народ штата Арканзас, *за исключением* мистера Эйвери Ф. Беннинга, против такого-то..». Насколько

знал Флиппинг, ответа не последовало. А сейчас он приглашал нас всех в свой кабинет: покурить травки после обеда, и был искренне удивлен и разочарован тем, что мы с Сарой не курим эту дрянь.
Не только *женщине машины мыть*.
Коди же позволил себе пару тяжек в этот раз, возможно, просто из вежливости.
А это *матч, который Сиэтл проиграл, потому что миссис Патрик из Уолл-Уолла увидела счет.*
Когда мы собирались уходить, мистер Беннинг последовал за нами, в поисках своей собаки.
- Просто свистни, — сказал Тимми, - он прибежит.
- Ты свистни.
- Я не умею.
- Ну, ты не уговоришь меня. Я опасаюсь, что из леса может выскочить что-то типа полуптицы, получеловека и полусобаки.
А это *студент, который вернулся к себе в Гэллап* и понял, что ничего не меняется*.
Я договорился, что Тимми сегодня поедет с нами и останется на ночь у Флиппинга, а мистер Беннинг заберет его в воскресенье вечером, так как ему в любом случае нужно было ехать в город. Хотя у меня не было и представления относительно того, что в Лофте может развлечь десятилетнего ребенка, кроме разве что мертвых бабочек на стенах, но у Тимми перспектива переночевать там вызвала восторг.

* **American Institute of Public Opinion (Gallup's Institute)** — американский институт общественного мнения, основанный профессором-социологом *Джорджем Гэллапом*.

По дороге Сара развлекала нас шутками, по-видимому, не обращая внимания на ребенка в машине. Но Тимми жил с семьей, где мужчина курит гашиш, а у женщины очень своеобразное восприятие реальности, поэтому, полагаю, нам не следовало было беспокоиться относительно степени нашего влияния на него. Сара, безусловно, не беспокоилась:
- Типа, один продавец подходит к дому, где-то в сельской местности, стучит в дверь, - открывает маленький мальчик. Так вот, продавец спрашивает у ребенка, дома ли его мать, а ребенок отвечает:
- Нет, она в поле с овцами своими целуется*.
Конечно, продавец изумлен, поэтому, как только смог говорить, спрашивает у мальчика:
- Ну, а тебя это не беспокоит?
Маленький мальчик отвечает:
- Неаааааа.
А это *Мик Джаггер, декорированный небольшим мохообразным растением с листьями и стебельками, несущими органы размножения на кончиках.**
Флиппинг ехал на хорошей скорости, возможно, даже несколько превышая разрешенную. Ночь была ясной,- звезды светили ярко.
По радио передавали коллекцию *Мотауна**.

* making out в оригинале. Дословно, - заниматься, вести дела. Но в переносном смысле - целоваться.
** sex organs в оригинале. Дословно, - половые органы.
*** **Motown Records** - студия звукозаписи, где постоянно записывались *Jackson Five*.

И одна из моих любимых песен Jackson Five* *Я не знаю, почему люблю тебя* звучала с приятной, пьянящей громкостью, а я чувствовал себя счастливым. Это был хороший день. Родители Флиппинга, несмотря на их эксцентричность, все же были неплохими людьми.**

Кристиан и Тимми сидели спереди с Флиппингом. По какой-то причине меня усадили на заднем сидении, между Коди и Сарой. Когда Флиппинг взбирался на следующий холм, я случайно взглянул прямо вперед, поэтому сразу увидел машину, приближающуюся к нам по нашей же полосе, без каких-либо огней. Флиппинг, увидел это в то же самое время, резко нажал на тормоза. Я сразу проделал мыслительную активность двух минут менее чем за две секунды: прикидывая, успеем ли мы свернуть и уклониться от машины, понимая, что нет; и прикидывая, будет ли сила удара достаточной, чтобы убить нас. Понятно, что мы сейчас пострадаем, и есть шансы, что некоторые из нас пострадают сильно. Я слышал, как Флиппинг сказал: «О, черт!» себе и всем нам, и всем маленьким божкам, которые, возможно, слышат, возможно, наблюдают, возможно, делают ставки. А потом машины столкнулись, и наступила тишина. В этот критический момент столкновения я помню лишь только то, что произошло со мной. Я воткнулся в спинку сиденья спереди,

* группа (1963-1989) из членов семьи Джексонов. Именно этот коллектив стал стартовым для **Майкла Джексона**.

** **Don't Know Why I Love You** с альбома *Live at the Forum (1970).*

буфер, который, по-видимому, и спас меня, потому что я не чувствовал каких-либо повреждений. Однако, когда мы все трое ударились в эту спинку, сиденье оторвалось от пола.

А это снежинка из снега в Дулуте* 1958 года, которая точно такая же, как из снега в Базиле 1752 года.

Я услышал, как кто-то уже снаружи бормочет: «Иисус, Иисус», а затем говорит, что вызовет скорую помощь. Сара не двигалась, лежала на полу машины, схватившись за шею, но дышала. Я посмотрел на Коди, который посмотрел на меня, затем мы оба взглянули вперед, за переднее сидение.

Коди открыл дверь, обошел машину и его вырвало. Мне захотелось сделать то же самое, но я не стал. Лишь попытался сосредоточиться на чем-то важном, и то, что сразу привлекло мое внимание, был Кристиан, потому что, похоже, он нуждался в таковом больше всего. У него из носа шла кровь, там, где он ударился о приборную панель, и он сказал, что ничего не видит. Флиппинг был пристегнут ремнем безопасности, как и всегда, поэтому, похоже, не пострадал. Тимми, выбравшийся из-под приборной панели, куда его забросило, выглядел нормально, хотя и потирал голову.

Сара все еще лежала на полу сзади.

* **Duluth** - город в штате Миннесота, административный центр округа Сент-Луис. Население ок. 85 тыс. чел. Основан в 1679г.

** **Basil** - город на северо-западе Швейцарии, столица немецкоязычного полукантона Базель-Штадт и административный центр одноимённой коммуны. Население ок. 175 тыс. чел. Первое упоминание в III в н.э.

Опасаясь, что у нее может быть травма от удара, она не хотела двигаться, пока не приедет скорая.
Скорой помощи не потребовалось много времени. Кристиана забрала одна машина, а Сару другая. Полицейский сел в машину скорой вместе с Кристианом. После консультации с Коди было решено, что он поедет в больницу с Сарой, а я поеду с Кристианом. Флиппингу пришлось остаться, чтобы поговорить с полицией.
Полицейский, сопровождавший Кристиана и меня, похоже, был здесь, только чтобы делать явно неуместные расистские замечания. Водитель скорой и фельдшеры пытались его игнорировать, но я видел, что он беспокоит Кристиана. Уже в больнице полицейский неоднократно обращался к Кристиану как к «девушке», предположительно из-за его длинных волос.
Медсестра наконец попросила полицейского уйти, затем позвала меня и спросила, есть ли у меня марихуана, и с сомнением посмотрела на меня, когда я ответил «нет».
- Послушай, я пытаюсь помочь, — сказала она. - Потому что полицейский рано или поздно обыщет тебя, так что если у тебя есть при себе, просто отдай мне, я спрячу.
Я спокойно подошел к Кристиану, который лежал на высокой, узкой кушетке, и хотел достать тот пакетик, который, как я знал, был у него в кармане джинсов. Кристиан не открывал глаза, веки на которых выглядели так, как будто начали отекать, но когда

почувствовал мою руку в своих штанах, то схватил меня за нее. Просто коснувшись меня, он понял, кто я, и произнес мое имя. Медсестра подошла ко мне сзади с непрозрачным пластиковым пакетом, в который я бросил извлеченное из кармана Кристиана. Затем она быстро ушла, а Кристиан продолжал сжимать мою руку.

- Останься со мной, Троцкий, - сказал он.

Я взял его за руку, а другую положил ему на лоб, который был холоден, как лед. Вздрогнув, Кристиан сел и его вырвало кровью на себя и на меня. А затем он умер.

А это молния, удар которой сбросил фермера Мэтьюза с его трактора, а затем она ударила еще раз, просто подтвердить, что он мертв.

Глава девятая

Все было наполнено памятными акцентами: Лофт, где однажды ночью, когда я остался только с Кристианом, мы перебирали наши «самые неловкие моменты». У нас обоих были и удачные, конечно, но, полагаю, так бывает почти у каждого.

- У меня есть такие маленькие, типа, снимки моих самых ужасных моментов, к которым я иногда обращаюсь, - сказал Кристиан. - И однажды ночью, когда я в тяжелой депрессии, когда, честно говоря, думаю, что не выдержу еще хотя бы минуту этого старого-старого мира, то те маленькие снимки ужасных

моментов внезапно всплывают в голове один за другим, и я понимаю, каким дерьмом я был десять лет назад, чего действительно стыжусь.
Я точно знал, что он имел в виду. У меня все так же, но с той разницей, что появляются они в самое неподходящее время, чтобы преследовать меня. Настолько постыдно личные, что я полагаю себя одним из немногих, кто переживает подобное с такой болью. Что ж, Кристиан, в своей обычной манере, доказал мою неправоту.
Коди присутствовал на похоронах вместе с моей мамой и мной, Флиппинг - со своей собственной семьей. Сара осталась в больнице со сломанной шеей. В силу многих причин мне бы хотелось, некоторым образом держать дистанцию.
Священник делал оскорбительно самоуверенные предположения, "Кристиан был твердо верующим в Божью любовь", музыка была мрачной.
Как и Флиппинг, Кристиан был единственным ребенком в семье. Его родители, которых я никогда не встречал ранее, выглядели полностью убитыми горем. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, они давно сдались под натиском жизни. Видно, что эта жизнь внушала им опасения; я мог бы легко представить их не выходящими из своего дома, передвигавшимися в их машине в офис и обратно, или просто перед телевизором. Я искренне сочувствовал им, задаваясь вопросом, что такая трагедия может означать

для людей, и без того живущих в страхе перед миром. Мать Кристиана смотрела в пол на протяжении всей службы, зажав руки в коленях, опустив плечи таким образом, как будто хотела исчезнуть. Отец же нервно оглядывался, по-видимому, озадаченный незнакомцами, пришедшими почтить память сына.

Когда мы ехали в траурной процессии после службы, луч солнца проник в нашу машину под таким углом, что на лице Коди высветилась радуга, полупрозрачный стикер с которой Фредди наклеил в углу лобового стекла. Отражение расцвело у Коди точно на щеке. С заднего сиденья я смотрел ему на щеку большую часть пути к кладбищу, пока радуга не исчезла со сменой направления движения. Дороги окружали кладбище с двух сторон, с третьей - железнодорожные пути, а с четвертой стороны - открытое поле. Именно здесь и похоронили Кристиана.

Поезд показался, когда гроб опускали в могилу, что напомнило мне о поэтической зарисовке Коди: *СМЕРТЬ — Мелькающее серебро куда-то мчащих поездов, как блики на стекле спорткара.*

Интересно, думал ли Коди о том же? Я был почти уверен, что да.

Но этот поезд, *синий Миссури Пасифик, на вид был не совсем правильно составлен, поскольку большинство пустых вагонов располагались прямо за локомотивом, а загруженные — в конце.**

* под локомотивом фирменного синего цвета компании Missouri Pacific

Это означало, что если поезду придется резко тормозить, то возникнет высокий риск того, что вагоны в его середине могут раскачаться, что приведет к сходу поезда с рельсов. Я был готов рассмотреть эту возможность и мысленно отчитать железнодорожных диспетчеров за несоблюдение надлежащих правил безопасности, когда они думают о *чем угодно*, кроме, собственно, насущного вопроса.

Перед тем как уйти с кладбища, Коди познакомил меня с Редом Стэнли. Я вспомнил его по школе: один из сотен учеников, которых я видел время от времени, но не знал лично. Ред выглядел много лучше, чем мне представлялось в следствие постоянно негативных комментариев на его счет. По крайней мере, теперь я мог отдать должное Марку за определенно неплохой выбор. Рэду и мне не о чем особо было говорить, несмотря на некоторую связь через Кристиана и Флиппинга, а в последнее время и через Марка. После того, как Коди сказал ему несколько слов, мы поехали ко мне домой.

Дома увольнение мамы продолжало довлеть. Нам по-прежнему приходилось держать телефон выключенным, чтобы сохранить хоть какую-то конфиденциальность; у нас также скопилось много нераспечатанной почты: на стиральной машине и сушилке стояли полные две корзины с ней. Поскольку девять из десяти писем были тем, что можно назвать письмами ненависти, мы не знали, что тут поделать, поскольку не желали выбрасывать

непрочитанными все, чтобы не пропустить и несколько писем поддержки, которые также были в общей куче. А среди многих людей, которые начали смотреть на нас с нескрываемой враждебностью, был наш почтальон.

Марк тоже был у нас дома, в компании с Фредди. Мама вдруг обнаружила, что у нас закончился кофе, и спросила, не хочу ли я прогуляться в магазин. Прежде чем я успел ответить, Марк вызвался съездить на велосипеде. Идея прокатиться на велосипеде в тот момент мне пришлась по душе, поэтому я взял его у Фредди, и мы отправились за кофе.

- Кстати, какой кофе ты любишь? — спросил я Марка.

- *Отличный выбор*, — сказал он.

- Это же только собак кормить! - вырвалось у меня.

- Ну, нет, для того у них есть все остальное из *Отличного*.

- Отличный пример глупости, — поддразнил я. Чтобы убедиться, что он понял, что я шучу, я широко улыбнулся и подъехал к нему, пытаясь взъерошить ему волосы. Он отъехал от меня, видимо, все-таки обидевшись.

- Ты, наверное, имеешь в виду *Выбор искушенного, — сказал я. - Но это растворимый кофе, а мама, уверен, хочет молотого.**

Я купил банку какого-то кофе, - такой как-то видел в кухонном буфете дома, затем

* **Taster's Choice** - бренд Nescafe, на рынке с 1966г.

решил сам его смолоть, выбрав в итоге перуанскую смесь. И не ожидал, что все это будет стоить так дорого, так что мне пришлось занять у Марка четвертак*, чтобы уложиться в цену.

Я положил пакет в куртку и плотно застегнулся, чтобы ехать домой. Запах свежемолотого кофе пробирался по шее, через воротник, щекотал мне нос на довольно холодном ветру, окружая и дразня мягким ароматом кофейных зерен.

Когда мы вошли в дом, Коди спросил, не хочу ли я выпить чего-нибудь.

- Конечно, — ответил я, — но, увы, я без гроша.

- Ой, не хочу, чтобы кто-либо из вас вел машину, если вы собираетесь пить, — крикнула мама из кухни. В свете последних событий не было и мысли спорить. Коди лишь заявил, что все равно идет в бар, а его сестра сможет подвезти нас домой. Он думает, что, да, она не против будет подвезти и меня, а он, как всегда, готов платить и за меня, но я отклонил предложение. Марк тоже ушел почти сразу после Коди, а мама удалилась к себе в спальню, чтобы просмотреть юридические документы и почту своих сторонников. Фредди спросил, не хочу ли я сыграть в хоккей, но как-то совсем не было желания. Вместо этого я попытался взяться за стихи, перечеркивая или даже разрывая на части все, что писал, кроме:

* 25 центов

Эти движенья, танец нищего друга,
Ну, покажи свои пустые карманы.
Но глаза.. Твоих вполне хватит
Души моей заполнить изъяны.

Когда мама и Фредди давно уже спали, я сидел в гостиной у едва теплящегося камина, не желая слушать музыку или что-либо еще, чувствуя, что все это будет полной чушью по сравнению с ноющей грустью в глубине того, что было мной. Я увидел, как маленький мотылек порхал и, обжегшись, упал в свете настольной лампы, но я какого-либо урока в этом не нашел. Спать я не собирался, так как выпил две чашки кофе. Затем послышался стук во входную дверь. В три часа ночи это могло означать только катастрофу или Коди. Я чувствовал себя готовым к любому из того, когда открывал дверь, - Коди тут же схватил меня за плечи и заглянул в глаза. Но видел, что его глаза как раз были красными, а запах алкоголя невозможно было не заметить в его дыхании. Я никогда не наблюдал его с такой невыгодной стороны. Искра в его взгляде исчезла, и держался он неважно, все это выглядело так, будто его тело пыталось согнуться само по себе. Мне пришло в голову, что он сменил рубашку с тех пор, как мы виделись, и теперь на нем была та, которую я ему подарил в тот первый раз, когда Коди ночевал у меня. Он, вручив листок бумаги, отпустил меня. Я мгновенно прочитал:

Где-то, когда-то, в морозный декабрь,
Дыханье - узор на холодном окне.
Тянет мечтать, вспоминать, -
Памятью одолевать
Мгновений пустых одиночество
Хорошего друга лишенных.

Да, он провел вечер так же: в творчестве, и на похожую тему. Отмечая, что написанное им нравится мне больше, чем мое собственное, я показал мои строки Коди. По прочтении, он просто взглянул на меня и сказал:
- Все бодхисаттвы либо пишут, либо рисуют.
Я думал об этом, пока Коди ходил в ванную. Хотя не слишком определенный уровень многих наших разговоров с Коди интриговал меня, но и несколько раздражал, поскольку он мог столь же легко использовать абстракции в своих интересах. Из всех его теорий его же настойчивость относительно того, что все имеет причину и следствие, казалась мне наиболее близкой к правдоподобности. Здесь даже было трудно спорить, хотя я не мог не задаться вопросом, как бы он применил это к смерти нашего друга. Следствием какой причины стала смерть Кристиана? И какое следствие могла бы иметь его смерть, кроме того, чтобы огорчить друзей? Какова цель появления Кристиана в их жизни? По каким причинам наши пути пересекаются?
В моей комнате Коди, спотыкаясь, раздевался, пока я расстилал кровать. Полностью голый, он упал на кровать, не беспокоясь об одеяле. Я начал делать все те

вещи, которые человек делает, когда готовится спать, все время думая о Коди, лежащем лицом вниз на моей кровати. Хотя я знал, что никогда не сделаю ничего, что могло бы поставить под угрозу нашу дружбу, сила искушения поразила меня. Я стоял у кровати, не зная, спит ли он или чувствует, что я смотрю на него. Верхний свет был довольно ярок. Я выключил его.
Я лежал без сна в постели, размышляя, осмелюсь ли прикоснуться к нему, и наконец решил, что это плохая идея. Со львами и людьми нельзя быть слишком осторожным. И когда я совсем уже собирался развернуться в другую сторону, Коди придвинулся и обнял меня всем телом, положив голову мне на плечо. Никто из нас не обронил ни слова, и вскоре я понял, что он уснул. Мне стало интересно, чувствовали ли другие мальчики его тепло в своих постелях. Я в этом как-то сомневался, и это делало опыт еще приятнее.

В его объятиях я думал о многом, но в основном о Кристиане. Впервые пришла в голову мысль, что мы больше его не увидим. Слеза скатилась по щеке, пульсируя, казалось, в такт сердцебиению Коди, и упала ему на плечо: на плечи, которые придавали Коди независимости, пока в такую ночь, как сегодня, он не тает, обнимая меня. Я поцеловал его голову, полную снов. В конце концов мое желание спать превзошло желание бодрствовать и чувствовать, как Коди обнимает меня, хотя мне бы, конечно,

хотелось чувствовать эти объятия всегда.

В последующие недели декан экономического факультета Университета опубликовал подготовленный документ, обосновывающий причины увольнения мамы. Коди снова вовлекся в организацию ее поддержки на кампусе, в то время как она встречалась со своими адвокатами, чтобы подготовить иск против университета. Хотя мама была убеждена, что сможет доказать, что ее увольнение произошло по политическим причинам, администрация продолжала настаивать, что это было результатом ее слабой преподавательской деятельности. В документе декана тот упоминал результаты двух опросов студентов относительно компетентности мисс Тейлор как преподавателя. Хотя утверждалось, что результаты были среди документов экономического факультета, университетским газетам было отказано в доступе, а они не смогли найти никаких доказательств того, что опросы когда-либо проводились. Декан сказал, что методы выставления оценок мисс Тейлор, неспособность в достаточной степени использовать требуемые тексты и другие «образцы некомпетентности» привели к увольнению. Тем временем студенческое самоуправления Университета опубликовало результаты организованного собственного опроса. Высказывая свое мнение по вопросу «Следует ли разрешить мисс Хелен Троттингем-Тейлор продолжать преподавать в

Университете Арканзаса?», студенты ответили «да» 627 голосами против 419. Едва ли подавляющая поддержка, но, по крайней мере, доказательства не были скрыты в документах факультета.
Единственным комментарием декана факультета относительно голосования студентов было:
- Можно взглянуть на это и сказать, что меньшинство значительно — сорок процентов — против мисс Тейлор.

После аварии в мою жизнь проникли несколько маленьких нервных фиксаций. Например, я постоянно проверял молнию, хотя она всегда, в такие моменты, была застегнута. Ночью, уже в постели я проверял часы пять или шесть раз, чтобы убедиться, что выставил будильник, хотя и был уверен в этом. Наручные часы я постоянно подводил до предела. И вообще стал чем-то вроде ходячего нервного срыва из-за недостатка сна, так как ложился спать рано, надеясь, что случайно усну, хотя, конечно, этого никогда не происходило.
- Семь часов наступят очень рано, — сказал я Фредди однажды ночью, ложась спать в десять.
- Не раньше семи, все-таки, наверное, — ответил Фредди. Он помог сохранить здравый рассудок, конечно. Наблюдая за моим странным поведением, он интуитивно знал, что лучше всего быть самим собой даже больше, чем обычно.

Коди и я проводили много времени в *Волшебном Театре* и нескольких других барах, куда Коди мог обеспечить доступ благодаря его очарованию, напиваясь почти до одури, делая записи в блокнотах, не говоря почти ни слова. Подобно собаке Павлова, у которой слюна появлялась при звонке колокольчика, меня вело уже от стакана обычного утреннего апельсинового сока, так как количество *отверток, выпитых мной было бессчетным. Коди, пьяный, часто думал, что все во вселенной довольно хорошо расставлено по своим местам. Каждый знакомый, с которым он случайно пересекался, — а Коди сталкивался с людьми, которых знал, повсюду, ежедневно, — становился поводом для празднования. Он *знал*, что увидит их, это предначертано судьбой. И разговор немедленно приобретал важность, хотя собеседник мог и не осознавать значимость, или вообще тему. Коди проводил с ними несколько напряженных минут, а затем, возможно, предлагал выпить, или просто уходил заняться кем-то другим, пока и этот ему не наскучивал. Тем не менее, даже в таком состоянии Коди, казалось, постоянно удивлялся людям и миру. Пьяный или нет, он мог быть таким обезоруживающе честным, таким беззастенчиво искренним, интеллигентным в своем прилежном паломничестве, что я не мог не задаться вопросом, не сведет ли он себя с ума от собственной тоски.**

* **Screwdriver**: 1/3 водки , 2/3 апельсинового сока, лимонный сок, лёд.

Как много вечеров и часов уже рано утром я провел с Коди в барах и между, иногда наслаждаясь его компанией, но часто ошеломленно шатаясь по городским улицам и пытаясь разобраться в нахлынувшем шквале эмоций, часто сторонним наблюдателем в стычках Коди с друзьями. Я видел, как это случается снова и снова: те моменты ночью, когда энергия разлетается во тьме от одного к другому, в одну минуту проделывая этот путь, а в следующий момент уже расходится от них, меняя направление, а секунду спустя эта электрика пространства разрушается, когда тела соприкасаются в объятиях. Я стою и улыбаюсь, когда энергия, подобно блуждающему огоньку, рассеивается, разделяется, и этот статический гул Коди окутывает меня, чтобы перенести его на следующую встречу.

Можно ведь объять образ, пока он не разлетится на части, можно привязать друга к своему сердцу в надежде, что он и остановит кровотечение. Иногда я чувствовал себя беспомощным, потому что чувствовал те же когти, что и разрывающие изнутри Коди, мог почти слышать, как он в конце концов взывает ко мне. Крик, подобный лезвию бритвы, «спаси меня», - как кричат маленькие дети, когда собака слишком большая и совсем не дружелюбная. Это был ужас, который гнал нас всю ночь, пока Коди не уставал настолько, что я находил его прислонившимся к стене переулка по нужде. Я тогда ждал на углу, откашливался,

уставившись на маленькую нитку крови, красную струйку сознания, в моей слюне, - след оставленный на тротуаре — Килрой был здесь*.

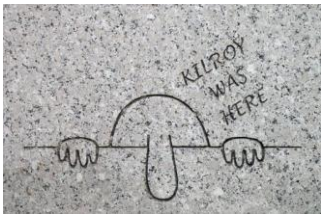
Наконец, рано утром мы нашли единственный ресторан, открытый до пяти, которым управлял итальянец, и специализировавшийся на морепродуктах и пицце. В меню было несколько необычных блюд из головоногих, таких как тофу из кальмара и «осьминог, в собственном соку», что всегда казалось мне подходящим для Уильяма Ф. Бакли-младшего или Патрика Бьюкенена***.**

Коди и я часто проводили более часа в этом ресторане, фиксируя в блокнотах какие-то безумства:

Когда ввергаешь себя приступу мыслей, постигаешь искусство материальности выражения — бисер Гессе*.**

Даже Милашка Эмили выставляет это на обозрение.

*



граффити огромной популярности в англоязычных странах Запада в период с начала 1940-х по конец 1950-х годов.

** **William F. Buckley, Jr**. - американский писатель и политический обозреватель, основатель правоконсервативного журнала National Review. В середине 20 века оголтелый правоконсерватор, очень упертый в своем острорелигиозном мировоззрении.

*** **Patrick Buchanan** - американский политик и публицист, в 1969–2000 годах — идеолог фундаментально консервативной фракции Республиканской партии.

**** отсылка к роману Г. Гессе *Игра в бисер (1943)*

Часто мы выбирали в меню что-то под названием Причудливая Пицца, ингредиенты которой зависели "от чувство юмора повара". Чувство юмора нашего повара часто базировалось на черных оливках, зеленом перце, ананасе и тунце, но нас все равно устраивала эта композиция, мы делали отметки в блокнотах, не говорили много, и, наконец, спрашивали официанта, можем ли мы заплатить. К нашему удивлению, он соглашался, заявлял, да, можем, но мы никогда не теряли надежды, что когда-нибудь раздастся возглас:

- Нет! Конечно, нет!

Из-за подобных экскурсий я оставался без гроша, потому что предпочитал это, чем позволить Коди постоянно платить за меня, что он сделал бы без колебаний. Иногда мы просматривали *местную газету* на предмет анонсов и тому подобного, но в городе редко происходило что-то интересное, и я часто чувствовал, что эти просмотры были важны не столько для того, чтобы предоставить возможность чем-то заняться, сколько были поводом собраться вместе.

Начиналось обычно так:

- Хочешь посмотреть постановку *Тартюфа в университете?**

- Конечно, но сначала выпьем.

И прежде чем вообще осознали, уже полностью забыли о *Тартюфе*, поскольку наслаждались

* **Тартю́ф, или Обма́нщик** — комедийная пьеса Мольера, написанная в 1664 году. Пьеса широко ставилась на сценах театров по всему миру и в репертуаре до нашего времени.

нашим вечером вместе, вечером, который для других выглядел как «ну, мы начали с того, чтобы посмотреть *Тартюфа*...»
- О, да, я собирался это посмотреть.
- ...но мы немного выпили, и у нас ничего не получилось.
Такая потеря для бедного исполнительского искусства.

Часто я возвращался домой пьяным уже в проблесках рассвета и вытягивал Марка из комнаты Фредди, стараясь не разбудить того. Марк не возражал против этих вторжений в его сон, потому что это предоставляло нам одну из немногих возможностей побыть вместе в постели. Солнце вставало, мы падали в постель и обнимались, плоть соприкасалась с плотью в чем-то, похожем на страсть, в чем-то вроде утешения. Секса, конечно. Секс успокаивал разум, просто мыслью, да, у меня есть друг, этот потрясающий молодой друг, который готов позволять мне касаться его тела любым способом, каким я хочу, исследовать и открывать новые способы любить его. Меня всегда поражал этот красавчик, этот безумный, искренний красавчик в моей постели, который не был в какой-то другой постели, который любил меня. Часто это было чем-то вроде ослепления, так думаю, потому что часто уже светало, когда мы занимались любовью.
Я всегда вспоминал о фотографиях, которые проявляют в темной комнате, об изображении, медленно появляющемся в белом пространстве,

о юго-западном Висконсине в эпоху плейстоцена, все эти айсберги до горизонта, ожидающие, когда земля прорастет сквозь них: так Марк и я безрассудно обнимаемся в геофизическом романе. Это никогда не казалось завершенным, и часто заканчивалось плохо; но дайте мне следующую ночь и три стаканчика, и я готов повторить танец. Коди, готов он к тому или нет, прокладывал путь, не понимая, что он когда-либо был здесь раньше. Марк же видел меня насквозь. После моей ночи с Коди и ночи Марка с Фредди, Марк и я провели ночь друг с другом: сладкие моменты неверия, что я люблю его, и он тоже любит меня. По мере того, как прошел год, наше время вместе, наше время в постели сложились в нашу же историю взаимопонимания, я достиг точки, когда почувствовал, что не могу без него. Марк заставил меня почувствовать, что влюбиться в него безопасно.
Мама и Фредди также не были слепы к переменам во мне. Они мало говорили, и большая часть сказанного была некритичной, но я мог видеть, что они обеспокоены, особенно участившимися пропусками занятий в школе. Думаю, мама скорее была склонна вмешаться, если бы у нее не было так много собственных проблем.

Одним из преимуществ напиваться с Коди было то, что становилось возможно обсуждать с ним вещи, которых трудно касаться трезвыми. Самой важной из этих тем, конечно, было то,

что я чувствовал по отношению к нему. Так вышло, что Коди сам поднял эту тему, когда мы сидели на поребрике возле *Волшебного Театра*.

- Ты когда-нибудь чувствовал, что хочешь заняться со мной любовью? — спросил Коди. Мы обсуждали, как кто-то в Фейетвилле* обнаружил, что имя *Рональда Уилсона Рейгана* — это анаграмма *Безумного Английского Воителя*.

Я почувствовал, как страх пронзает меня, вероятно, похожий на тот, который чувствует сбежавший заключенный, когда слышит рявкающий мегафон:

- Выходите с поднятыми руками; вы окружены.

- Почему ты спрашиваешь меня об этом? — медленно, как можно спокойнее, ответил я.

- Я объясню через минуту, но сначала ответь на мой вопрос.

Я пожал плечами, пытаясь выглядеть непринужденно:

- Ну, я занимался с тобой любовью во сне несколько раз.

- В моих я тоже, — сказал Коди.

Я поймал его взгляд, его веселую ухмылку, задаваясь вопросом, к чему он клонит, почему ведь он поднял эту тему. Я мог бы назвать одну причину, которая сделала бы меня очень счастливым, но не собирался делать поспешных выводов.

- А что насчет того, когда не спишь? — спросил Коди. - Как насчет этого

* **Fayetteville** - город в округе Вашингтон, Арканзас. Население ок. 91 тыс. человек. Основан в 1870г.

прямо сейчас?
Это, конечно, меняло перспективу.
Я окинул взглядом парковку и решил, что к черту все это, я скажу ему все, что он хочет знать.
- Конечно, Коди, я бы хотел заняться с тобой любовью. Я имею в виду, ты уже мой лучший друг, и я счастлив просто дружить с тобой. Но есть и еще причина. Мне нравится быть рядом с тобой. Мне нравится сейчас вот так сидеть здесь рядом с тобой, и мне нравится, когда ты спишь вместе со мной. Для меня это почти как будто мы уже занимаемся любовью, потому что мы настолько близки. Но иногда я думаю о сексе с тобой, и мне хотелось бы попробовать.
- Тогда, когда я ночевал у тебя — почему ты не делал попыток?
- А что, если бы тебя это оттолкнуло или еще что-то в этом роде? Как я мог рисковать? Кроме того, ты был пьян в прошлый раз, и, полагаю, это было бы злоупотреблением тогда.
- Да... понимаю. Спасибо.
- Ну, я ответил на твой вопрос. Так что ты собирался объяснять?
Коди вздохнул.
- Это сложно. Видишь ли... я никогда не думал много о сексе с парнем, пока не появился ты. Но как только мы встретились, я интуитивно понял о тебе многое, и одна из таких вещей, была в том, что ты... был заинтересован во мне физически.
Я начал протестовать, но Коди

остановил меня.
- Все нормально, ты это уже сказал, именно поэтому я хотел, чтобы ты признал, прежде чем я расскажу, чтобы не было никакой ерунды. Теперь послушай. Я мечтал заняться с тобой любовью, и в мечтах мне это очень понравилось. Я люблю тебя, Троцкий, и когда проявляю нежность с тобой, это потому, что люблю тебя и потому, что хочу доставить тебе удовольствие. Но мне всегда нравились девушки, так что все это для меня в новинку. Думаю, я мог бы получить удовольствие от секса с тобой, но я никогда не смогу чувствовать то, что чувствуешь ты. И это кажется несправедливым. Я имею в виду, что не выдержал, если бы наши отношения стали настолько односторонними. Я всегда хочу давать тебе столько же, сколько ты даешь мне, и меня пугает мысль, что, возможно, я не смогу удовлетворить тебя.
Возникла пауза, - для ответа. Я молчал, поэтому Коди продолжил:
- Просто не хотелось обманывать тебя. Я беспокоился последние пару дней, что мои постоянные прикосновения к тебе могут заставить задуматься, не гей ли я. Ты заставляешь меня сожалеть об этом, но я не могу ничего изменить. Мне жаль.
Последовала еще одна пауза, но на этот раз мне было что сказать.
- Ты единственный человек, который когда-либо извинялся передо мной за то, что натурал, — сказал я ему. - Если хочешь знать правду, за всю свою жизнь я занимался

сексом только с одним человеком, так что я не знаю так уж много о том, что мне больше всего нравится. Но я пробовал с девушками раньше, и никогда не получалось. Влечения просто нет.
- Не имеет большого значения, — заверил меня Коди.
Я принял его заключение с улыбкой. И не мог не думать, что он, вероятно, ошибается. Это не должно иметь большого значения, - это *определенно* так. К сожалению, я был уверен, что именно так все и будет.
Коди встал, затем протянул руку, чтобы помочь мне подняться. Мы вернулись в бар, готовые к новому заходу.

Глава десятая

Я почти не видел Сару или Флиппинга после аварии. Сара все еще была в больнице, где достаточно ясно дала понять, что особо не хочет никого видеть. Она очень тяжело перенесла смерть Кристиана. Я в любом случае ненавидел больницы и был у нее всего один раз. И Сара сказала, что позвонит мне, когда ее выпишут.
Флиппинг не был в школе в течение двух недель после аварии. А потом, не сказав ни Коди, ни мне ни слова, съехал из Лофта, бросил школу и отправился на ранчо к родителями. Я видел его редко, но

достаточно, чтобы понять, что он переживает трудный период.
Однажды родители Флиппинга позвонили мне с вопросами, не видел ли я его. Я его не видел, но позже узнал, что Флиппинг несколько дней провел в походе близ реки Лафев*. Потом он сказал Коди, что ему нужно было какое-то время наедине с собой, подумать.
Всякий раз, при встрече с нами, Флиппинг казался очень странным. Курил травы гораздо больше, чем раньше, и нам часто было трудно понять, о чем он вообще говорит. Иногда я ловил его взгляд с самым пустым выражением на лице, какое только можно себе представить. Я не мог долго смотреть ему в глаза — боль рвалась изнутри и захлестывала меня.
Тем не менее, Фиппинг мог быть довольно энергичным и время от времени очень интересным. Есть краткая стадия опыта с марихуаной, когда все складывается, когда становишься кем-то другим, кем-то, кто отлично выдает идеальные комментарии, чтобы вызвать внезапный смех. Флиппингу иногда удавалось это вернуть, но что никогда не длилось всю ночь, в конечном итоге оставляя его еще более подавленным, чем когда-либо. Я видел, что Коди расстраивается, что так трудно разговаривать с Флиппингом, так трудно быть рядом. Наконец, в момент раздражения, Коди обвинил его в том, что

* **Fourche La Fave River** - приток реки Арканзас длиной около 151 мили в западном Арканзасе.

тот предпочел наркотики людям. Флиппинг, долго молчал, потом тихо встал и ушел.

Однажды на выходных я решил навестить Флиппинга. Но прежде чем понял, что происходит, я уже согласился взять Коди, Фредди и Марка с собой. На самом деле я хотел увидеться с Флиппингом один, но оказалось даже хорошо, что у меня была компания.
Когда мы приехали, мистер Беннинг сказал нам, что Флиппинг где-то по каким-то поручениям, но вернётся примерно через два часа. Казалось, ждать придется долго, но мистер Беннинг предложил нам оседлать лошадей для прогулки, и эта идея сразу понравилась Фредди и Марку.
Здесь все еще было только три лошади, снаряженных для верховой езды, поэтому Марк поехал с Фредди, а затем пересел ко мне. У Фредди возникли некоторые проблемы с восстановлением навыков. Он ездил со мной верхом всего несколько раз в Небраске, и этот опыт уже стал давнишним. В любом случае, Фредди решил, что справится лучше один, - оно так и вышло. Он был на черном жеребце, на котором я выезжал в прошлый раз, поэтому я знал, что это хорошая, ручная лошадь. Коди снова взял паломино, а мне досталась упрямая пегая кобыла.
Марк никогда раньше не ездил верхом, поэтому, когда он перебрался ко мне в седло, я передал ему поводья, а затем за пять минут рассказал ему все, что знал о

верховой езде. Я старался держать лошадь на шагу, пока Марк не привык к седлу. Кобыла была не особенно послушной, желая перейти в рысь, но в конце концов я заставил ее делать то, что хотел. Когда лошадь стала чуть более послушной, я смог больше сосредоточиться на Марке. Сегодня мы мало общались.

Поскольку солнце было не по сезону жарким, и мы оба давно вспотели, я чувствовал, как влага со спины Марка пропитала обе рубашки и смешивалась с влагой на моей груди. Коричневая рубашка, натянувшаяся на лопатках, заправленная в джинсы, подчеркивала его стройную фигуру.

Когда мы добрались до более-менее ровной местности, я взял у Марка поводья и немедленно пустил лошадь в галоп, а затем рысью — то, что она особенно любила (проблема была лишь в том, чтобы заставить ее остановиться). Перед моим лицом, чуть ниже носа, волосы Марка поднимались и ниспадали в ослепительных отблесках солнечных лучей, демонстрируя и его прекрасную шею, попадавшую в поле зрения каждый третий удар копыт. Когда мы достаточно далеко удалились от Коди и Фредди, я одной рукой держал поводья, а другой обнял Марка, улавливая мягкий, где-то уже мужской запах, который чувствовался и раньше, но вместе с тем уникальный, индивидуальный, появляющийся, когда Марк разгорячится. Я вернул лошадь к шагу, затем передал Марку поводья, быстро поцеловав его

чуть ниже уха, прежде чем Коди и Фредди догнали нас, требуя объяснений, какого черта мы делаем и куда, черт возьми, направляемся.
Через три с половиной часа Флиппинг не появился. Мистер Беннинг извинялся в смешанных чувствах гнева и беспокойства. Коди заверил его, что мы все понимаем и все благодарны ему за возможность покататься на лошадях, затем мы вернулись к моей машине и поехали по шоссе, которое все еще вызывало озноб.

Маме стали приходить очень неприятные письма и некоторые из них содержали угрозы, направленные уже не только в отношении нее, но даже Фредди и меня. Полиция, конечно, была уведомлена, но, что неприятно удивляло, они не слишком хотели расследовать это дело.
Однажды я вернулся домой из школы и обнаружил группу евангелистов, разбивших лагерь прямо перед домом, протестуя против нашей «нечестивой» семьи. Сначала мне это показалось даже забавным, но вскоре стало раздражать. Если бы они довольствовались плакатами и не шумели, все было бы не так уж плохо. Однако ближе к вечеру они начали распевать гимны, топая и хлопая в ладоши. Один или двое даже начали говорить на каких-то иных языках, после чего чопорная старушка трубным голосом извергла «толкование», в котором «Бог» призывал свой народ избавить землю его от чумы.

Я предположил, что этим их богом был Иегова, а они считали себя его народом, Арканзас — его землей, а Троттингем-Тейлоры, очевидные нечестивцы, были чумой. Я недолго понаблюдал за ними через занавеску в комнате Фредди, прежде чем заняться домашними заданиями.
Со всеми их изобличениями именно они оказались настоящей напастью, из-за чего я не мог сосредоточиться на уроках. К счастью, у нас были соседи, которые довольно скоро позвонили в полицию. После часа споров с копами христиане разошлись.
- Ты не думала о переезде? — спросил я у мамы позже вечером.
- Ты имеешь в виду сбежать? — тут же в ответ спросила она меня.
- Нет. Я имею в виду переезд.
- Тебе здесь не нравится?
- Дело не в этом, просто я устал от всех этих хлопот.
- Ну... — медленно проговорила она, — если это станет слишком уже, скажи мне, и мы что-нибудь придумаем. Я не отступлю. Я права, и не уеду и не позволю победить той стороне. Но я, конечно, думала о тебе и Фредди. Тебе не следует проходить через все это, потому что это не твоя битва. Я звонила твоей тете Лилиан в Милуоки и разговаривала с Байерами в Линкольне. Вы с Фредди можете остаться на ваш выбор, пока все это не закончится — только скажи.
- Я никогда бы не вернулся в Линкольн. И не оставил бы тебя здесь одну, ты же знаешь.

К тому же, я считаю, что ты поступаешь правильно. Мне просто кажется, что эти люди могут навредить нам, если захотят, и некоторые из них ведут себя так, будто действительно хотят.
Она некоторое время молчала.
- Это забавно, — сказала она, - это ведь один из беднейших штатов в стране, штат, жители которого больше всего выиграли бы от экономической политики, в которую я верю, но они видят во мне врага. Я думаю, что все это связано с каким-то заблуждением, что социалисты имеют антихристианскую направленность.
То есть можно заставить их работать сверхурочно и платить им ровно столько, чтобы выжить, можно забрать их сыновей и отправить куда-то далеко на смерть, чтобы транснациональные корпорации могли получить большую прибыль... но нельзя как-то затрагивать их религию.
- Мощное зелье, — согласился я.
- Больше похоже на амилнитрит*. Кажется, это делает их глупыми и убивает каждую мозговую клетку, дарованную им Богом. Я не сдамся, Троцкий. Думаю, у Арканзаса может быть более светлое будущее, чем у многих других таких мест. Люди здесь обладают некоторыми качествами, необходимыми обществу. Они трудолюбивы, и многие из них готовы помогать друг другу.
- Знаешь, в тот день, когда мы с Коди пришли на твою лекцию, я действительно был

* попперс

горд.
Все сидел там и думал, как вы с папой оба посвятили свои жизни человечеству, и что такого рода бескорыстие — именно то, что я больше всего ценю в людях.
- Не переоценивай меня, Троцкий. Твой отец был преданным служению человечеству, гуманизму. Я же просто старалась делать свою работу и оказалась на первой полосе.
- Но ты придерживаешься всех этих правильных ценностей, какие у тебя есть. Ты помогаешь человечеству каждый день, просто *продумывая* свои действия. А я, когда думаю о других людях, которые могли бы меня воспитать, удивляюсь, почему мне повезло иметь таких родителей.
Я имею в виду, что я даже никогда не знал папу, но его жизнь была настолько особенной, что одна лишь *легенда* о моем отце стала для меня путеводной силой. И я бы предпочел именно такую легенду об отце, чем любого из этих верблюдов из плоти и крови, живущих своей лицемерной жизнью.
Мама рассмеялась.
- Кого ты читал? Ницше* или Сартра?**
- Ладно, ладно, это своего рода смесь метафор! Но ты же поняла о чем я?
- Конечно. И мне приятно слышать, что ты так хорошо отзываешься о своих родителях.
Я почувствовал смущение, но представилось, что она тоже.

* **Фридрих Ницше** (1844-1900) - немецкий философ, оказавший колоссальное влияние на весь 20 век.
** **Жан-Поль Сартр** (1905-1980) - французский философ-экзистенциалист, представитель атеистического экзистенциализма.

- На самом деле я читал Бердяева*.
- А! Тот русский, который считал, что природа переоценена. Николай Бердяев, — не встречала его имени со времен колледжа. Удивлена, что ты о нем знаешь.
- Это вышло довольно случайно. Я просматривал книгу философов-экзистенциалистов, и что-то из Бердяева о свободе воли привлекло мое внимание.
- Помнишь, что это было?
- Да, это было что-то о том, что свобода воли традиционно - источник порабощения человека. Человеку говорят, что у него есть свобода воли, но если он не использует ее в выборе «добра», он будет наказан. Бердяев же считал, что свобода может вести как ко злу, так и к добру. Я помню из него, что моральная жизнь — это трагедия, и это делает этику философией трагедии. Меня изумило, как это похоже по тематике на разговоры об Абраксасе у Гессе в *Демиане*! Абраксасе***, который является богом, охватывающим как добро, так и зло.**
- Возможно поклоняться такому богу?
- Нет, зло и декаданс никогда меня не привлекали.

* **Николай Бердяев** (1874-1948) - русский религиозный и политический философ, социолог; представитель русского экзистенциализма и персонализма. Полагал свободу первостихией, некоей первосущностью.
** **Demin** (1919) - роман Г.Гессе. В 1960г. к роману добавлен пролог.
*** **Abraxas** (более ранняя форма **Абрасакс** (греч. Ἀβρασάξ) — гностическое космологическое божество, высший бог или совокупность мировых духов по учению последователей гностика 2 века н.э Басилида. На резных камнях (абраксовые геммы-амулеты) изображался в виде египетских зооморфных божеств, иногда мифических существ с человеческим туловищем и руками, петушиной головой и двумя змеями вместо ног.

Привлекают честность и невинность, что довольно старомодно с моей стороны, понимаю, но именно в этом и заключаются мои предпочтения. С другой стороны, я никогда не смогу принять бога, который дает своим созданиям свободу воли только для того, чтобы наказать тех, кто не выбирает «правильный» путь. Если бог предоставляет широкий спектр выбора, он должен уважать всякий.

Это не тот способ, которым я бы обустраивал мир, но с каким бы богом мы ни имели дело, если предположить, что он вообще есть, он создал чертовски разнообразный спектр вариантов образа жизни, различные стимулы, вызывающие различные же реакции, причинно-следственную страну чудес для того, кто любит изучать возможности. Я думаю, это должен быть наш бог.

- Звучит так, как будто ты довольно хорошо это продумал.

- Как же возможно не думать об этом? Это единственное, о чем я и думал последние два года: *какого черта я здесь*?

- Ты когда-нибудь обвинял меня в том, что я тебя сюда привела?

- Ну, нет. Но раньше задавался вопросом, что ты могла бы и подумать. Неужели мир представлялся настолько лучше восемнадцать лет назад, что ты думала, он мне может понравиться? Тебе настолько все там нравилось, что ты сочла великодушным поделиться с кем-то еще?

- В некотором смысле. И родители тоже

эгоистичны. Они заводят детей просто потому, что хотят их. Чувствуешь себя более важным, когда рядом есть кто-то, кто действительно в тебе нуждается, кто-то, на кого ты можешь влиять и контролировать очень непосредственно.
- Мне трудно поверить, что для тебя это было именно так.
- Не обманывай себя, частью так и было. Но ты прав, главная причина, по которой я тебя родила, - это твой отец. Он отчаянно хотел детей, так что, полагаю, вопрос в том, о чем думал *он*. Но твой отец был в некотором смысле оптимистом, который, вероятно, полагал, что тебе понравится. И если бы он был рядом, может быть, так бы и было.
- Все не так уж плохо.
- Ты слишком беспокоишься о моих чувствах. Это не так сильно ранит меня, как тебе может представляться.
- А как насчет Фредди? О чем ты тогда думала?
- Что касается Фредди, я просто полагала, что у тебя должен быть брат или сестра, кто-то, с кем можно вместе расти, - здесь она замолчала. - Хотя, нет, не совсем так. По правде говоря, это было почти насилие. С отцом Фредди мы были почти на грани разрыва, а потом я внезапно снова забеременела. Не хотела, но я забеременела. Я раздумывала об аборте, но, хотя и всегда поддерживала право женщины делать этот выбор, не смогла сделать его сама. Это был сартровский выбор, если вообще был...

Я так долго откладывала решение, что в конце концов стало слишком поздно, и выбор состоялся без меня.
- Ну, я рад, что есть Фредди.
Мама улыбнулась.
- Он *совершенно* особенный.
Повисла пауза, пока я не сказал:
- Было бы жестоко приводить в этот мир ребенка сейчас, при таком положении вещей.
- Не похоже, что у меня будут внуки.
- Нет. Я не знаю. Я так не думаю.
Опять тишина.
Понятно, если судить по маме, что она собралась задать мне несколько вопросов и смотрела на меня, ожидая разрешения задать их. Что-то в моих глазах, видимо, предоставило разрешение.
- Коди — твой любовник, да, Троцкий?
Мое сердце чуть не выпрыгнуло от вопроса подобной прямоты, но я постарался сохранять спокойствие, отвечая.
- Я всегда хотел, чтобы это было правдой. И он даже говорил мне, что *сам* хотел бы, чтобы это было правдой. Но нет, его пристрастия не таковы. Коди - натурал.
Мама поморщилась.
- Извини, просто все эти ярлыки, которые люди навешивают на чувства, заставляют вздрагивать. Когда ты говоришь: "Коди - натурал", это звучит так, будто он либо умер, либо предпочитает какую-то формальную одежду.
- Я понимаю, что ты подразумеваешь. Я тоже не в восторге от полярных ярлыков.

- Избавляйся от них. Это же всего лишь слова.
- Я стараюсь изо всех сил.
- Как ты думаешь, эта разница между тобой и Коди имеет какое-то отношение к свободе воли?
В этот раз я даже засмеялся.
- Вроде выбора цвета волос? Ты наверняка знаешь по собственному опыту, что это не так.
- Я думаю, что у некоторых людей есть некоторая свобода воли в выборе сексуальных предпочтений. Вот почему эти люди и называют их «предпочтениями». Но ты прав, — я думаю, что для большинства это сводится к вопросу выбора действовать в соответствии со своими сексуальными влечениями, выбора быть собой.
Вдруг позади меня раздался грохот, и кирпич пролетел мимо моей головы, сбивая лампу со столика. Я услышал визг шин быстро уезжавшей машины. Во внезапной тишине мы сидели и смотрели на кирпич, лежавший на ковре.
Я встал и поднял его. На одной стороне было нацарапано: «Сжечь коммунистов». Не показывая надпись маме, я отнес его в гараж, бросил в мусорный бак. Затем взял несколько листов пластика и катушку прочной клейкой ленты и вышел на улицу, - посмотреть, что можно сделать с окном на ночь.
Я начал с нетерпением ждать субботних вечеров как кульминации недели, потому что

суббота всегда означала, что Марк будет у Фредди, а потом и в моей постели. В субботу, на той неделе, когда нам разбили окно, я проснулся около полудня и увидел Фредди с Марком осторожно пробирающихся ко мне в комнату. Фредди держал в руках какое-то маленькое существо с длинными, острыми ушами.

- Это кролик, — сказал он.

На мгновение представил себя в родильном отделении, только что были роды, и, вот, медсестра входит, держит на руках маленького, пушистого зверька, довольно весело объявляя: «Это кролик!»

- Я вижу, что это кролик, — сказал я Фредди. - Но что он здесь делает?

- Его поймал пес Марка, но мы отобрали кролика у него, прежде чем он его прикончил. Я собираюсь отнести его в гараж и посмотреть, смогу ли я как-то выходить его.

Они ушли, оставив меня наедине с моим дурным настроением.

Жаль, что кто-то вообще будил меня в любом случае. Я был, конечно, сказочным брюзгой. И Фредди это знал. Очевидно, он не разбудил бы меня, если бы не думал, что это что-то важное или что-то очень особенное. Я уверен, что теперь он жалел. Ну и я виноват — надо было быть мягче.

Буквально сразу появился Коди. Я слышал, как Фредди предупредил его, что я, вероятно, еще сплю, а затем спросил, что мы собираемся делать сегодня.

- Не знаю, — ответил ему Коди. — Я думал, посмотрим, есть ли у Троцкого какие-нибудь идеи.
- Звучит довольно оптимистично, — саркастически бросил Фредди, когда Коди открыл дверь в мою комнату.
- Что с Фредди? — спросил Коди. - Я первый раз слышу, что он нападает на тебя.
- О... неважно. В чем дело?
- Только не ты, друган! Собираешься лежать так весь день или как?
- Да, ну, может, если ты отвернешься или что-то в этом роде, я, тогда встану?
- Отвернешься? Да я вижу тебя каждый день в душевой спортзала, что ты имеешь в виду, когда говоришь «отвернешься»?
- Это, типа, спор или что? *Просто отвернись!*
Вместо этого Коди просто уставился на меня, ухмыляясь. Затем он попытался сбросить с меня одеяло, но я вцепился в него изо всех сил.
- Кто тебе снился? — спросил он.
- Думаешь, я скажу «ты», да?
Коди не ответил, но, по крайней мере, отказался от попыток сбросить с меня одеяло.
- Мне просто нужно в туалет. Это стояк в связи с этим, ясно? Но неважно, ты можешь смотреть, если хочешь. Если нет, то просто поверни голову.
Я встал и начал рыться в шкафу в поисках чистых джинсов. Определенно, пора стираться. Просовывая ноги в штанину

джинсов, которые носил только тогда, когда все остальные были уже слишком грязными, я услышал, как Коди щелкнул клавишой стереосистемы позади меня.
- Давай поиграем в теннис, — предложил он.
- Я не знал, что ты играешь.
- Не очень. А ты?
- Нет, тоже не очень.
- У тебя две ракетки?
- Да, но давно ими не пользовался, так что не знаю, в каком они состоянии.
- Я уверен, что они так же готовы, как и мы.
- Действительно! Мне бы не хотелось, чтобы мое снаряжение оказалось в чем-то лучше меня!

День был холодным, но, по крайней мере, не было ветра. Мы много времени провели, гоняя мячи, и у меня возникли проблемы с джинсами, слишком свободными, но заворачивающимися вокруг ног и сползающими сзади, вместе с трусами.
- Поменяемся сторонами после первого сета? — спросил Коди.
- Да. После всех этих странных игр.
- Ну, это была определенно странная игра. Я выиграл, всухую, только потому, что Коди допустил двойную ошибку четыре раза подряд. Моя подача была немного лучше, и у нас даже было несколько энергичных прострелов. Затем Коди улучшил свою подачу, и остальная часть сета прошла довольно прилично. Игра напоминала мне этапы наших отношений.

Мы действительно нашли общий язык, но теперь казалось, просто реагируем на обстоятельства, больше всего радуясь, когда мяч на противоположной стороне.
Наш матч был остановлен во втором сете сильным дождём. Сначала, когда только-только накрапывало, мы продолжали играть. Но вдруг начался ливень и основательно вымочил нас, прежде чем мы успели добраться до машины Коди. Капли были такими крупными, что очень неприятно, почти больно, били по лицу.
- Свински сильный дождь! — крикнул Коди, когда мы захлопнули двери в наше убежище.
Он выглядел очень симпатично, хотя и раскраснелся от игры и бега к машине: влажные от пота и дождя волосы сбились, прикрывая прядями лицо. Глаза, казалось, искрились, идеальные зубы ярко поблескивали.
- Каково это — выглядеть как ты? — спросил я.
Он замер на мгновение от удивления, затем нажал на клаксон, резко ударив по рулю.
- Не знаю. Я имею в виду, думаю, что уже сформировал свою личность к тому времени, как до меня дошло, что я красивый.
- Да, но теперь, когда ты смотришь в зеркало и видишь это невероятно привлекательное лицо, смотрящее на тебя, что ты чувствуешь?
Коди улыбнулся.
- Троцкий, я думаю, что это лицо вызывает у тебя больше эмоций, чем у меня.

Я просто думаю об этом как об очень особом даре, для которого ничего не сделал в этой жизни, чтобы заслужить, и это заставляет меня задуматься, может быть, в какой-то другой жизни.., - остановившись на минуту, он продолжил с иной мыслью. - Но каждый дар несет и ответственность. У меня есть сила, с моей внешностью, делать людей очень несчастными, поэтому нужно быть осторожным.
- Думаю, ты нормально справляешься.
По взгляду, который Коди отправил мне, я понял, что ситуация быстро изменится, и скоро уже меня будут допрашивать.
- А как это для тебя, Троцкий, быть моим другом, но хотеть большего? Когда ты смотришь на меня, ты становишься счастливым или несчастным?
Я перевел взгляд на лужи, образовавшиеся на теннисной площадке.
- Нет ни одного лица в мире, которое я предпочел бы.
- Может, мне повторить вопрос?
Я вздохнул, откинул мокрые волосы со лба. Дождь стихал.
- Какой-то мелко блошиный дождь, — сказал я.
Коди завел машину.

Вернувшись домой, стало понятно, насколько мокрой была наша одежда, и спросил Коди, не хочет ли он переодеться.
- Нет, твоя мама разожгла камин. Все быстро высохнет.
Мне же не терпелось вылезти из своих,

ставших неприятно скользкими джинсов, поэтому я ответил:
- Ну, извините, я, пожалуй, пойду переоденусь во что-нибудь менее облегающее.
Марк, который был в комнате Фредди, зашел ко мне, когда я переодевался.
- Как там кролик? — спросил я.
- Умер.
- Ой..
Марк наблюдал, как я расстегивал джинсы.
- Мама хотела, чтобы мы с Фредди остались сегодня у нас, — сказал он.
Я как раз снимал джинсы, но остановился, с одной ногой внутри, а другой снаружи, и посмотрел на него в ужасе.
- Почему? Ты же не хочешь, да?
- Нет, не волнуйся, все уже ОК. Она подумала, что ваш дом стал слишком опасен, потому что от соседа услышала о разбитом окне. Но я объяснил ей, что Фредди и я всегда играли в его хоккей, а было бы не так весело, если бы мы не могли это делать.
- Хорошая мысль. Спасибо большое.
Я стоял лишь в трусах, и Марк подошел, чтобы приятно обнять меня перед тем, как уйти.
- Увидимся вечером, — сказал он.
Я смотрел ему вслед. Он закрыл дверь.
Мы с Коди подумывали пойти выпить, но не нашли ни эту ни какую-либо другую идею стоившими того. Кроме того, мне было не по себе от мысли, что я уйду и оставлю маму с Фредди одних. Так что, мы сели играть в хоккей с Фредди и Марком, соглашаясь

считать это, вероятно, лучшим способом провести вечер. Игру мы перенесли в мою комнату, чтобы можно было слушать стерео, и почти сразу Фредди попросил меня составить план кругового турнира. Это было достаточно просто: если бы мы сыграли друг с другом дважды, это был бы достойный турнир, и мы, скорее всего, устали бы от хоккея к тому времени, как закончили.

Причин, по которым я никогда не забуду этот вечер, довольно много, а одно из самых приятных воспоминаний: мы вчетвером в моей комнате играем в хоккей. Я помню, когда вдруг зазвучала песня Игги Попа *Жажда жизни, игра остановилась, и все подпевали словам. Помню, как Коди подмигнул мне, когда пел строчку о «чем-то, что называется любовью», и Марк каким-то образом изменил голос, чтобы привлечь мое внимание к словам о том, что "это уже касалось уха".**

Ни у кого из нас не было особых способностей в плане пения, но это был один из тех моментов, когда магия проникает в обыденность, странным образом оживляя ее. Коди спросил, может ли он остаться на ночь, и хотя я с нетерпением ждал возможности утащить Марка из кровати Фредди, но Коди отказать не мог.

Было уже поздно, прежде чем кто-либо из нас вообще лег спать, потому что после того, как Фредди и я, наконец, завершили долгую, изнурительную битву на победителя-чемпиона, мы все переместились в гостиную и

* **Lust for Life** - с одноименного альбома 1977г. Записан с Дэвидом Боуи.

рассказывали там истории из своего прошлого. Не уверен точно, насколько долго мы увлеклись этим, но я положил в камин увесистое полено, когда мы только пришли в гостиную, а к тому времени, когда ушли, оно почти превратилось в пепел.
- Это был хороший вечер, — сказал Коди позже у меня в комнате. - Эти двое — вообще нечто.
- С ними весело, — согласился я.
- Да, хотелось бы всегда иметь столько веселья бесплатно.
Я начал раздеваться, пока Коди просматривал мою коллекцию кассет, чтобы найти идеальную музыку, под которую можно заснуть. Он взъерошил мне волосы, когда я сидел на краю кровати, снимая носки, а затем, когда я забрался под одеяло, раздеваться начал Коди. Он выключил свет и заполз ко мне. Мы оба лежали на спине, заложив руки за голову, разглядывая потолок. Полагаю, это могло бы стать интересным фото, но в то время мои мысли метались между Коди и Марком, в догадках, о чем думает Коди, и лежит ли Марк без сна в ожидании меня. Можно будет пойти в гостиную, подумал я, как раз когда Коди приподнялся на локте, чтобы посмотреть на меня. Мои глаза встретились с его, и я удивился его серьезности, но все-таки со смесью какого-то озорства. Он начал приближаться ко мне, и, когда это произошло, закрыл глаза. Коди очень деликатно поцеловал меня в губы.
- Может, мне просто умереть сейчас? -

- спросил его я.
Он улыбнулся, обнял меня, притягивая к себе в подобии каких-то медвежьих объятий. Затем мы снова поцеловались, только на этот раз я почувствовал, как язык Коди слегка коснулся моих губ, и я открыл их, впуская его.
Я был в замешательстве, но на самом деле не хотел сейчас превращать это в вопрос. Коди провел пальцем по моей груди. Я искал на его лице признаки страсти. Потому что ничего на свете не хотел сейчас так сильно, чтобы Коди захотел меня, но каким-то образом я чувствовал, что его единственным желанием было сделать приятное мне. Он говорил мне, что его не привлекают парни, и я знал, что он был тогда вполне искренен.
- У тебя нет проблем с поиском сексуальных партнеров в Литл-Роке? - спросил он меня.
На мгновение я подумал о Марке в другой комнате, и подумал же рассказать Коди. Это могло бы избавить нас всех от многих проблем, но я не чувствовал, что мое доверие к Марку может измениться, даже с учетом Коди. И, естественно, любопытно было узнать, чем все это обернется.
- Ну, я не хожу вокруг в поисках, — сказал я. Но если бы я это и сделал, сомневаюсь, что нашел бы.
- Ну.., — медленно сказал он. - Ты нашел меня.
Мы позволили этому заявлению повиснуть в пространстве комнаты на какое-то время, тогда как я задавался вопросом, что именно он имел в виду, а Коди, полагаю, задавался

вопросом, как объяснить.
- Я имею в виду, я здесь... Я люблю тебя... Ты любишь меня... Я тебе нравлюсь... И, я имею в виду, что это все не отталкивает меня. Я могу с этим справиться... Для тебя я могу с этим справиться.
Мне было трудно думать, потому что слишком много разрозненных мыслей налетали и исчезали почти сразу же. Я все-таки как-то собрался достаточно, чтобы сказать:
- Я слишком много прошу от тебя, Коди. В этом нет необходимости, все было бы по-другому, если бы я знал, что тебе на самом деле это не понравится.
Коди положил голову мне на живот. Я видел, как его замечательные волосы колышутся в такт моему дыханию.
- Хочешь узнать кое-что странное? — спросил он.
- Конечно, - я коснулся его волос и плеча.
- Сегодня вечером я.., - он поднял голову ко мне, так что его глаза были всего в нескольких дюймах от моих, а губы еще ближе, - сегодня вечером, я думаю, мне это понравится, - он поцеловал меня снова, что было приятно не только в самом действии, но и потому, что полностью исключало необходимость отвечать на самое важное, что я когда-либо слышал. *Он хотел меня!* Или просто пытался сделать так, чтобы я не чувствовал себя виноватым за это согласие? Что было вполне в его стиле, я уверен... Но даже в лихорадке от возбуждения, я давал ему все шансы отказаться.

Итак, мы занимались любовью, сделали наш союз совершенным: бодхисаттвы не только духовно, но теперь и физически.
И впервые я ощутил этот привкус во рту, эту жажду, этот голод по чему-то физическому, но что само по себе гораздо больше, чему-то первобытному, ищущему.., — но что?
Коди снова поцеловал меня, когда все закончилось, и тогда я понял, что вот это и есть лучшее, - просто иметь возможность поцеловать его. Он обнял меня за шею, вскоре погрузившись в сон. Мои мысли снова обратились к другому теплу, другого тела, - кто, вероятно, ждал меня в другой же комнате. Медленно и тихо я выскользнул из объятий Коди, встал с кровати, схватил халат и пошел в ванную. По пути остановившись у комнаты Фредди.
- Думал, ты не придешь, — услышал я голос, когда всматривался сквозь темноту. - Хочешь, пойдем в гостиную?
Он уже стоял рядом, на нем только трусы, и подрагивал от холода.
- Хорошо, — ответил я. - Встречаемся у дивана.
Я вернулся в спальню, убедившись, что Коди спит, и достал из комода листок бумаги. Стихи для Марка. В гостиной я немного отдернул занавеску, чтобы тот мог прочесть их в свете уличного фонаря.

Дерзкий,
Порывистый и стремительный,
Полный жизненных сил,
Чуть младше, но - похититель
Сердца.

Я без ума от тебя
И мне это нравится.

Молоко материнское вряд ли забывший,
Как и отца рассудок утраченный,
Истину вдруг узрел.
Что принял без тени сомнения.

- Что значит «дерзкий»?» — спросил меня Марк.
- Сексуальный, — ответил я.
- Мне нравится эта часть о моем отце.
Это правда, что отец Марка был не в себе. Я сталкивался с ним раз или два, когда ходил к ним за Фредди, и тот человек был настоящим психом, если вообще был человеком. На самом деле, именно он был главной причиной, по которой Марк проводил много времени с Фредди, а не наоборот. Никто не мог понять, почему мать Марка продолжала жить с этим мужчиной. Я же знал, что Марку он нисколько не нравился, и однажды слышал, как младшая сестра Марка заявила матери:
- Мама, этот человек просто сводит с ума. Основными занятиями у него, похоже, были сон, сквернословие, рыгание, броски пивных банок из окна спальни в соседский двор, крики на детей и обвинения жены в попытке его убить.
- Я замерз! - сказал Марк, уткнувшись головой мне в грудь. Я распахнул халат, впуская его.
- Я люблю тебя, Марк.

Он положил руки мне между коленей, согревая их.
Сейчас он казался мне лучше, чем когда бы то ни было. Возможно, он просто становился старше, приобретая шарм. В любом случае, чем дольше я его знал, тем привлекательнее он становился.
Я провел рукой по его груди и животу. Он чуть вздрогнул от прикосновения. Затем я скользнул рукой под трусы. Марк сразу избавился от них, откинув в сторону. Из дюжины вещей, которые хотел сказать, я не смог произнести и слова.
Вместо этого я провел пальцами по влажному местечку между его ног. Мы смотрели друг на друга, даже когда целовались. Марк закрыл глаза и обнял меня, словно сдерживая меня, но я нежно целовал его лицо, веки, щеки, лоб, шею. Обнимая его так, как никогда и никого, чувствуя, как напрягается каждая мышца его тела, а затем, как его зубы слегка впиваются мне в плечо, не как в первый раз, а чтобы заглушить, пффф, крик, возможно, когда он отдавался мне.
До того, как появился Марк, я уже забыл, что такое ранний подростковый оргазм. Теперь же часто ловил себя на мысли, что хотелось бы, чтобы и мой был таким же интенсивным.
Я также часто задавался вопросом, что бы я чувствовал, если бы у меня был любовник, когда мне было четырнадцать. Невозможно, конечно, строить догадки, потому что даже трудно вспомнить, что я чувствовал вообще,

когда мне было четырнадцать.
Марк казался совсем неподвижным рядом со мной, неспособным пошевелиться. Я взял его за голову, чуть подтянув к себе, нежно обнял его, поцеловал его в лицо. Через минуту он уже спал у меня на руках. Понятно, что никто не должен застать нас вместе на полу в гостиной следующим утром, поскольку Фредди и Коди, оба, знали, где каждый из нас начинал эту ночь. Тем не менее, я долго не решался разбудить Марка, хотя и сам был уже сонным, наблюдая, как он спит, выстраивая свое дыхание в ритме его, вдыхая запах его волос. Но когда я его разбудил, он сразу стал извиняться за то, что заснул.

Забираясь обратно в постель к Коди, я продолжал возвращаться в мыслях снова и снова к тому, что слишком много всего произошло за одну ночь; это было почти больше, чем мой разум мог вынести. Оглядываясь назад, я уверен, что разум мог бы прекрасно справиться со всем той ночью, если бы она закончилась тогда, — я лег спать и проснулся на следующее утро с Коди рядом, а Фредди и Марк еще спят в другой комнате, скомкав одеяла в ногах, Фредди с подушкой у груди, как это было в его привычке. Но как приверженец жизненной теории о «плюсах и минусах», я должен был, конечно, быть начеку в эту ночь в преддверии того самого "минуса". Хотя, если бы я тогда об этом раздумывал, то, без сомнения, счел мамины невзгоды в

университете, насмешки в школе и кирпич в окне - минусом, а ночь с Коди и Марком — заслуженными плюсами. Но все может обернуться хуже... да и как сравнивать работу, оскорбления от незнакомцев или разбитое окно с семьей, с друзьями?
Около четырех утра, должно быть, Коди разбудил меня. В том, как он тряс меня, был страх, на его лице - ужас.
- Троцкий! — кричал он.
- Что?
Но ему не нужно было ничего мне, проснувшемуся, объяснять, потому что я мог и сам все слышать, видеть. Комнату заполнил дым, запах которого мой слабый нос только начал улавливать, а с другой стороны стены ревел огонь. Тут же вскочив, не беспокоясь об одежде, я побежал к двери, открыл ее. Пламя устремилось ко мне так быстро, что все, что возможно было сделать, так снова закрыть дверь, хотя вряд ли это надолго сдержит его.
Коди, натянув джинсы, пытался открыть окно, которое за последний месяц основательно уплотнилось в раме из-за дождя и холода снаружи и тепла внутри. Я подумывал снова открыть дверь, желая немедленно добраться до комнат Фредди и мамы, но увидел достаточно, когда открыл свою дверь, чтобы понять, - не смогу. Я надел свои джинсы, а Коди наконец-то поддалось окно. Я не стал возражать помочь мне выбраться наружу, но не стал там медлить в попытках ненужной ему помощи. Побежал к окну маминой комнаты,

весь в поту, попытался его открыть, что, конечно, оказалось безнадежным.
Огонь проник и туда, в отблесках пламени я увидел ее лежащей на кровати. Меня удивило, почему она не просыпается, а затем я вспомнил, что люди умирают при пожарах от ядовитого дыма. Возможно, это была паника, но мысль о ее смерти, вид надвигающегося огня, - этого было достаточно, чтобы сойти с ума. Я сражался с окном всем, что смог найти, в основном собственными руками и кулаками, пока не разбил, не разворотил, не открыл и не распахнул. Ворвался в комнату и во мгновение ока, секунду или две, вытащил маму через окно к Коди, стоявшему снаружи наготове. И вновь здесь, я развернулся, чтобы бежать вокруг дома в комнату Фредди, но Коди положил мне руку на плечо, останавливая меня. Я смотрел на него всего секунду, когда он качнул головой, но я вырвался и побежал вокруг пылающего дома, оставив Коди присматривать за мамой. Пожар, очевидно, начался именно там, потому что гостиная, гараж и комната Фредди уже сгорели. Я огляделся вокруг, ища спасения. Повсюду были соседи, державшиеся на безопасном расстоянии. Пожарная машина только что приехала, сразу за ней - скорая. Я еще раз посмотрел на дом, затем побежал на помощь Коди, который уносил маму от беспощадно бушующего пламени.
Коди сам отнес ее к машине скорой помощи. Выглядел он сильно подавленным. Он делал ей искусственное дыхание рот в рот, но она не

реагировала. Эту задачу взял на себя медик, в то время как другой человек в белом халате пытался убедить меня, что я опасно поранился, весь в крови, и мне нужно ехать в больницу. Я взглянул на свои руки. Я вообще ничего не осознавал. Вдруг прибежал пожарный, требуя, чтобы скорая пока не уезжала:

- У нас тут еще пострадавший! — кричал пожарный. - Нашли его в хозяйственном помещении.

- Их двое, — сказал я ему. - Их должно быть двое.

Я услышал, как женщина с криками продирается через толпу. Она звала своего ребенка. Подбежала к носилкам с мальчиком, которого нашли в помещении прачечной, затем рванулась к пылающему дому, но пожарный схватил ее и вернул обратно к толпе. Фредди быстро погрузили в машину скорой помощи, меня тоже запихнули внутрь, затем машина скорой помощи, завывая сиренами понеслась по улицам Литл-Рока, хотя мне казалось, мы вообще почти не двигаемся. Я не думал, что Фредди жив, не видел абсолютно никакой возможности, чтобы он был жив. По дороге в больницу им удалось привести маму в чувство, по крайней мере, до такой степени, что она начала нормально дышать.

Вокруг Фредди образовалась настолько большая суета, что до меня наконец дошло, что он, должно быть, все еще жив, или, по крайней мере, должна быть какая-то надежда,

иначе, зачем столько усилий?
Я все думал о матери Марка, которая рвалась в огонь, кричала и звала своего ребенка. И моего. Потом я начал рыдать, оплакивая всех нас, оплакивая потерпевшее крушение человечество, которое так стремиться уничтожить себя. Мне не нужны были официальные отчеты на следующий день, чтобы знать, что наш дом был подожжен намеренно. Я сам ответил на какие-то звонки, прочел несколько писем, нашел тот проклятый кирпич.
Мама решила верить тогда, что это блеф. Я вполне был согласен с тем, что она действовала именно так, как действовала. Смогу ли я когда-нибудь простить ее? Простить себя? Конечно. Но мне так отчаянно хотелось винить хоть *что-нибудь*, поверить во что-то достаточно сильное, чтобы возложить вину, будь то бог, дьявол или судьба. Но возможно лишь винить патологию человеческой натуры, а кроме того, только бытие само по себе.
В кармане моих джинсов были лишь стихи, которые я написал для Марка, и полированная ракушка, которую Фредди подарил мне на пятнадцатилетие, - я схватил ее с подоконника, когда выбирался из дома через окно. В больнице из меня извлекли осколки стекла, из рук и кистей, наложили несколько швов. Как только врач закончил, я пошел посмотреть, как дела у остальных. Мама только-только пришла в себя, чтобы говорить, постоянно повторяя:

- Троцкий? Фредди?
- Я здесь, — сказал я. Она открыла глаза, но было очевидно, что ей трудно сосредоточиться.
- Троцкий! Слава богу! С Фредди все в порядке?
- Я пойду проверю, — сказал я ей и вышел из палаты. По дороге, в коридоре ожогового отделения, я думал о ее почти бессознательных словах: «Слава богу!»
Мне сказали, что я пока не могу пройти в ожоговое отделение, поэтому я сел у двери, ожидая разрешения. Через час появился Коди и присоединился ко мне на полу.
- Твоя мама? — сразу спросил он.
- С ней все в порядке. Она только пришла в себя, когда мы виделись недавно. Около часа назад, но ей давали успокоительное, так что, думаю, она спит.
Коди выглядел немного более спокойным.
- Фредди там, — сказал я ему. - Я пока не смог его увидеть.
Мы молчали несколько минут. Я хотел спросить, но знал, что надежды нет. Как и сил заставить себя произнести эти слова.
- Пожарные не могли потушить огонь, — сказал Коди. - Поэтому просто не стали вмешиваться, убедившись, что распространения не произойдет.
Я кивнул головой, давая ему знать, что услышал.
- Марка нашли. Он так и был в комнате Фредди.
Я попытался держаться, но понял, не могу, и

мне стало все равно. Уткнувшись в плечо Коди, я рыдал так, как вообще никогда раньше.
Некоторое время спустя в дверях появился врач, выглядевший усталым, с налитыми кровью глазами.
- Вы Троцкий? — спросил он.
Я сказал "да".
- Он спрашивал о вас. Думаю, вы можете зайти буквально на несколько минут, но не оставайтесь долго. Мне тоже нужно немного поспать, поэтому доктор Леонард придет через несколько минут и будет вместо меня.
Я оценил тот факт, что Коди не пытался войти со мной, и я зашел, увидел Фредди, и мои глаза снова наполнились слезами. Я подошел к нему, молясь всему, что могло бы помочь Фредди.
- Троцкий? - произнес он самым тихим голосом, какой я вообще слышал.
- Да?
- С мамой все в порядке?
- Да, все хорошо. Сейчас она спит, но с ней все в порядке.
- Троцкий, Марк... умер?
Я не отвечал. А что, если скажу «да», и тогда Фредди тоже умрет? Но и лгать ему я не мог. Фредди открыл глаза, насколько смог. Я видел, что он плачет, но что-то такое из-за ожогов не позволяло слезам течь в привычном смысле.
- Он не хотел просыпаться, — сказал Фредди.
- Потом я попытался бежать, позвать тебя... не смог... и не смог вернуться к Марку.

- Не разговаривай, Фредди! Пожалуйста! Просто отдыхай сейчас, ладно?
Выражение его лица, глаз было самым ужасным выражением боли, которое я когда-либо видел, и больше, чем я мог вынести такое на лице моего единственного брата. Я почувствовал, что падаю, и следующее, что помню, - стою на коленях, на коленях у его кровати, желая обнять его, но зная, что не могу, с криком, разрывающим сердце: «Не умирай, Фредди! Пожалуйста, не умирай!» Вошла медсестра, проверить пульс и температуру Фредди, дать обезболивающее. Она сказала, что мне не следует находиться здесь, но я ответил ей, что врач дал разрешение. Она с сомнением восприняла мои слова, но ушла, не говоря ни слова. Фредди медленно поднял руку с кровати, чтобы я мог взять ее.
- Я люблю тебя, - сказал он. Свободной рукой я залез в карман и вытащил ракушку, которую он подарил мне много лет назад. Вложил ему в руку. Фредди не то, чтобы улыбнулся, — я не уверен, что он мог, — но выглядел именно так. А затем закрыл глаза. В тот момент я понял, что больше глаза эти никогда не увижу.

Глава одиннадцатая

Рассвет высветил песчаную полоску берега около шлюза и плотины номер 7, куда я сбежал в поисках чего-то уединенного.

Просто посмотреть на реку, послушать ее перекаты... если что-нибудь в состоянии было бы помочь... но, конечно ничего не помогло. Я ощущал важность побыть одному, хотя бы какое-то время.
Я находился в больнице ровно столько, сколько нужно, чтобы сообщить новости маме. Она была под действием чего-то чертовски мощного, поэтому я не был уверен, понимает ли она меня. Наконец, не в состоянии произнести эти слова еще раз и, беспомощно пожав плечами, глядя на Коди, я буквально скатился к выходу из больницы. Осознание того, что у меня нет машины, почти убедило меня вернуться за Коди, но вместо этого я ушел к реке, а затем пошел вверх по течению к песчаной отмели. По дороге меня сопровождали репортажи, так хорошо различимые из динамиков нескольких машин, замерших перед светофором на перекрестках, - это были новости о трагедии в моей жизни, о моем личном существовании, теперь открытых широкой публике. Это возмущало, как и невыносимая мысль о том, что несколько человек несомненно порадуются случившемуся.
Сидя на песке, я удивился, насколько пуст мой разум, будто мой мозг произвел собственный анестетик. Слишком оцепеневший даже для слез, я прыгал по камням вдоль воды, смотрел в светлеющее небо, на звезды, исчезающие одна за одной на глазах, растворяясь где-то в неразгаданной тайне. Вспоминая мифологические объяснения

рассвета, я пытался представить себе жизнь в то время, когда Ра, египетский бог солнца, ничего не подозревая, плыл по небу на своей ладье. Ра уже умер, но солнце все еще всходило.
Вокруг меня оживал город, просыпаясь в воскресное утро. Во всем этом шуме я уловил звук одиночного автомобильного двигателя, медленно приближавшегося. Но звук остановился на каком-то расстоянии позади, больше не приближаясь, в том месте, где начинался песок, - там машины не могли проехать дальше. Я услышал, как кто-то подошел ко мне сзади и сел. Выдержав паузу безмолвной коммуникации, я спросил, все ли в порядке с моей мамой.
- С ней все в порядке... за исключением, конечно, сообщения о Фредди... Я подождал, если вдруг понадоблюсь для чего-нибудь, затем ей дали еще одно успокоительное, и она снова уснула.
Я задавался вопросом, как, в конце концов, она перенесет этот ужас.
- Спасибо, что остался. Я не смог.
Мы просидели там еще около часа, пока я не почувствовал, что могу вернуться к тому, к чему еще можно вернуться. Когда я встал, Коди поймал меня в объятия, в которые мы оба вложили всю остававшуюся у нас энергию. Я почувствовал, как напряжение внутри меня нарастая прорывается, и, наконец, исчерпав эмоции, я последовал за Коди обратно к его машине. Мы вернулись в больницу, а там обнаружили, что мама все еще спит. Коди

не чувствовал желания идти домой, а у меня больше не было дома, поэтому мы остались в больнице.
Через несколько часов начали привозить цветы, слишком много, чтобы их можно было сосчитать, от людей, которых я вообще не знал. Когда их стало больше, чем могло поместиться в палате, медсестра спросила меня, что делать дальше. Я понятия не имел, но Коди предложил, убрав открытки, раздать цветы другим пациентам, которые могли бы оценить такое. Мне мысль показалась хорошей, а медсестра удалилась, поблагодарив нас за помощь.
Позже я просмотрел несколько открыток, обнаружив, что большинство от членов Демократической партии Социалистов Америки со всей страны. Видимо, история широко разошлась в СМИ, быстро подхвативших ее. Мне было все равно. Я просто хотел проснуться от этого кошмара, а Фредди будит меня и говорит, что мы опоздаем в школу. В кармане у меня все еще лежал смятый листок бумаги со стихами для Марка, - *Порывистый и стремительный, Полный жизненных сил...*
Я добавил эту строчку в свою коллекцию шрамов, тех болезненных ран, которые только время и лечит, поскольку оно же превратило мое прошлое в пыль. Но я подозревал, что люди переживали подобное на протяжении тысяч лет, и ожидал, что переживу и своё, если захочу.
На этом этаже больницы, в помещении для посетителей, было только немного свободного

места на одном единственном диванчике. Мы с Коди буквально рухнули туда, так как не спали довольно давно. Когда почувствовал, что засыпаю, я прислонил голову к его плечу, чтобы случайно не завалиться на беднягу, сидящего рядом. Коди, разместившийся на краешке, обнял меня и устроился так, чтобы мне было удобнее. Вскоре я блаженно спал, без тревог в виде каких-нибудь снов.

Возможно, из-за популярности моей матери среди некоторых членов партии Демократических Социалистов Америки (она была одним из главных организаторов партии, когда та лишь зарождалась, вбирая в себя приверженцев Нового Американского Движения), или, возможно, из-за легенды о моем отце, социалисты со всей страны стекались в Литл-Рок, планируя сбор средств для мамы вместе с массовым митингом в ее поддержку, протестуя против всей той тактики, используемой законодателями Арканзаса, которых и заклеймили как частично ответственных за случившийся кошмар. В значительной степени я разделял эту точку зрения. Более того, я счел такие внезапные события в Литл-Роке скорее благоприятными, поскольку все это занимало маму и отвлекало меня и ее от мыслей относительно Фредди и Марка.
Тем временем, пожар официально признали поджогом. Кто-то облил фасадную стену дома бензином и бросил спичку: достаточно

простой способ погубить своих врагов, реальных или воображаемых. Полиция заявила, что у них нет подозреваемых и что улик недостаточно для проведения расследования. Когда демократические социалисты узнали, что полиция даже не расследует зацепки, они наняли частного детектива, полностью оправдавшего все затраты. Меньше чем за неделю он выяснил, кто устроил пожар, а через две недели собранные им доказательства вынудили полицейское управление Литл-Рока произвести аресты. Залог, назначенный смехотворно низким, позволил подозреваемым выйти на свободу уже через нескольких часов. А позже жюри присяжных, конечно, не смогло бы осудить их, тогда как штат решил бы не обжаловать приговор.

Нашу непосредственную проблему с поиском жилья решил один из коллег мамы в Университете. У коллеги, профессора экономики, была квартира, которую тот сдавал, а она недавно освободилась. Он предложил ее нам бесплатно, но мы убедили его принимать символическую сумму аренды, пока снова не встанем на ноги. Да и все пойдет намного лучше, когда мы получим страховку за уничтоженный дом. Тем временем Коди немного помог, воспользовавшись возможностью почти официально сменить семью, переехав к нам. Мы также получили деньги от Троттингемов и Тейлоров, так что в этом смысле все было более-менее. Хотя квартира, где мы поселились, находилась в

другом районе, Коди и я, каждый день проезжая семь миль через весь город, закончили год в нашей старой школе.

В тот день, когда был назначен митинг, более пяти тысяч человек собрались в парке Макартура в центре Литл-Рока, чтобы выступить маршем к местному Капитолию. Сначала разрешения на это не было, но Демократические Социалисты и Американский Союз защиты гражданских свобод* собрали хорошую команду юристов. Они смогли получить разрешение сразу на следующий день после того, как первоначальный запрос был отклонен. Демократические Социалисты со всей страны собирались в парке. Туда пришли также и многочисленные жители Арканзаса, некоторые из которых были социалистами, а другие просто потрясенные произошедшим. Мама ничего не делала, для какого-то стимулирования митинга и всего остального, так как считала, что выдача разрешений на политический митинг противоречит конституционным правам, учитывая связанные с таким разрешением расходы.
- Конституция гарантирует свободу мирных собраний, — услышал я ее слова организаторам, — а не право проводить шествия по Капитолийскому проспекту с требованиями, чтобы город оплатил счет.

* **ACLU** - американская некоммерческая организация по защите гражданских прав , основанная в 1920 году. Филиалы во всех 50 штатах, Вашингтоне (округ Колумбия) и Пуэрто-Рико. Предоставляет юридическую помощь в случаях, когда считает, что гражданские свободы находятся под угрозой

К тому же, ее сердце просто не лежало к этому. И мое тоже. Коди появился очень вовремя и посвятил меня во все детали, не попавшие в шестичасовые новости.
Через несколько дней позвонила Сара, - она хотела, чтобы я зашел к ней. Я зашел и нашел ее расположившейся на диване в гостиной, облаченной во что-то смутно напоминающее флаг Северной Кореи. И хотя ей не сняли еще шейный корсет, выглядела она хорошо, на удивление. Сначала разговор не слишком складывался, но все-таки общение взяло свое, и, что удивительно, сразу появилось множество вещей, которые нужно было сказать друг другу.
По возвращении домой я сразу же написал такие стихи:

Я и Сара, -
Нет амбиций,
Да и мотивацию
Вряд ли можно найти.
Сара рядом, - это
Вроде как нравится.
Мы с ней, - парочка,
В общем-то, верных друзей.
Надеюсь, все так и останется.
Она говорит, я не навязчивый,
Один из немногих, она говорит.
Я и Сара, -
Нет желания смерти
Или чего-то такого.
Просто жалеем,
Что когда-то
Вообще родились.

Но если владеешь
Смыслом слова Ничто,
Сразу жребий бросай
Альпийской метели играть.
Я и Сара,
Мы,
Вне этих рамок.

Я отправил ей стихи несколько дней спустя, в тот же день, когда получил письмо от Флиппинга, из Лос-Анджелеса, в котором тот рассказывал о своем отъезде из Литл-Рока. Он решил искать музыкантов на Западном побережье, не зная, когда вернется, и вернется ли вообще, в Арканзас.
Видно было, что Коди был неприятно поражен, когда прочитал письмо. Помимо того, что он не знал, что Флиппинг уехал, его задело, что письмо именно мне, а не ему.
"Лос-Анджелес довольно дорогой," — писал Флиппинг, - "и у меня не так много денег, которые я бы мог взять с собой. Но надеюсь, город не стеснен в средствах, поэтому мои ему не особо нужны."
Возвращая мне письмо, Коди сказал:
- Мой опыт общения с людьми при деньгах показывает, что они в любом случае хотят заполучить твои.
На конверте обратного адреса не было, а я больше ничего не слышал о Фиппинге. И хотя я мог позвонить Беннингам, спросить его адрес, но не сделал этого.

Мы с Коди делили комнату, делили кровать до конца учебного года. Мы часто предпочитали

заниматься любовью, так сказать, выше пояса, сердцем и умом, руками и губами, но часто исследовали и области ниже пупка. По мере того, как пролетали месяцы, эта непостижимая связь между нами, казалось, крепла, поскольку крепли же прочные устои нашей дружбы. То есть то, что когда-то проявляло себя в странных снах и поразительных совпадениях, начало делать это более тонкими способами, — мы могли сообщать все, что необходимо, простым кивком головы, определенным взглядом или изгибом губ.

Наша дружба достигла уровня одухотворенности, с которым я раньше сталкивался только в книгах. У меня никогда не было сомнений, что Коди в основном натурал, за исключением его сексуальных контактов со мной, но тогда и я в основном обходился без секса, за исключением моего опыта с ним. Иногда что-то из того, что он делал, вызывало неотступные воспоминания о Марке, и каждый раз, когда я видел Марка в своем сознании, я видел его столь хорошо, что впадал в депрессию. Я вспоминаю его настолько хорошо, что просто взрываюсь где-то внутри и вынужден записывать это... Его глаза, его улыбка от уха до уха, эта светлая копна волос, всегда спадающих на лицо, простая серебряная цепочка на шее, с незамысловатым кулончиком из полоски кожи...

Со временем и Коди стал воспоминанием, потому что жизнь продолжается, иногда

гораздо дольше, чем необходимо в некоторых случаях, - в конце концов наши пути разошлись.
Фредди, младший брат, я умираю от одиночества.
Мама снова живет в Милуоки. Выиграв длительное судебное разбирательство с восстановлением на работе и выплату задолженности по зарплате, она отказалась от восстановления, забрала деньги и сбежала.
Я же уехал из Литл-Рока задолго до того, как то дело закончилось, - поступать в колледж при Университете Висконсина в Мэдисоне*. Коди остался в Литл-Роке, бросив местный Университет после второго курса, - ушел работать на полный день у отца своей девушки. Сара, вероятно, до сих пор иногда его видит. Я написал ей письмо, как только добрался до Мэдисона. Помимо того, что она стала моим самым верным другом по переписке, она также была и последним контактом с Литл-Роком, и, помимо мамы, последним человеком, кто звал меня Троцким. Коди некоторое время писал мне, затем чуть дольше время от времени звонил, извиняясь за то, что не писал, но компенсируя это добрым часом разговора. Затем были лишь письма Сары, заканчивающиеся словами «P.S. от Коди - с любовью». А через некоторое время все изменилось на «от Коди - привет». С того момента, когда Коди встретил свою девушку, Сара видела его совсем нечасто, и

* **Madison** - столица Висконсина. Население ок. 270 тыс.. Основан в 1836г.

почти не упоминала в своих письмах. Наконец, письма между нами стали настолько незначительными по содержанию, что связь прервалась.

Сны прекратились задолго до, и со временем все странные совпадения стали казаться настолько отдаленными, как будто я их вообразил. Да и вообще, настолько серьезно относился ли я к мистицизму? В любом случае, я больше не чувствую, что эти особые силы действуют в моей жизни, или я просто сейчас не в таком широком круге общения? Как те пресыщенные уже люди, которые стали знаменитыми в юности, потерявшие самих себя из-за собственного успеха, я задаюсь вопросом, кого я еще когда-либо смогу найти, сравнимых с братом, который был у меня во Фредди, любовником, которого я обрел в Марке, другом, которым был Коди.

Если бы я увидел Коди сегодня, я спросил бы его, верит ли он все еще в бодхисаттв, достигших нирваны, но остающихся здесь, чтобы помогать другим. Или, как и я, он обнаружил, что утрата желаний не ведет к нирване, а лишь приводит к порогу *пустоты*.

Фредди, мой младший брат, я умираю от одиночества. Я движим этой любовью, как требовательный ребенок, - среди безмолвия Коди, среди зримых образов Марка. И я всегда прихожу к тебе, когда мое сердце разрывается. Когда мне нужно хоть что-то, чтобы жить, чтобы сохранять силы здесь, на земле, - я прихожу к тебе.

Блокнот

из записных книжек
Стивена Троттингема-Тейлора
и Вашингтона Деймона Коди

Листаю старые тетради, улыбаясь
Руки твоей пометкам, как родным, -
Ты так забавно измельчаешь
Моих Богов в богов движением простым.

Ты утверждал, что наша встреча -
Веление судьбы, предопределена луной,
Масонами.. и даже странным
Сюжетом встречи с женщиной одной.
Но это поэтические строки
Причудливая смесь иллюзий и безумств.
В твоем характере всегда и постоянно,
Себя отдать друзьям
до полного смятенья чувств:
Находится и время,
Душ старых - восстановленная нить,
Присутствует и разум
Вместе с телом столь желанный,
И даже вера в человечества прогресс!

Ты утверждал,
У нас - предначертанье.
Бросая взгляд назад,
Я думаю, так есть.
Случится может всякое.
Уверен,
Так и было,
Будет?

Ничто еще не определено.

И в сущности твоей смешенье
Ренессанса с духами войны, –
Так верующие друг в друга бодхисаттвы
Душе одной верны.
Это столь же очевидно
Как зеркала блистающая простота,
Оглядываешься,
Понимаешь, –
У нас была судьба.

(СТТ)

Я весь в движенье, но - неподвижен.
В слух обратился, - к чувствам своим.
Нашу судьбу едва представляют?
А если мы ее разделим?

Но лишь старый Будда откуда-то сверху
Зрит связи причин и последствий эффект.

(ВДК)

Сон Коди сотворения: Бог в джинсах для меня

В разгаре утро — ты зеваешь, просыпаясь.
Я не смог.
Время ожидает, я знаю, лишь меня,
Мир не вовлечен.
Краткий миг противопоставляет
Пространству мягкой серой вечности мой сон.
Я в пижаме, -
Это первый раз за много лет.
Жуткий холод. Без тепла, без всяких
батарей. Так много белого.
Чрезмерно событийный сон. Пытаюсь утащить
подушку...
Вспоминается Висконсин.
Средины Запада нутро. Пустота, оно.
Есть что-то в этих айсбергах, разбросанных
у края пустоты, а Время
ждет и ждет Висконсина, земли для роста.
Мечта укоренилась: Бог в джинсах для меня,
младенец-континент..
но я
стал старый для того сейчас. Пейзаж и берег
моря способен исказить, испортить насовсем.
Руки в силе. Один удар и этот айсберг пал.
Навеки. Лишь удар сильнее. В этот раз
Сейчас
Сейчас
На этот раз я
СОЕДИНИЛСЯ
с подушкой, свет угас.
Я содрогнулся
от внутренних аплодисментов сам себе.

Время встрепенулось, отчет пошел.
День формы обретает, я уже не властен,
Парю
в пространстве утра, над кроватью, над тем, что было там,
или, быть может, тем, что было мной. Парю
над странным растяжением пространства.
Начал подниматься.
Но это все похоже
На сотворение,
На сон:
Здесь Коди:
Бог в джинсах только для меня.

(СТТ)

Волшебный театр: копи Гессё

Никаких бинтов на ранах,
Ненормальные у каждой двери,
Драконы выглядывают из писсуаров, -
Лох-Несс, с какой стороны ни смотри.
Танцы на самодельной сцене,
Танцовщицы только в одеждах из красок,
Танцоры же распяты на стенах,
На зарплату в шахтах не купишь и касок.
Все, как всегда, сведётся
к ножкам стола и пуантам мысков,
Вокруг одноразовых чашек
Утра пустых часов.
Шлю однозначное предупреждение
моему сопернику - тени,
Слышу молчанье в ответ,
Если и будет победа,
В безмолвии
Смысла в ней нет.

(ВДК)

Прощайте, Американские Парни

Псевдонимы хлесткие,
Как для альбомов - в память!
Биографии их,
Знаменитых писателей лучше,
Могут Африку освободить. В каждой -
Гекльберри Финна дух
С их образом слитый.

Коди заучил 95 Псалом*,
Впечатления не отпускают...
И уже дома, в безопасности рядом с грехом,
Тело своего речного товарища** воскрешает.
Они исчезают в неоне, континент,
Такой старый для них сейчас,
босые пересекая.

Двое подростков, неуверенных,
Приключения разные замышляют.
(Да и не осталось уже таких,
Которых в свои
Старшие не вовлекают.)

Весь в напряжении, не спит,
Троцкий Коди спящего наблюдает:
В то утро он обнажен, голову скрыл
подушкой,
Его загар, ярко блиставший в ночи,
Какой-то сейчас потухший.

* хвала Господу по окончании 40-летних блужданий в пустыне (из русского перевода это не следует).
** здесь подразумевается сюжет книги М.Твена *Том Сойер*

Коди проспит весь день,
А когда солнце зайдет, встанет,
Изречет важно, штаны надев:
- А та теория домино помнишь, Троцкий,
Еще всех нас достанет.

Коди частично,
как большинство любвеобильных мужчин,
быть счастливым пытается, терпит неудачу,
но нет...
А вот Гекльберри Финн
просто таким является,
Курит семь сигарет Кемела в час,
с Томом по этой мрачной стране странствуя,
Но лишь эпитафию может им предложить
Арканзас,
Да и то, - безучастную.
Том напишет ее
Помадой на зеркале в ванной,
Она гласит: "ну, вот..."
И тут же - перечеркнет.

Прощайте, американские парни.
Вы - настоящее вдохновенье,
Но вы же прервали жизни полет,
Избрав унылое дней теченье.

День в космосе ничего не значит для вас.

(СТТ)

На бровях и газ в пол, Как скучно, о Боже!

День тянулся и завис,
Время вдруг застыло.
Гул сменился тишиной, -
Как ковром накрыло.
Этот инфернальный гул,
Космоса гуденье,
Завыванье пустоты
Без надежд к спасенью,
Обрываясь исчезает,
Дерзко и призывно:
- Что такое, почему
Как-то... не противно, -
Люди в ухе ковыряют
восковые пробки,
Вроде импульсы бегут
в черепной коробке.
В Линкольне тогда
у тебя так было,
Благо, выбор не велик:
Сартр или могила.

Оставляю для тебя
Мой выдох убеждений,
Как проснешься, прочитай,
Скучно не смертельно.

(ВДК)

Я на канатах повис
в строчке молитвы
от Будды,
В мыслях сумбур, тянут причины
Вниз.
Навсегда, - в рукотворную бездну,
Вера отсутствует,
К чему-то взывать
На канатах повисшему здесь
Вроде совсем бесполезно.

Помню однажды,
когда почти стал рекой,
Стремился познать
изгибы ее и теченья,
Глубины, ила веков
На дне речном отложения...
Силы и веру. Вам говорю, -
я в реку почти обратился.
В глубины, к камням,
На дно ее погрузился.
Все оттуда здесь и сейчас,
тянет и тянет канаты,
Бременем тяжким легло на меня,
Есть риск сорваться куда-то.

Ослепительный свет
Сверхновой далекого бога
Благословений? Но нет, -
Равнодушия -
фрустраций посев,
Превращает судьбы в солому.

Слишком много людей для Него,
чтобы как-то вообще управляться.
Слишком много злодейств для Нее,
чтобы внимательной к ним оставаться.
Слишком много молитв,
чтобы кто-то вообще
хоть что-то где-то услышал.
Слишком много того Слишком много сего
Слишком много, о, как слишком много.
Судьбам лишь соломы судьба,
Повиснуть ей на канатах,
Повисла, висит и горит,
Но тянет и тянет проклятая.

(СТТ)

Метаморфозы

Еще не высохли чернила на футболках
И бабочки на них трепещут во всю мощь
Дрожат их многоцветные тела,
И в складках-куколках мелькают
Метаморфоз ушедших времена.
Грудь и брюшко
налившись светом солнечным влекут
Ночных кузенов,
Света жаждущих во тьме.
Луны разбиваются о волны,
Настигают, распадаясь без следа.
И человеческие тельца так же
Бьются,
Царапая пустую плоть,
Рвутся на свободу.

(ВДК)

Достаточно свободно,
у стенки без следов граффити,
опираясь на нее,
Свидетелям Иеговы подобны,
Они стоят. Призвание свое,
Реализуют на земле.

Первостепенны для забвенья,
Но - глыбы, зданиям равны.
Надежда человечества?
Быть может
Надежды в личности заключены?
Конкретной.

Верю! Ибо так абсурдно.
И вера эта - в гладких,
Молодых телах,
Сегодня
Масло проверяет у меня,
(Чувак, это не тушь, -
это машинная смазка)
Один из этих юношей
В свободных
джинсах, в штате Арканзас.
Рабочий вид, -
в одном кармане тряпка,
В другом - Сиддхарта, -
это для души.
Надежда человечества едва ли?
Так есть, что даже не ищи.
Индивидуальность.

(СТТ)

Слова их утлым кораблям подобны,
едва слетая с языка,
Тут же тонут в море,
И крепки лишь на стапеле у рта.
(Но некоторые из немногих,
Кого в наивности винят,
Те к этим кораблям спокойны,
Не отвергают планы,
Благосклонны,
Достойно это же спокойствие хранят.
Провидцы хрупкие шаблонов,
На ощупь пробираясь сквозь года,
Изрекают, да, так можно,
Как было можно и тогда.

И это острожное движение,
Надежда человечества пока.)

(ВДК & СТТ)

Что делать с мальчиком, говорящим "проклятье" (Реконструкция)

Из миссионерских мифов
Младшие архангелы Таро
Очень тихо, что и не расслышишь,
Могут рассказать историю, зато
Языком тем самым, что когда-то
Матерям их так понятен был,
Наполнял экспрессией и страстью
смертных,
Вызывая
Безотчетное желанье жизни быстрой,
Смерти молодым.

- Мой друг, дракон, сказал мне,
что однажды
он также безотчетно жаждал умереть,
но встретил девушку-дракона, -
Ее любовь прогнала смерть.
Сказал мне, чтобы выжить
Людям нужен,
по крайней мере, хоть единственный,
но друг.
(Конечно, я бы до такого,
Дожил
едва ли при наличии его.)
А друг того,
и тоже ангел, успокоил.
Поцеловал, но кратко заключил:
- Только бодхисаттва глупый
друга
жить заставить может,

Когда нет этому желания и сил.

Младшие архангелы безмолвно
Соглашаются
и даже не бузят,
Троцкий, ты им точно нравишься,
Но играть со мной они хотят.

(ВДК)

Оставайся лучшим

Я помню всех друзей, как братьев,
Когда они и смысл тебя и жизнь,
Я помню всех, а с ними рядом,
Ты был готов и жить и жить.
Я помню, мы открыли все секреты,
Ведь от друга
Буквально нечего скрывать,
Ты нужен целиком,
Без всяких исключений,
Без колебаний на любые:
вот здесь "прибавить", там "отнять".

Так ты и я,
Мы вместе пережили,
То страшное, что никому
Не пожелаешь, но все это
Было.
У нас обоих.

Охватило все.

Тот самый, жуткий страх, внушило,
Влиянием которого когда
уходят, отдаляются, не в силах
Переносить
И даже очень близкие друзья.

(СТТ & ВДК)

Интервью с автором:

Опубликовано 13 июня 2024г.

Что вдохновляет вас вставать с постели ежедневно?

Любовь и красота.

Помните ли вы свое первое произведение?

Я начал писать *Clicking Beat on the Brink of Nada/Клацающий звук на краю пустоты, когда мне было шестнадцать. Вот это и было первым.**

Как именно вы пишете?

Ну, есть отличия для каждой книги, но больше всего мне нравится создание персонажа, затем его развитие настолько, что он берет верх и начинает свою собственную историю. Я не всегда знаю, куда он меня ведет, но в итоге я понимаю, куда он хочет двигаться или куда должен, чтобы сложился наилучший сюжет. Когда я полностью понимаю его мысли, что-то вдруг происходит, - вот это и есть то, что писатели часто называют музой. Поначалу пишется довольно трудно, но в какой-то момент идеи просто приходят и приходят, что становится удовольствием.

Помните ли вы что-то из самого первого, что прочитали, и какое влияние это оказало на вас?

Нет, мне много чего читали в детстве, а потом уже я, в свою очередь, много читал. Хотя, мне больше всего нравились истории о бейсболе, полагаю. Что касается влияния, то мне всегда нравилось что-то любопытное. Нравилось читать Golden Books о разных аспектах науки, и даже нравилось читать энциклопедию. Но еще больше нравилась художественная литература. Походы в библиотеку наполняли меня предвкушением захватывающего.**

* первое название романа *Cody/Коди*

** **Замечательные книги** - издательство детских книг, основанное в 1942г.

Когда вы впервые начали писать?

Я начал писать стихи, когда мне было тринадцать.

Как вы подходите к оформлению обложек?

Не могу пожаловаться на оригинальные дизайны обложек *Clicking Beat*, а затем и *Cody*. Мне понравилась простота, поразительная образность, красота. Для *Clicking Beat* я отправил издателю фото своего самого привлекательного знакомого и сказал, что хотел бы обложку примерно такого плана. Я не ожидал, что художник настолько верно перенесет образ, но он это сделал. Я не участвовал в создании обложки для *Cody*, но как только ее увидел, точно знал, кто вдохновил художника. Сначала я не был уверен, что хотел бы таких ассоциаций, но чем больше смотрел на обложку, тем больше думал: "Да. Неплохо". В то же время я видел, как группы Новой волны, такие как Smiths* и Associates, делали то же самое с очень простыми, яркими обложками своих альбомов, фокусируясь на мужской красоте. Мне они нравились, поэтому, когда у меня появилась возможность создать свои собственные, я и выбрал то, что нравится мне. У меня были жалобы от друзей, что обложки моих книг — это не то, с чем они хотели быть замеченными в аэропорту, например, но мой ответ — перестаньте так беспокоиться о том, что кто-то подумает, или просто читайте их в каких-то других местах. Отличный вариант - на природе у реки.**

Какие ваши пять любимых книг и почему?

Когда вырос, я сначала влюбился в Диккенса, потом в Гессе, потом в С.Э.Хинтон*.

* английская рок- группа, образованная в Манчестере в 1982г.

** шотландская пост-панк и поп-группа, образованная в Данди, Шотландия в 1979г.

*** **Сьюзен Элоиза Хинтон** — американская писательница, наиболее известная своими романами для молодежи, действие которых происходит в Оклахоме, которые она написала во время учебы в старших классах.

У меня около двадцати любимых книг, но я назову пять, которые могли ускользнуть от широкого внимания. Мне нравится *Путь горькой травы* Томаса Хэла Филлипса*. Она прекрасна, и автор был таким смелым, что написал ее и опубликовал. Меня беспокоит, что роман не очень известен в гей-сообществе. Книга лучше всех тех, которые вышли намного позже и были вознесены за новаторскую отважность. Его же книга *Красная полночь* также входит в мою двадцатку лучших. Я читал обе книги много раз и буду читать их снова. Теперь к номеру 2, *Запах яблок* Бьенвенидо Сантоса***, — исключительно прекрасная книга об иммигрантском опыте, которую я читал, а я много читал на эту тему. Гуманность в этом романе сокрушает меня всякий раз, когда я беру его в руки. Номером 3 я бы выбрал *Войну с животными* Пола Рассела**** как мой любимый современный роман просто потому, что я люблю ее и перечитывал больше, чем любое другое современное произведение. Четвертой должна быть *Дом профессора* Уиллы Кэсер*****. Я соотношусь с главным героем не только потому, что сам много лет проработал профессором, но и потому, что я разделяю его и Тома Аутленда презрение к «грязной наживе» и бессмысленному приобретательству. Я люблю Тома Аутленда, возможно, больше, чем любого персонажа из каких-то других книг, и очень восхищаюсь мастерством, с которым Кэсер поведала эту историю. Мой номер 5 — *Фальшивомонетчики* Андре Жида******, которую я прочитал в восемнадцать лет, когда мне отчаянно нужна была книга с персонажами-геями.**

* **Thomas Hal Phillips** *The Bitterweed Path (1950)*, гей-роман.
** *Red Midnight (2002)*
*** **Bienvenido Santos** *Scent of Apples (1979)*
**** **Paul Russell** *War Against the Animals (2003)*, гей-роман.
***** **Willa Cather** *The Professor's House (1925)*
****** **Andre Gide** *The Counterfeiters (1925)*

Я узнал довольно много о писательстве из книги, поскольку Жид молчаливо иллюстрирует в романе многие идеи об этом, что и обсуждают его персонажи, а это очень примечательно. Однако больше всего меня привлекают сами персонажи. Я влюбился в них обоих, этих молодых парней, а также в прекрасный стиль Жида, который, как мне кажется, здесь и в его рассказе *Блудный сын более выигрышный и трогательный, чем в его более же известных произведениях.**

А что вы читаете для развлечения?

Читаю современную гей-литературу, в том числе некоторые из гей-романов для молодежи. А в последнее время с большим удовольствием перечитываю романы Диккенса, которые читал еще в подростковом возрасте.

Какие методы коммерческого продвижения книг оказались для вас наиболее эффективными?

Я не использовал привычное: социальные сети, автограф-сессии, чтения, интервью (до сих пор), — поэтому не знаю, как на это ответить. Я считаю, что сарафанное радио, вероятно, работает для меня лучше всего.

Где вы выросли и как это повлияло на ваше творчество?

Я жил на ферме площадью два акра в сельской местности штата Арканзас до десяти лет. После этого были пригороды Литл-Рока, затем Уэйко***, Техас. Я изо всех сил старался не упоминать свою семью в моих книгах из уважения, но места, где происходит действие часто очевидны, даже если и не названы. *Clicking Beat* — это книга о Литл-Роке. *Heart and Soul**** в основном базируется**

* *Le retour de l'enfant prodigue (1907),* в русском переводе *Возвращение блудного сына.*

** около 0.8 га

*** **Waco** - население ок. 150 тыс.чел.

**** *Сердце и Душа (2020)* - второй роман автора

на моих годах деревенской юности, но также включает часть из того, что я пережил, путешествуя за границей, и некоторое время из жизни в Амстердаме. *Космос* и *Связи — это истории Уэйко, с духом тех мест, проявляющимся в персонажах. В *Ничто не безответно*** заметно некоторое влияние Остина, где я провел восемь лет, включая учебу в колледже. *Затаив дыхание**** вобрало многое из тех двух лет, когда я преподавал английский язык в средней школе Арканзаса. Ни один персонаж в книге не воплощает кого-то, кого я знал, но эти люди, несомненно что-то добавили некоторым персонажам от себя.**

Когда вы не пишете, как идет время?

Я много путешествовал, вырастил двух сыновей. Теннис - мой вид спорта, и в течение многих лет я играл с кем-то из моих братьев, друзей или иностранных студентов по обмену почти ежедневно. Я всегда любил концерты и побывал на очень многих. Жизнь в Остине хороша для этого. Шоу в *Armadillo World*** клубе *Foot****** и других были потрясающими. Помимо этого, мне нравится плавание, походы, пеший туризм, верховая езда, прогулки с собакой там, где она может свободно побегать, и, конечно же, чтение. Я провожу много времени, наблюдая за природой и слушая тишину. Меня до сих пор поражает, что, рассматривая далекую звезду, я заглядываю на сто или более лет в прошлое.**

* *Space (2020) и Truck(2020)* - две повести К.Хейла, изданные книгами.
** *Nothing Strikes Back (2022)*, в электронном виде в 2013г.
*** *Breathless (2022)*
**** **Armadillo World Headquarters** (1970-1981) - культовый концертный зал и клуб в ангаре бывшего арсенала Национальной Гвардии в Остине, Техас.
***** **Club Foot** (1979-1983) - клуб и концертная площадка в Остине. Открыт в бывшем помещении склада, причем часть помещений размещалась в подземном этаже.

Опишите свой рабочий стол?

Это четырехсекционный стол из вишни, сразу напротив окна. Здесь — компьютер, принтер и другие инструменты для писательской работы. В ящиках две вазы и три небольшие хрустальные вещицы, - подарки от моих сыновей и бывшего партнера. Я вспоминаю, нет ли там еще чего-то особенно интересного, и лучшее, что приходит на ум, — это ручка *Cross, подаренная мне моей школьной учительницей английского языка, которая прилетала ко мне на частном самолете несколько лет назад. Ее самолет вызвал настоящий переполох в нашем маленьком муниципальном аэропорту, а мне ее визит доставил огромное удовольствие.**
Она оказала на меня огромное положительное влияние в тот момент моей жизни, когда мне это было особенно нужно. Она также познакомила меня с А. Э. Хаусманом, который остается моим любимым поэтом.**

В чем для вас самая большая радость писательского труда?

Моменты явления музы и нахлынувших идей. Радость окончания книги, письма от читателей. Вот почему мой адрес электронной почты указан в конце каждой из книг и на сайте моего издателя. За эти годы несколько моих читателей и я стали хорошими друзьями, но я так часто переезжал, а иногда и намеренно делал так, чтобы меня было трудно найти, что немногие дружеские отношения любого рода могли сохраниться. Это только моя вина, конечно.

Что значат для вас ваши поклонники?

Реакция читателей на *Clicking Beat* была удивительной и чрезвычайно обнадеживающей для

* АТ **Cross** Company, LLC - американская компания по производству письменных принадлежностей в Провиденсе, штат Род-Айленд . Основана в 1846 году и одна из старейших производителей ручек в мире.
** см. прим. к стр. 19

молодого писателя. Я отвечал на каждое письмо и до сих пор отвечаю. Я ценю любое доброе слово. Я помню, как было замечательно, когда Томас Хэл Филлипс ответил на мое письмо как его поклонника. Я писал ему, что *Путь горькой травы* напомнил мне *Обрати взор свой на этот дом, ангел Томаса Вулфа. Он ответил, что это его любимая книга. (Кстати, повесть Томаса Вулфа *Потерянный мальчик*** — мое любимое литературное произведение, — просто захватывающее дух понимание и чуткость к человеческому состоянию, переданные в идеально выверенной лирической прозе.)**

Над чем вы работаете? Что будет следующим?

Не слишком уверен. Думаю, что, возможно, я написал достаточно, но есть пара незаконченных рукописей с кое-каким хорошим материалом, так что, возможно, я вернусь к ним.

* *Look Homeward, Angel: A Story of the Buried Life/Обрати взор свой на этот дом, ангел: История погребенной жизни (1929)* — первый роман Томаса Вулфа, который считается весьма автобиографичным американским повествованием о взрослении.
** *The Lost Boy (1937)*

«Я помню всех друзей, как братьев,
Когда они и смысл тебя и жизнь,
Я помню всех, а с ними рядом,
Ты был готов и жить и жить.».

Первый роман Кита Хейла, *Clicking Beat on the Brink of Nada/Клацающий звук на краю пустоты*, был опубликован в Амстердаме в декабре 1983 года. Несмотря на очень ограниченное распространение, книга получила высокую оценку критиков со всей Европы и Северной Америки. Однако автор, не удовлетворившись своей работой, вернулся к оригинальной рукописи и переписал ее от начала до конца. *Cody/Коди* — результат этих необычных усилий. Это история двух друзей, пытающихся понять мир, в выпускном классе средней школы Литл-Рока, штат Арканзас. Ее страницы наполнены тревогами, неожиданным остроумием, тайной — и любовью, в ее самых чистых и самых ранящих проявлениях.

"Завораживающий образ юношеской дружбы, разрушенной зверски жестоким миром.
Роман Кита Хейла буквально наполнен болью первой, подростковой, любви. Это трогательно, забавно, искренне."
– Уильям С. Берроуз

Кит Хейл вырос в сельской местности Арканзаса и в Уэйко, штат Техас. Издавал журналы в Остине, Амстердаме и Литл-Роке; Работает над вторым романом: *What Daniel Did With His Life/Что Дэниел сделал со своей жизнью.*